

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского

Том 17 (56). № 1
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Симферополь
2004

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 17 (56). №1

Политические науки.

Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2004

Журнал основан в 1918 г.

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. - главный редактор
Бержанский В. Н. - заместитель главного редактора
Ена В. Г. - ответственный секретарь

Редакционный совет серии «Политические науки»

Артюх П. И., доктор политических наук, профессор,
Габриелян О. А., доктор философских наук, профессор (редактор отдела),
Кальной И. И., доктор философских наук, профессор,
Кащенко С. Г., доктор исторических наук, профессор,
Муляр В. И., доктор философских наук, профессор,
Филатов А. С., кандидат философских наук (ответственный секретарь),
Швецова А. В., доктор философских наук, профессор,
Юрченко С. В., доктор политических наук, профессор,

Гаспарян М. В., технический редактор.

Печатается по решению Ученого совета Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского. Протокол №8 от 30 сентября 1999 г.

© Таврический национальный университет, 2004 г.

Подписано в печать 05.04.2004. Формат 70x100 ¹/₁₆

11,2 усл. п. л. 12,0 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ № 248.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ,
ул. Ялтинская, 4, г. Симферополь, 95007.

«УЧЕНИЕ ЗАПСКІ ТАВРІЧЕСКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТА ім. В. І. ВЕРНАДСЬКОГО»

Науковий журнал. Том 17(56). №1. Серія "Політичні науки".

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2004

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007.

Надруковано у інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського, вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007.

УДК 316.722

К дискуссии

А. А. Чемшит

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС ЗАПАДА

Людам всегда было свойственно желание узнать своё будущее. На вопрос «почему?» наилучшим образом отвечает «цыганка», поющая следующие строки в фильме «Ах, водевиль, водевиль...»: «Счастье в жизни предскажет гаданье, и неожиданный удар роковой, звон казённый дорогою дальней, и любовь до доски гробовой». Если переложить текст песни с языка поэзии на язык теории политического управления, получится так. Человечество желает научиться предсказывать катастрофы в социально-экономических (политических) системах, чтобы ответить на вопрос: «Можно ли заранее оценить вероятности двух возможных выходов из кризиса с продолжением развития в прежнем качестве и вероятность катастрофы с переходом в качественно иное состояние?»¹. Большинство современных футурологов склонно ответить на этот вопрос положительно. Тем не менее они не смогли предсказать ни энергетический кризис 70-х гг. XX века, ни разрушение политической системы СССР в годы девяностые. И это неслучайно. «Практика показывает, что за какой бы прогноз ни брались эксперты,.. в большинстве случаев используются эволюционные механизмы и модели развития. То есть предполагается, что характеристики объекта мало меняются за малые интервалы времени» (там же). Порочность подобного подхода заключается в том, что приведенный выше постулат не может быть применён в непосредственной близости от зоны, в которой становятся практически достоверными катастрофические (бифуркационные) переходы. Гадалка прокомментировала бы эту ситуацию так: «Карты старые лягут под веер на платок с бахромой по краям, и цыганка сама вдруг поверит благородным своим королям». Иначе говоря, для предсказания будущего политической системы совершенно необходимо заранее знать, в какой зоне (эволюционной или бифуркационной) находится объект, относительно которого делается футурологический прогноз, и лишь потом применять изошрённейшие политические, экономические и социальные методы и модели. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос: как обеспечить адекватность оснований указанного выше прогноза?

Хорошо известно², что степень удовлетворённости базовых интересов членов групп интересов, обладающих максимальной политической мощностью, постоянно меняется. И если эта удовлетворённость опускается ниже допустимого предела, наступает политический катаклизм, характеризующийся тем, что «в такой ситуации резко возрастает роль активных лидеров, активных личностей, малых активных

групп, направляющих развитие процесса исключительно в своих интересах». Политическая система (в смысле Д. Истона) общества должна быть теоретически способна реагировать на действие этого фактора соответствующим изменением способа распределения национальных ресурсов. В максимально обобщённом виде такое реагирование описывается политологическим кругом А. Дугина³. Однако если система оказывается не в состоянии блокировать антисистемный эгонизм мощных групп интересов, говорят, что она теряет устойчивость, когда даже малые воздействия могут вызвать катастрофу, то есть скачок в одно из устойчивых состояний без сохранения качественной определённости системы. Данная ситуация описывается теорией информационно-энтропийного цикла Е. Седова⁴, из которой следует, что политическая система является устойчивой только в том случае, если соотношение ресурсов, контролируемых и не контролируемых государством, составляет 4 к 1. Только в этом случае работают так называемые «политические качели» (республиканцы / демократы в США, консерваторы / лейбористы в Великобритании, правые / левые коалиции в Западной Европе, полупартийные системы в странах Азии). Таким образом, мы имеем не одну, а две бифуркационные зоны: первая – где указанное соотношение << оптимального, и вторая – для которой фактическое соотношение >> $4/1$. «Значительно» означает выход за границы 4%-го диапазона статистического отклонения. В первом случае мы имеем дело с политически несuverенной подсистемой некоей более общей системы, а во втором – с системой тоталитарной, которая сама состоит из политически несuverенных подсистем.

Каждая из этих ситуаций является взаимным продолжением: предельно централизованная (тоталитарная) система непременно вызывает мощную антисистемную активность групп интересов, приводящую к её разрушению и образованию несuverенных осколков. В свою очередь, эти осколки, в результате конкурентной борьбы за ресурсы, могут образовать тоталитарную систему любой этиологии (идеологической, психологической, финансовой и так далее). Задача нахождения достаточного для анализа основания сводится, таким образом, к определению области локализации объекта относительно «седовского» аргумента $4/1$. Что же касается характеристик системы в оптимальной зоне, то они определяются следующим социологическим законом: общество представляет собой социальную систему до тех пор, пока оно:

- а) обладает потенциалом самовосполнения численного состава;
- б) располагает относительно постоянной территорией;
- в) имеет развитую автохтонную культуру (в том числе политическую);
- г) политически независимо (то есть располагает суверенитетом).

Стабильная политическая система всем внутренним и внешним агентам (акторам) предоставляет возможность автономного существования в границах разрешённого сектора политической и экономической активности. При этом качественная определённость системы (национальная политическая культура является источником системообразующего фактора) угрозе не подвергается. В рамках настоящей статьи покажем, что для современных западных обществ это условие стабильности не выполняется. Почему?

Вот как отвечает на этот вопрос Д. Къеза, глава аналитического института по

проблемам глобализации в Милане (Италия). Основным цивилизационным противоречием современности он считает дисбаланс между сверхвысоким уровнем потребления на Западе и адаптационными возможностями природы. «В данном контексте и Америка сейчас находится в глубочайшем кризисе. Земной шар с его минеральными богатствами, запасами воды и земельными угодьями не сможет обеспечивать не только рост жизненного уровня, но и поддерживать растущее народонаселение в нынешних рамках... Выходить из этого кризиса с помощью прежних (экономических – А.Ч.) механизмов – значит приблизиться к мировой катастрофе»⁵. Более того, стало очевидно, что экономическое развитие Запада остановилось (рост не более 1% в год), в значительной степени утрачен контроль над финансовыми потоками. Манипулирование прежними рычагами не помогает: в 2001 году потерпели неудачу как попытки уменьшить стоимость доллара, так и варьирование процентной ставкой.

Сценарий возможного развития событий называют «глобальной смутой» – и он будет наиболее близок к воплощению в жизнь в случае обвального краха западной экономики. О реальной возможности такого развития событий говорили и говорят многие – от З. Бжезинского в США^{6,7} до митрополита Иоанна в России⁸. Возможность взрыва внутри потребительской цивилизации Запада заложена в самых сокровенных основаниях механизма её эволюции. Сотни лет она отвергала любые «идеальные цели, не сулившие прямой материальной выгоды и сверхбарышей. Сегодня расширить производство можно лишь при условии, что объём вовлекаемых в хозяйственный цикл природных и трудовых ресурсов постоянно увеличивается... Здесь – важнейший побудительный (мотив) западного колониального экспансионизма и гегемонистских претензий. Его механизм устроен так, что он просто не может остановиться. Остановка означает смерть для Запада. Даже уменьшение темпов прироста вызывает его серьёзные внутрисистемные кризисы... Но когда-то остановиться придётся»⁹.

И теперь уже известно, когда. Положительная экономическая динамика КНР растёт на уровне 8% в год уже в течение 20 лет. «Вы представляете, один миллиард 200 миллионов человек набирают невиданную мощь. Очень скоро они будут главными потребителями земных ресурсов, образно говоря, «сожгут весь бензин и выпьют всю воду», если будут строить дома в 100 квадратных метров каждой семье, как у нас, на Западе. Как к этому отнестись? Если один «золотой миллиард» уже испортил атмосферу и ставит вопрос о ресурсах, что будет, когда два с половиной миллиарда будут потреблять ресурсы? Америке не выдержать такой конкуренции. В США есть документ, который это доказывает. Он был выпущен в свет к концу 2000 года. Там говорится, что Китай становится всё более опасным для Запада, а к 2016 году сможет не только защитить себя, но и активнее вести наступательные действия»¹⁰.

Если учесть смысл знаменитой фразы, оброненной Р. Рейганом, что «уровень жизни американского народа не может быть подвергнут ревизии», то получается, что «глобальная экономическая сумятица» дополняется глобальным противостоянием с КНР. «Американский ответ на это – глобализация как упреждение угрозы. И экспансия экономическая по всем направлениям... Есть пример, связанный с новейшей экономикой, когда было видно, что прогнозы о её развитии тоже рухнули.

Все телефонные компании США... накопили астрономические долги. Они купили новые системы и ожидали, что в течение нескольких лет будет взрыв развития. Этого не произошло... И теперь абсолютно ясно, что борьба с так называемым терроризмом, война с Ираком – это только трюк, призванный отвлечь внимание от пагубного положения дел в своей стране»¹¹. Сегодня США накопили колоссальный интеллектуальный потенциал, однако именно это обстоятельство является весьма настораживающим. Учёные Немецкого института США обнажили важную проблему, суть которой они сформулировали так.

«При столь большом количестве и высокой концентрации интеллектуальных сил должен был начаться процесс их самостоятельного воспроизводства. Но воспроизводства нет... Следовательно, американское общество обладает какими-то характеристиками, убивающими интеллект либо не позволяющими ему развиваться»¹². Что же это за характеристики?

Самую грозную опасность для Запада представляет отнюдь не угроза со стороны исламских террористов, а культурно-цивилизационный кризис. Именно этот кризис и порождает всё новые и новые отряды террористов. Сегодня мы являемся свидетелями разворачивания процесса нового «великого переселения народов» в меридиональном направлении, а также резкого увеличения в западных странах числа носителей незападных культур.

Что касается США, то снижение веберовского потенциала нации общеизвестно, как общеизвестно и то, что налицо быстрое увеличение числа людей, абсолютно не склонных жертвовать личным потреблением во имя производства материальных ценностей. Качество системообразующего (пуританского) человеческого материала быстро ухудшается. Физиологические (по классификации А. Маслоу – низшие) базовые потребности выходят на первое место. М. Тростников указывает на то, что сегодняшнее поколение американцев понимает только свою плоть, «ибо она есть их верховное божество, и вся их жизнь есть обслуживание этого единственного божества, протекающее в трёх основных формах. Вот они:

- 1) утверждение собственной плоти через сокрушение чужой плоти...;
- 2) активное возбуждающее угождение своей плоти через различные виды совокупления с чужой плотью, не признающее в своей изощрённости никаких моральных ограничений, и, наконец,
- 3) пассивное, расслабляющее угождение ей же через устроение материального комфорта»¹³.

Р. Борк («Ковыляние к Гоморре»), О. Платонов и М. Тростников находят удивительное сходство между современной Америкой и Римом времён упадка. Среди них: необыкновенная любовь к водным процедурам (как римляне не могли жить без терм, так и американцы – без бассейнов); фанатическое массовое увлечение гладиаторскими сражениями (роль гладиаторов в США играют хоккеисты, боксёры, баскетболисты, игроки в национальный футбол), а также колоссальное распространение мужеложства. Это последнее наглядно свидетельствует о том, что кто-то или что-то (Бог, природа) приняли решение о прекращении нормального воспроизводства жизни.

В 1948 году увидел свет доклад доктора-психиатра А. Кинси. Его исследования

показали, что уже тогда 10% американцев и американок в возрасте от 16 до 55 лет были «плотно» знакомы с гомосексом, а 37% мужчин испытывали склонность к нему¹⁴. Эти сведения, применительно к лесбиянкам, дополнил коллега А. Кинси, доктор Ф. Виттельс¹⁵. По его сведениям, в группе 1200 незамужних женщин среднего класса и среднего возраста 37 лет: 20% имели физические лесбийские связи, а 51% имели сильные эмоциональные лесбийские побуждения. Среди их замужних товарок показатели такие: имели добрачные лесбийские контакты 15%, а «сильные эмоциональные побуждения» имели 32%. «Итак, 15% + 32% = 47% замужних женщин, знакомых с гомосексом!»¹⁶. Где уж тут до производства жизни и передачи ценностей национальной культуры! Кстати говоря, аналогичные данные по СССР опубликовал в 1974 году и доктор А. Свядош¹⁷, что, кстати говоря, было демографической основой кризиса и распада советской системы и источником многих социальных проблем сегодня. Как бы там ни было, а богохульные дела и помыслы сынов Адама и дочерей Евы и в СССР и в США привели к запредельному снижению социализирующей роли семьи. Но если в СССР распадалась одна треть браков, то в США распадается уже половина из них.

Увеличение количества «голубого и розового» населения привело к политическим движениям за его эмансипацию, сначала во Франции, Англии и Германии. Начиная с 50-х годов, лидерство перешло от Германии к Соединённым Штатам. «В Нью-Йорке возникает Фронт освобождения сексуальных меньшинств, ставший главным штабом по проведению сексуальной революции в части пропаганды и насаждения содомитства. Акции содомитов приобретали откровенно воинственный характер. Так, летом 1969 года в нью-йоркском кафе «Стоунуолл Инн» геи и лесбиянки подняли восстание против полиции и всех, кто выступал против них. Преступники избивали полицейских, поджигали дома. В восстании участвовало более двух тысяч содомитов из Нью-Йорка и его окрестностей. С этого времени содомиты начали диктовать свои условия властям. Геи и лесбиянки не только получили все юридические права, но и особую защиту от «предрассудков». Американское законодательство запретило не только противодействовать, но даже протестовать против деятельности содомитов»¹⁸.

И с той поры началась мода на содомитские свадьбы и их освящение государством, вплоть до венчания в церквях и получения преимущественных прав на усыновление детей (хотя пока и не во всех штатах). Летом 1997 года содомиты всего мира съехались в Сан-Франциско и в течение четырёх месяцев праздновали столетие движения за эмансипацию сексуальных меньшинств. Фестивалю сопутствовала соответствующая «культурная» программа, щедро финансируемая весьма влиятельными организациями – Центром гомосексуалистов и лесбиянок Сан-Франциско, Гёте Институтом, Гарвей Милк Институтом, Центром холокоста Северной Калифорнии и так далее¹⁹. Тогда же состоялся 27-й по счёту большой содомитский парад. Только по официальным данным в нём участвовало от 500 до 700 тысяч человек²⁰. Шествие продолжалось 8 часов. Его открыл лично городской голова, мэр У. Браун. С приветствиями к манифестантам обратились представители правительства и Конгресса США, в том числе коллега собравшихся по их «хобби» конгрессменка С. Сожорнер. Как написали бы И. Ильф и Е. Петров, в этой демонстрации, как у

вдовы Грицацуевой, «было всё»: проезд обнажённых моторизованных пар, упражнения на автомобильных платформах в духе советских комсомольцев двадцатых годов, мазохисты и садомазохисты, «играющие» цепями и бичами, мотоциклетный парад зоофилов с собаками, шествие азиатских гомосексуалистов – японцев, корейцев и китайцев, а также бисексуалов и транссексуалов (трансвеститов) и, наконец, дефилирование сочувствующих, в том числе американских чиновников, священнослужителей, а также представителей различных профессиональных «цехов» – от футболистов до телевидения и летчиков. Весь этот шабаш сопровождался размахиванием флагами, громкой музыкой, выкрикиванием лозунгов, разбрасыванием листовок и так далее. Следует ли согласиться с тем, что происходившее, как и происходящее по сей день, есть частное дело лишь непосредственных участников? На первый взгляд кажется, что, да. Но это не так.

Во-первых, для носителей так называемого «веберовского» сознания не было свойственно ограничение цели жизни до получения чувственного удовольствия. Уже хотя бы поэтому происходящее в США подрывает силу системообразующего фактора североамериканской политической системы. Во-вторых, увеличение числа лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией опасно для любой системы, а учитывая политическую и экономическую мощь США – и для мира в целом. Хорошо известно, что указанные лица отличаются повышенной агрессивностью, непочтительностью к существующим законам; это является особенно опасным в том случае, если волею судеб они вознесены до вершин государственной власти. Такими были римские императоры: Нерон (54 – 68 гг.), Сервий Гальба (68 – 69), Марк Отто (69), Авл Вителлий (69), Тит (78 – 81), Домициан (81 – 96), Марк Нерва (96 – 98), Траян (98 – 117), Адриан (117 – 138), Коммод (180 – 192), Каракалла (211 – 217), Гелиогабал (218 – 222) и другие, английский король Ричард I (Львиное Сердце), Цезарь Борджиа (1476 – 1507), Пётр Великий (бисексуал), Франц Лефорт, князь А. Меншиков, король Швеции Карл XII, Иван IV (Грозный, бисексуал), Фридрих Великий Прусский, Дж. Вашингтон, А. Гамильтон и так далее, и так далее. Ученик знаменитого психиатра Ч. Ломброзо, М. Нордау-Зюдфельд, объединил всех этих лиц в категорию «вырождение».

«Вырождающиеся – не всегда преступники, развратники, анархисты или общепризнанные сумасшедшие; иногда они бывают писателями, представителями искусства, но в них преобладают одни и те же умственные, в большинстве же случаев и физические, черты одной и той же антропологической семьи, вооружающие руки одних ножом или динамитным патроном, руки других – пером и кистью... Некоторые из этих вырожденков в литературе, музыке или мире художеств вошли в моду и были провозглашены многочисленными поклонниками за творцов нового искусства и провозвестников грядущих веков... Это явление – далеко не безразличное. Книжки и произведения искусства оказывают сильное влияние на массы; в них современники черпают идеалы нравственности и красоты. Если они представляются безумными и враждебными общественному строю, они, несомненно, вносят смуту в умы и действуют губительно на целые поколения... Наука открыла, рядом с физическими, и характерные душевные признаки вырождения... Ломброзо говорит специально о «маттоидах» (от итальянского слова «матто» – безумный) и «графоманах». Под ни-

ми он подразумевает полуненормальных людей, одержимых писательским зудом. Что характеризует, главным образом, вырождающихся, это – отсутствие понятия о нравственности и правде. Для них не существует законов, сомнений и чувства стыда; они с величайшим спокойствием и самодовольством совершают преступления и проступки... В высшей форме подобное явление называется «нравственным помешательством»; но бывают различные стадии болезни, бывает и такая, между прочим, когда вырождающийся сам ничего не делает такого, что привело бы его в столкновение с законом, но теоретически доходит до оправдания преступления, в целях потока слов доказывает, что «добро» и «зло», добродетель и порок – чисто произвольные деления, восхищается преступниками и их поступками, открывает особую в них красоту и старается пробудить участие и симпатию к диким инстинктам. Корни такого нравственного помешательства можно отыскать психологически в невероятном себялюбии... К числу признаков вырождения следует отнести также и отвращение ко всякой работе, ужас перед деятельностью, «болезнь воли»... Безвольный, одержимый страхом перед работою, вырождающийся, не сознающий, что его неспособность к деятельности является наследственной мозговой болезнью, заявляет, что сознательно презирает труд, что ему нравится безделье. Чтобы оправдать себя в собственных глазах, он строит философскую теорию...»^{21. 22}. Разумеется, подобный менталитет отнюдь не способствует поддержанию в США протестантской трудовой этики и автономного типа политического участия. В то же время, в связи с ускоренным ростом численности африканских, азиатских и латиноамериканских этнических групп, являющихся носителями традиционалистских (или вообще незападных) культур, в США возникло явление, именуемое немецкими учёными «война культур». Однако именно оно послужило основой: во-первых, новой политики национальной интеграции США, а во-вторых, рождённой в недрах «Гарвардского проекта» и Римского клуба проекта «рок-секс-драг-культуры».

Изменение качественной определённости демократической политической системы Запада влечёт за собой изменение привычного «разрешённого сектора политической и экономической активности». Тот факт, что западные системы медленно, но уверенно приближаются к кризисной зоне информационно-энтропийного цикла, теоретически должен свидетельствовать о том, что процессы деморализации должны были поразить и западное общество. Так оно и есть на самом деле. Однако оказалось, что положение вещей ещё хуже: продуцированием маргиналов давно и целенаправленно занимаются сами глобалистские институты. Открытие Л. Ларуша о причастности спецслужб США к импорту наркотиков поначалу вызвало недоумение и недоверие: «этого не может быть, потому, что не может быть никогда!», но вскоре недоумение рассеялось. Ведь социальная и интеллектуальная почва для этого была подготовлена давно.

Значение христианского сознания для человечества среди прочего заключается в том, что оно побуждало людей жертвовать Сущим во имя Должного, но в то же время относиться к Сущему с позиций разума. Кризис социализирующей роли христианской морали привёл к тому, что всё больше и больше людей начинают возвращаться в «естественное состояние», то есть руководствоваться даже не столько чувствами, сколько биологическими инстинктами: борьбы, бегства, воспроизведе-

ния рода и приобретения. Целью жизни становится не достижение Царства Небесного, а получение удовольствия здесь и сейчас. З. Фрейд писал по этому поводу, что «наслаждение – не только основная категория жизни, но и её цель. Энергия наслаждения является воплощением всего сущего... Человек живёт по принципу наслаждения, стремится удовлетворить свои желания, прежде всего сексуальные; вся культура человечества – сублимация неудовлетворённости сексуального желания, человеческого «либидо». Если человек не удовлетворяет своё желание, то оно уходит в область бессознательного и начинает изнутри травмировать его. Избавиться от этой травмы можно с помощью психоанализа. И далее Фрейд делает важный вывод – человек бисексуален изначально, и любые его прихоти в области секса вполне естественны. Все запреты в этой области являются религиозным (читайте: христианским) предрассудком»²³. Так и получилось, что религия, давшая миру человека-творца, стала для атлантической элиты вредна и даже опасна. Изгнание из процесса социализации христианских ценностей привело к тому, что американских родителей не очень беспокоят такие вещи, как атеизм, гомосексуальные отношения, внебрачные дети, «пробная» (без регистрации брака) семья, развод их любимых чад. Наступила эпоха кризиса христианской морали.

Давайте поставим себя на место дряхлеющей элиты атлантистов и подумаем над таким вопросом: кто представляет для неё максимальную опасность? Бесспорно, те нации и социальные группы, у которых потребность в самореализации, самоактуализации и самоутверждении («отцы и дети») максимальна. А это неременный атрибут молодости. Именно силами молодёжи ведутся революционные войны, именно молодёжь наиболее остро воспринимает социальную несправедливость и мечтает о переустройстве мира, именно молодёжь составляет первое поколение «элиты львов». Следовательно, энергию молодости необходимо нейтрализовать, иначе говоря – направить её в безопасное для элиты русло. Нужно сделать так, чтобы молодёжь перестала грезить о демократии и начала проявлять равнодушие к социальным язвам. И средство для этого было найдено – наркотики. Наркоман полностью зависит от наличия или отсутствия «адского зелья», и если о чём и мечтает, то только о «манне небесной» в виде героина, ЛСД, крэка и тому подобном.

Но наркотики сами по себе – это и много, и мало. Много, то есть достаточно, чтобы нейтрализовать одно поколение, и мало для того, чтобы решить задачу радикально. Необходимо было сделать так, чтобы создать самовоспроизводящуюся молодёжную субкультуру, так или иначе основанную на наркотиках. И она была создана. Её социальное моделирование шло в двух направлениях: а) внедрение в массы идеи о грозящем перенаселении и необходимости (благодарности) «естественного отбора»; и б) формирование отвращения к жизни и убеждённости в том, что человеческое существование бессмысленно. Первое направление разрабатывалось Римским клубом, начиная с 60-х годов XX века, а второе поддерживалось такими интеллектуалами, как неомарксист Г. Маркузе, писатели О. Хаксли и Ж.-П. Сартр, композитор Т. Лири, поэт А. Гинсберг, психиатры Юнг, Камерон, этнологи М. Мид, Г. Бейтсон и другие²⁴.

В итоге всех этих усилий родилось детище, само название которого представляет собой технологию втягивания молодёжи в наркоманию: «rock – sex – drug culture».

Приходится только очередной раз поразиться гениальной идее Платона о роли «музыкального, поэтического и гимнастического воспитания». Вначале юношеству была предложена лишённая мелодичности ритмичная музыка африканского типа и внушено отвращение к классическому искусству, как к буржуазному явлению. И по сей день поддерживается популярность до мозга костей развращённой тётки, которой американские шоумены присвоили имя Девы Марии, священное для всех христиан (Мать Божия, Приснодева Мария). «Откровенная шлюха в жизни, блудница (говоря языком христианина), практиковавшая и содомитство, глумилась над священным образом креста, распевая свои... песенки, раздеваясь догола и манипулируя крестом между своих ног»²⁵. Эта «кумиресса» молодёжи, равно как и многие её коллеги по «антихристианскому цеху», оканчивают жизнь одинаково – от передозировки наркотиков.

Итак, молодые люди «начинают слушать рок-певцов, от музыки и текстов которых растормаживается сфера влечений. Потом, подражая своим кумирам, предаются «свободной любви». Но «свободная любовь», если называть вещи своими именами, это разврат. Старательно подавляемое – чего не сделаешь ради моды! – но от этого только более мучительное чувство стыда приводит к депрессиям. А их ведь тоже полагается скрывать, иначе какой же ты крутой! И потому возникает жажда «оторваться», «улететь». Подальше от постылой жизни. Зарубежные исследователи поведения наркоманов давно вывели алгоритм: в течение года после первой случайной связи многие подростки, как правило, пробуют наркотики. Ну, а дальше – по схеме порочного круга. Возвращение из «дивного мира» вызывает ещё более острую и нестерпимую «тошноту жизни» (как очень точно назвал это состояние Сартр). И мечтаешь только об одном: поскорее «заторчать» вновь. Музыка сама по себе и секс сам по себе уже не спасают даже на короткое время. Нужны более сильные стимулы. Без «травки» или «колёс» уже не обойтись. Точно таков и механизм перехода от «лёгких» наркотиков к более «тяжёлым». Дальше – психический и физический распад. Потом – финал, который наркоман обычно воспринимает как давно желанное освобождение»²⁶. Где уж тут мечтать о судьбах родины и человечества!

Подросткам и юношам свойственно моделировать взрослую жизнь, как бы играть в неё, избирая себе авторитетное лицо для подражания. В настоящее время этими авторитетами уже не являются герои – как образцы социально-приемлемого поведения (святые, воины, космонавты, учёные, государственные деятели и даже родители). Их место заняли представители богемы – голливудские дивы, рок-музыканты, постмодернистские художники, «модели» из журналов мод. И это вполне естественно, так как эта социальная группа ничуть не напоминает «мальчиков-одуванчиков» и воспитанниц пансиона благородных девиц, словом, воплощённые Бивис и Батхед из программ MTV. Ни с чем не сравнимую роль в распространении масс-культуры вообще, и RSDC в частности, играют анимационные фильмы. Они создают и поддерживают у детей ощущение игрового характера жизни, главными элементами которой являются «деньги и борьба за власть». Как Вы думаете, кого избрала компания 3DO в качестве персонажей, способных спасти Землю от всемирной катастрофы? Правильно – «среднего» человека в компании наёмного

убийцы, продажного политика и проститутки²⁷! Насилие и его реалистичность в мультсериалах и компьютерных играх способствуют эскалации насилия, сознанию правомерности расправ в отношении всех встречных и поперечных.

Даже поверхностный взгляд на журналы, радио и телепрограммы для молодёжи позволяет заметить, что все они отлично работают на формирование психологической доминанты «рок-секс-наркокультуры». Это и обилие «клубнички», жаргона наркоманов и гомосексуалистов, и заниженный, «нерефлексивный, одноклеточный» интеллектуальный уровень большинства материалов и программ; страницы и экраны заполнили «безбашенные отморозки», фигуристые девицы в облачениях Евы, Аполлоны с мускулами вместо мозгов, ведьмы и колдуны, реклама афродизиаков и косметики из фетальных тканей, иначе говоря, всё то, что идёт вразрез с традиционной культурой, подогревает сексуальность, предельно занижает уровень самокритики. Но главное всё же слово. «Слова ведь не просто сочетание звуков. Слово настраивает человека на определённый лад по отношению к реальности. Одно дело сказать: «Я без тебя жить не могу». И совсем другое: «Я от тебя тащусь». «Он вколол себе наркотик, и у него галлюцинаторный бред» - это один образ. А «он заторчал на игле» - совсем другой»²⁸. После того, как соответствующая психологическая доминанта сформирована, какого-нибудь Васю Пупкина совершенно бесполезно переубеждать, говоря, что музыку, навевающую мечты и наводящую на размышления, например, Fausto Papetti, исполняют не только в концертных залах, но и в дорогих ресторанах. «Пупкин тут же возразит, что денег на ресторан у него нет, а когда появятся, он всё равно будет слушать группу «Мозги набекрень», поскольку ничего лучшего не придумано, и вряд ли когда-либо будет. А вот то, что автор статей просто старый п..., не понимающий современной музыки, просто очевидно из его старческого брюзжания»²⁹.

На Западе США и Англия внесли и вносят огромный вклад в наркотизацию молодёжи, распространяя свою активность и на «третий мир», в том числе Украину. С наших страниц, полос и экранов уже не сходят персонажи типа Бивиса и Батхеда. Даже популярный журнал для девочек, и тот именуется «Cool» («Крутая»). На словах наркомания осуждается, проводятся даже фестивали типа «Рок против наркотиков», но первооснова явления не затрагивается никак. Это всё равно, как если бы молодой доктор из рассказа М. Булгакова «Звёздная сыпь» прописал бы мужику, страдающему от вторичной стадии сифилиса, не ртутную мазь, а полоскание горла, иначе говоря, лечил бы не болезнь, а её симптомы. Чему же тут удивляться, когда сегодня отмечается уход значительной части молодёжи в андеграунд, а её энергия направляется в нужное политикам русло? «Так, УНА пользуется поддержкой известных музыкальных групп, в т.ч. русскоязычных: «Вий», «Заратустра», «Кому вниз», «Плач Иеремии», «Рутения» и др. Их концерты в Киеве собирают многочисленные толпы экзальтированных юнцов, по сути являющиеся организационным оформлением хунвэйбиновских групп. После концертов стены новостроек покрываются граффити, агитирующими за УНА. Таково же российское движение «Голосуй, или проиграешь!» Если на таких сборищах «выкинуть» соответствующие лозунги-призывы, то легко направить разрушительную энергию молодёжи на требуемый объект»³⁰. Здесь проявляется ещё один эффект «молодёжной культуры»: не

только маргинализация общества, но и воспроизводство антиэлиты, питательной среды терроризма.

На этом фоне «утверждения... о слиянии осколков различных культур, привнесённых в Соединённые Штаты эмигрантами, о зарождении «первой интернациональной общечеловеческой массовой культуры»... не совсем соответствует действительности... (Но) недостаточно сказать, что представители различных рас и национальностей в США «просто не смешиваются» (Негр, индус, итальянец, китаец, японец, еврей... сохраняют свой культурный психотип и не ассимилируются... в 3 – 4 поколения)... Чуждая ментальность, чужая культура вызывает неприятие, раздражение, скрытый или явный отпор – встречную агрессию. Неприятие влияет на формирование психологических установок и поведенческих мотиваций субъекта в отношении иной расы или национальности. В случае, если между национальностями не возникло существенных различий, и в прошлом нет исторических конфликтов, антагонизм не возникает, а их представители могут сосуществовать мирно.

Если же история взаимоотношений... знает столкновения и кровь, или же психоти́пы расы, религии тотально различны (белый – негр, европеец – китаец, белый – индеец, католик – православный), то мир настоящий, глубокий и длительный на уровнях сознания, и тем более подсознания, в рамках одного социума невозможен (выделено нами – А.Ч.).

Разумеется, ... часть населения США, в первую очередь, метисы, по расовой, национальной и религиозной линиям утратила своё национальное, религиозное, расовое и культурное единство. Эти люди переродились в денационализированную биомассу, удовлетворяющуюся масскультурой... Именно такими хотят видеть американцы граждан всех остальных государств, именно это отвечает национальным интересам США». Метисация населения США продолжается, что делает необходимым продолжение проведения политики так называемой «политкорректности». В докладе учёных Немецкого института США далее говорится следующее. «Уже несколько лет в СМИ США распространяется «негромания»... – превознесение мнимых достоинств... негритянского населения. Сюжетный конфликт выстраивается вокруг столкновения «хорошего, доброго и честного негра» с «подлым, ленивым, преступным белым». В реальности всё как раз наоборот... Подобная культурная агрессия вызывает антагонизм и... контрагрессию (например, расстрел школьников в Колорадо двумя белыми подростками. Мотив: ненавижу негров и спортсменов). **Между различными культурами в рамках одного государства мир невозможен в принципе. Зедь культура – это передача особенностей психотипа нации наглядными средствами, творчеством, образом поведения** (выделено нами – А.Ч.). Культура негров – танцы, джаз, барабан, ажголь и биологический секс. Негритянский культ ведёт к расслоению общества, где искры под пеплом вспыхивают костром национально-расово-религиозной ненависти, и проливается кровь».

Немецкие учёные делают следующий вывод. «Внутреннее психопатическое состояние постоянной борьбы «всех со всеми», характерное для американского общества, перерождается в пренебрежение как жизнями других, так и их культурой. Поэтому падают бомбы на Боснию и Ирак, Афганистан и Судан, Сомали и Гренаду. Только безграмотный, бескультурный человек уверен, что он всё знает, умеет и по-

нимает лучше других, отвергая потому всё чужое без рассмотрения. Только хулиган, издеваясь на улице над более слабыми, считает, что он «самый-самый»... до тех пор, пока не появляется полицейский. Хулиганы – это отбросы общества, но в случае с США подобной модели поведения придерживается целое государство. Страна воинствующей антикультуры, переполненная внутренними противоречиями. Страна заносчивых, внутренне раздвоенных, агрессивно-нетерпимых людей... Подавляющее большинство населения США не воспринимает имеющиеся в их стране противоречия как таковые из-за того, что общество находится в состоянии перманентной межкультурной войны, войны, в которой побеждает бескультурие»³¹. Отдельные представители американской элиты, хотя далеко не все, это уже понимают. Бывший сотрудник ЦРУ Ч. Джонсон, эксперт по вопросам Азии, политолог и автор книги «Империя разваливается», осуждая деятельность У. бен Ладена, тем не менее, пишет следующее: «США должны понять причины и действовать на основе этих новых взглядов, а не просто реагировать, как империалистический дебошир»³². Но имеет ли эта мысль хоть какие-нибудь шансы быть услышанной большинством?

«Имеем ли мы право вообще говорить о существовании элиты в США? В обществе, где нет истории, нет культуры, а есть только финансовые интересы, сложно выделить нечто, оправдывающее название «элита». Элита складывается веками, воплощая, пусть и с определёнными издержками, культурный и социально-политический облик нации». Однако в США происходит не конвергенция, а дивергенция культур, несмотря на титанические усилия к их сближению. А пока там «происходит столкновение культур, война этносов и религий. А элиты – квинтэссенция интеллектуальной и культурной мощи нации – нет... Именно отсутствие развитой мощной культуры и элиты, её носительницы, вкупе с протестантской философией и агрессивной психологией ведут к деградации общества США, общества, способного существовать только за счёт импорта «мозгов» со всего земного шара, посредством которого и удовлетворяется большая часть потребностей этой страны». Но если страна вынуждена постоянно экспортировать «мозги», то есть высокоинтеллектуальных носителей национальных культур всех стран и народов, то она вынуждена делать так, чтобы ни одна конкретная культура не стала преобладающей. Отсюда и самые разнообразные виды «политкорректности». «Мальчиками для битья» становятся то мусульмане, то китайцы, то немцы, а вот теперь в США завелась злокозненная «русская» мафия. Следующая цитата, как нам кажется, очень точно всё это иллюстрирует.

«Хотя... не странновато ли: подозреваемый – грузин Магулия, а в группе расследования – грузин Хачулия. Кучность малочисленного грузинского народа на квадратный метр *страны Бога и моей* не настораживает ли? Не настораживает. Не должно. И даже не ирония судьбы, а всегдашняя американская сбалансированность. Если ФБР разоблачает тайную организацию арабских террористов-смертников, то в составе оперативной группы непременно оказывается характерный смуглый-курчавый-носатый Ахмет-Омар Курбан, завязанный пацифист. Если ФБР ликвидирует разветвлённую сеть наркоторговцев из этнических долбанных ниггеров, то в составе оперативной группы непременно оказывается ухоженный некурящий афроамериканец, ненавидящий рэп и пирсинг. Если ФБР преследует русскую игорную ма-

фию (специализация – «пьяница»), то в составе оперативной группы непременно оказывается российский стажёр-увалень, присланный по обмену опытом, непьющий, столь неазартный, что даже за свой какой-нибудь доморощенный «Зенит» не болеет. Если ФБР... Да не счесть примеров! Но сбалансированность – непременно. И не в угоду «мыльным» виртуальщикам. Просто мир таков, каков он есть. А он таков. Ксенофобии – гневное «нет»! И на каждую сложную гайку всегда есть болт с фигурной резьбой. И на Джорджа Магулию есть Цинци Хачулия. Диалектика, однако...»³³.

Но диалектика – диалектикой, а необходимость пресекать образование любых этнонациональных элит в США имеется. Вот эта необходимость и заставляет американских концептуалов поддерживать общество в консистенции этнического коктейля. Однако со времён Ф.Д. Рузвельта хорошо известно, что одной лишь политкорректности мало. Ещё нужно то, что германские эксперты по США назвали «благотворительностью». «Благотворительность... в Америке – это содержание бедных за счёт части средств, ранее украденных у них же. Благотворительность по-американски – это содержание бедных, воспитание бедных, воспроизводство бедных, закрепление в обществе психологии паразитирования. В подобной форме благотворительность ведёт к загниванию общества, усилению его расслоения, сгущению атмосферы зависти и вражды»³⁴.

Отчасти благодаря бесконтрольному применению «вэлфэра», «в США существует уже 3 – 4 поколения никогда и нигде не работавших людей. Негры, латиноамериканцы и люмпены получают пособия и не желают работать». Американцев считали и считают донныне одним из самых трудолюбивых на земле народов. И это, конечно, справедливо, но только по отношению к тем, в ком ещё жив «веберовский» дух. Эта часть населения действительно работает напряжённо и эффективно. Однако она составляет менее трети работоспособного населения страны. А что же остальные? «По данным официальной статистики, около 40% населения в возрасте от 16 лет и выше не работают. Не ходят на работу 30% американцев и 50% американок. Таким образом, в целом половина населения США либо не работает вообще, либо работает мало. В США существует многомиллионный слой людей (около 5% трудоспособного населения), которых можно назвать воинственными тунеядцами. Эти люди нигде не работают, презирают всякий труд и живут на разные пособия и талоны на питание, получаемые от государства»³⁵. «В соответствии со статистическими данными, среднее время занятости «патологических безработных» на одном месте равно 10(!) дням»³⁶.

Но если желание трудиться у американцев пропадает, то гордыня и спесь, напротив того, усиливаются. «Среди значительной части белого населения Америки живёт неистребимое предубеждение против физического труда. Выполнять его, по мнению многих американцев, считается унижительным. Проведенные социологические исследования показали, что преобладающая часть американцев предпочитает вообще не работать, чем выполнять труд, не соответствующий их социальному статусу. 90% всех тяжёлых, грязных и непривлекательных видов работ выполняют чёрные, индейцы, а также различные эмигранты, прежде всего пуэрториканцы и мексиканцы. Средняя продолжительность трудовой жизни (трудовой стаж – А.Ч.)

работающих американцев составляет не более 33 лет»³⁷. При этом Голливуд продолжает тиражировать пресловутую «великую американскую мечту» – дорваться до всего и сразу, что легко выводит многих граждан на преступный путь.

Этническая ситуация в США и люмпенизация значительной части населения подрывает «святая святых» Америки – уважение к праву. Дело в том, что «люмпены... не знают и не хотят знать право, так как в их среде отсутствует традиция законопослушания, уважения к праву. Органичная правовая культура вырастает из общей культуры конкретного этноса, а такое в условиях США совершенно исключено. Люмпены не имеют возможности соблюдать правопорядок, так как находятся в положении, исключающем такую возможность (среда, образ жизни, окружение, воспитание, разного рода патологии); не имеют денег для защиты своих прав, а потому бесправны. Общество защищает их, предоставляя государственных адвокатов и зачастую назначая неадекватно мягкие наказания. Полиэтничность американского общества, отсутствие национальных традиций, в том числе и правовой, приводит к тому, что нравственный вакуум заполняет юриспруденция»³⁸. В указанных обстоятельствах юриспруденция начинает вторгаться в такие сферы, куда проникновение права гражданам традиционных обществ может представляться просто чудовищным, например, в половую жизнь супругов.

Порядок в люмпенизирующемся американском обществе поддерживается силовыми органами; а иначе никак нельзя, ибо в «естественном состоянии» порядок вытекает не из системы ценностей и самодисциплины, а из страха перед силой оружия и наказанием. Да и сами властные структуры это понимают, что чрезвычайно опасно. «И ведь не гопники, а действительно властные структуры. Судя по оснащению и беспардонности. Почему властные структуры, когда у них законно требуешь удостоверяющий документ, всегда впадают в ярость и тычут автоматом в нос - дескать, вот наш документ! Издержки воспитания, не иначе. И ведь так, наверное, только в Америке! Обречённая страна! Боже, храни нас, граждан этой страны, от властных структур при исполнении!»³⁹. К сожалению, так не только в Америке.

Что же получается в итоге? Совершенно очевидно, что качество «человеческого материала» на нижних этапах социальной пирамиды США не соответствует либерально-демократической определённости политической системы. Люмпенизирующимся населением невозможно управлять, не разворачивая политический курс резко вправо. Может ли само по себе американское государство это сделать? Нет, не может. И вот почему: оно не располагает для этого необходимыми ресурсами, прежде всего – финансовыми. Ещё в 1913 году Конгресс США утратил право выпускать или контролировать деньги в пользу больших финансовых домов. Был принят закон «Federal reserve act», учредивший «Federal reserve corporation» (FRC), управляемую «мистером Долларсом». Установилась Федеральная резервная система, представляющая собой частное, а не государственное предприятие, работающее по контракту с правительством. Вот и выходит, что, уплачивая налоги, американцы финансируют не столько своё государство, сколько частную фирму FRC. Но если это так, значит, в триаде народ – государство США – FRC роль ведущего политического субъекта (как бы нелепо это ни звучало) играет последний компонент. Рост количества «несистемного человеческого материала» в США заставляет американ-

скую финансовую элиту делать то, что ещё недавно делали сами американские граждане. Наглядным доказательством этого вполне могут служить президентские выборы, на которых победу одержал Д. Буш (младший). В то же время нетрудно заметить, что в американском обществе всё более увеличивается количество людей, являющихся носителями деструктивно-социальных качеств – антиэлиты. Процесс же глобализации распространяет её воздействие на весь мир, в том числе на Европу (особенно на Францию и Германию), а также на Южную Корею и Японию⁴⁰.

Подведём итоги. Для традиционно-демократических (западных) политических систем разрешённый сектор социальной активности ограничен либерально-демократическими (лево-правыми границами). Эгоизм социальных групп здесь ограничен протестантской профессиональной этикой или её рудиментами. Приведённые нами данные показывают, что западные политические системы уже не способны поддерживать социальный гомеостаз, опираясь на неолиберальную модель государственного устройства, что влечёт за собой так называемый «модернизационный синдром»⁴¹. Единственная возможность сохранить управляемость социумом заключается в переходе от либерально-демократического сектора разрешённого социального участия к национал-консервативному с попыткой превратить ресурсно-ценные территории в политически несuverенные образования. А это и означает, что западные системы находятся уже во втором секторе цикла Е. Седова, то есть накануне социального кризиса, а говоря прямо – в преддверии культурно-цивилизационного кризиса. «Пути господни неисповедимы, и никто из жителей Земли не подозревает, что предсказанный Иоанном Богословом Апокалипсис вот-вот наступит. Уже начинают сбываться древние пророчества, мир погружается во мрак, всюду царит безысходность, но люди не желают замечать этого и, подобно стаду баранов, движутся к пропасти»⁴². Это как раз и означает, что политологам-футурологам пора взглянуть в лицо действительности. Ведь «в ожидании чудес невозможных постучится хоть кто-нибудь» к... ним. А действительность такова, что сверхвысокая стоимость рабочей силы в странах «золотого миллиарда» и распространение зоны жизненных интересов Запада на весь мир создают социально-политическую ситуацию, при которой наиболее активные элементы из стран «третьего» мира массово мигрируют на север, неся туда же и свою, отнюдь не «веберовскую» культуру. Сохранение управляемости «цивилизованным» сообществом требует проведения в жизнь социальной технологии, способной воспрепятствовать консолидации самого западного общества на основе какой-либо национальной культуры. Однако эта технология (RSDC) имеет и побочный эффект: она воспроизводит антиэлиту, а значит – готовит питательный бульон для штамма «чумы XXI века» - терроризма.

Примечания

- ¹Дубовский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 82.
- ²Тихомиров С.И. Политический процесс: теория и практика. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2002. – С. 150 – 152.
- ³Дугин А. Мировоззренческий код. // *Евразийское вторжение*. – 1998. – № 30.
- ⁴Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 92 – 100.
- ⁵Къеза Д. Тоталитарная диктатура Америки // *Завтра*. – Октябрь 2002. – № 43(466). – С. 5.
- ⁶Коновалов А. К новому разделу Европы. Россия и Североатлантический альянс // *Независимая газета*. – 7 декабря 1994. – С. 5.
- ⁷Мстительный Феникс. Из книги З. Бжезинского «Вне контроля. Глобальная сумятица накануне XXI века» // *Правда России*. – 23 марта 1995. – № 1(15).
- ⁸Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Без веры и Отечества жизни нет. Интервью // *Российская газета*. 22 февраля 1995.
- ⁹Зюганов Г. Россия и современный мир // *Правда России*. – 13 апреля 1995. – С. 1, 3.
- ¹⁰Къеза Д. Указ. соч. – С. 5.
- ¹¹Там же.
- ¹²Зайцев В., Скрипин М. О деструктивном характере социальных процессов в США // *Дуэль*. – 1999. – № 19(110). – С. 2.
- ¹³Тростников М. Анафема Америке // *Завтра*. – 1999. – № 26(291). – С. 4.
- ¹⁴Kinsey report. – N.Y., 1948.
- ¹⁵Wittels F., M. D. Sex Habits of American Women. – New York, 1953. – P. 119.
- ¹⁶Климов Г. Протоколы советских мудрецов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – С. 123.
- ¹⁷Святош А. Женская сексопатология. Библиотека практического врача. – М.: Медицина, 1974.
- ¹⁸Платонов О. Почему погибнет Америка. – Краснодар: Советская Кубань, 2001. – С. 88.
- ¹⁹Платонов О. Указ. соч. – С. 89.
- ²⁰San Francisco Cronicle. - 30.06.1997.
- ²¹Нордау-Зюдфельд М. Вырождение. – К., СПб., Харьков, 1902.
- ²²Климов Г. Указ. соч. – С. 168 – 171.
- ²³Платонов О. Указ. соч. – С. 85.
- ²⁴Медведев И.Я., Шишова Т.Л. Сага о наркотиках // *Дуэль*. – 19 ноября 2002. – № 47(292). – С. 7.
- ²⁵Платонов О. Указ. соч. – С. 29.
- ²⁶Медведев И.Я., Шишова Т.Л. Указ. соч. – С. 7.
- ²⁷Спаситель от ЗДО // *Мой компьютер*. 30 декабря 2002 – 13 января 2003. – № 52(223). – С. 11.
- ²⁸Медведев И.Я., Шишова Т.Л. Указ. соч. – С. 7.
- ²⁹От бляения баранов к ангельскому пеню // *Форум*. – 28 ноября 2002. – № 43(217). – С. 2.
- ³⁰Тихомиров С.И. Опыт постсоветского политического развития: анализ и синтез. Дис. канд. полит. наук. 23.00.02 – политические институты и процессы. – Севастополь: СевГТУ, 1999. – С. 95.
- ³¹Зайцев В., Скрипин М. Указ. соч. – С. 2.
- ³²НАМАКОН. Неочевидное настоящее. Скрытые аспекты «глобализации», или почему так агрессивна современная Америка // *Завтра*. Ноябрь – декабрь 2002. – № 48(471). – С. 4.
- ³³Секретные материалы: Никто нам с тобой не помешает. Химеры – навсегда! Повести. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001. – С. 175 – 177.
- ³⁴Зайцев В., Скрипин М. Указ. соч. – С. 2.
- ³⁵Платонов О. Указ. соч. – С. 35.
- ³⁶Зайцев В., Скрипин М. Указ. соч. – С. 2.

³⁷Там же.

³⁸Там же.

³⁹Манович Н. Путь благословенных // Пустыня цвета крови. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. – С. 138.

⁴⁰Лебедев С.В. Демократия и демография. Ведёт ли демократия к вымиранию? // Дуэль. – 2 апреля 2002. - № 14(260). – С. 3.

⁴¹Тихомиров С.И. Проблемы постсоветского политического развития. – Севастополь: Изд-во СевГТУ, 1999. – 32 с.

⁴²Спаситель от ЗДО // Мой компьютер. 30 декабря 2002 – 13 января 2003. - № 52(223). – С. 11.

Поступило в редакцию 19 февраля 2004 г.

УДК 321.02

П. В. Кузьмин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Существование проблемы политической деятельности в современной Украине, представляется мне, не вызывает сомнений не только в научном сообществе, политическом истеблишменте, а и у рядовых граждан страны. Вот уже более 12 лет наблюдается глубокое противоречие между возможной ролью политической деятельности в трансформации украинского общества и государства в новое качественное состояние и ее реальным влиянием на социально-экономические, политические и социокультурные процессы в стране. Политическая деятельность переживает кризис, проявлениями которого являются: низкое качество принимаемых политических решений; перманентная борьба политиков за власть и устремленность их к реализации собственных, а не общественно значимых интересов; рассогласование политической деятельности с общепризнанными культурными и нравственными ценностями.

Одной из многих причин указанного кризиса является не только то, что политическая деятельность осуществляется в отрыве от научных представлений о ней (такой отрыв всегда неизбежен в силу ряда факторов), но и то, что, на взгляд автора, молодая украинская политическая наука пока уделяет недостаточно внимания исследованию данной проблемы.

Выяснение сущности политической деятельности является тем краеугольным камнем, на котором основывается концепция политической деятельности в целом. От понимания того, что есть политическая деятельность, зависят представления о ее структуре, т.е. о целях, субъектах, функциях, технологиях данного вида деятельности.

Целью настоящей статьи является осмысление сущности политической деятельности в современных условиях, выявление, формулирование и интерпретация ее характерных признаков.

Следует отметить, что в последние годы в работах украинских ученых получили освещение различные аспекты политической деятельности.

Так, В.М. Бебик в монографии "Базові засади політології: історія, теорія, методологія, практика" пишет, что политическую деятельность следует рассматривать как такую, которая направлена на многомерное, матричное, интегральное согласование политических интересов "разноуровневых" субъектов политической деятельности — от индивида до больших общественных групп¹. Ее сущностью, по мнению ученого, является не столько борьба за власть, сколько регулирование политических отношений в обществе, достижение согласия и взаимопонимания граждан, их общностей и

власти как по вертикали, так и по горизонтали отношений власти².

М.Ф. Головатый политическую деятельность определяет как "деятельность профессиональную или на общественных началах в сфере политики и политической жизни"³. Она требует определенных знаний, политической культуры, опыта, квалификации, творчества, гибкости во взглядах, специфических личностных качеств: мудрости, тактичности, собранности⁴.

А.М. Пойченко политическую деятельность трактует как "специфический вид человеческой деятельности, направленный на регулирование и сбалансирование интересов и отношений между социальными (национальными) группами, политическими субъектами, которые отражают их интересы, с одной стороны, и между ними и государственными институциями с другой, достижение в обществе согласия и консенсуса. В этом ее сущность и предназначение"⁵.

Т.М. Мельник рассматривает политическую деятельность как "вид общественной деятельности субъектов политики, обособленный как потребность в совокупности осмысленных действий, которые основываются на учете политических интересов, мобилизации политической воли для достижения политических целей"⁶.

Предваряя анализ приведенных точек зрения на политическую деятельность украинских ученых, следует отметить, что аналогичные трактовки сущности политической деятельности содержатся в большинстве работ российских и белорусских исследователей. Так, с позиции Д.П. Зеркина, "политическая деятельность представляет собой совокупность организованных действий как внутри политической системы, так и вне ее, подчиненных реализации общих социальных интересов и целей. В основе своей ... это руководство и управление общественными отношениями при помощи институтов власти. Ее суть – управление людьми, человеческими сообществами"⁷.

Д.В. Ольшанский полагает, что политическая деятельность – это специфически человеческая форма активного управляющегося и регулятивно-контрольного отношения к окружающему миру, к самому человеку и его труду, содержание которой составляет их целесообразные изменения и преобразования. В обобщенном виде... представляет собой универсум человеческой политики вообще. В конкретном виде сводится к пониманию политики как специальной деятельности особых людей (политиков) по согласованию разных интересов стран, групп, партий, организаций и индивидов⁸.

И еще одно определение политической деятельности, на этот раз – белорусского ученого В.А. Мельникова. Он пишет, что политическую деятельность можно определить как "систематическое сознательное вмешательство отдельных индивидов и (или) групп людей в систему общественно-политических отношений с целью приспособления ее к своим интересам, идеалам и ценностям. Она представлена как непрерывный ряд конкретных политических действий. В свою очередь, политическими действиями назовем определенные акции, шаги, поступки, намеренно или спонтанно предпринимаемые индивидом или группой людей с целью вызвать те или иные политические результаты"⁹.

Предложенные определения политической деятельности содержат ряд плодотворных положений, отражающих отдельные существенные стороны рассматриваемой

мого вида деятельности и служащие автору настоящей работы одним из оснований собственной интерпретации исследуемого социального явления.

К таким положениям можно отнести следующие: политическая деятельность – это сама сфера политики, взятая в своем активном, деятельном состоянии; политическая деятельность – это специфическая активность, с определенными мотивами, целями и результатами, которую осуществляет и которой управляет человек. Специфичность обуславливается тем, что данная активность связана с властными отношениями, государством и государственным устройством, теми институтами, принципами, нормами, традициями и т.д., которые призваны гарантировать жизнеспособность того или иного сообщества людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей; главным мотивом, а в случае успеха и результатом политической деятельности является согласование интересов социальных групп; существенным признаком политической деятельности является не столько борьба, сколько регулирование политических отношений, управление ими, достижение мира и согласия в обществе (регионе).

Анализ украинской, российской, белорусской политологической литературы одновременно свидетельствует, что большинство исследователей политической деятельности абсолютизируют большие социальные группы (классы), этносы как важнейшие, по их мнению, едва не единственные субъекты политической деятельности. В изложенных выше определениях политической деятельности, а также в работах указанных авторов данная мысль прямо или косвенно прослеживается.

Это приводит к противоречивому пониманию политической деятельности. С одной стороны, подчеркивается, что этот вид деятельности, являющийся специфическим, требует от субъекта специальных знаний, умений, профессионализма, творчества, больших волевых усилий, а с другой – утверждается, что субъектом деятельности в сфере политики являются большие (малые) социальные группы, обычные граждане. Или же, возможно, как раз в этом и состоит специфичность политической деятельности? Представляется, что нет, на практике подобные противоречия в теории могут приводить к тому, что реальные субъекты политической деятельности в случае неудавшихся или неэффективных реформ пытаются переложить ответственность за это с себя на народ, социальные группы и слои.

Анализ общественно-исторического опыта, как справедливо отмечает Ж.Т. Тощенко, позволяет констатировать, что "политическая деятельность – это деятельность не классов или больших социальных групп, не миллионов, а более или менее ограниченных численно групп политически активных членов общества"¹⁰. Такие личности образуют различные партии, другие политические организации, организуют более или менее массовые политические движения. Эти чисто политические образования, охватывающие наиболее активную часть разных социальных групп, и выступают, по мнению Ж.Т. Тощенко, субъектами политической деятельности. В результате их деятельности формируется или изменяется государственная власть, политический режим, проводится определенная государственная политика. Социальные группы лишь "поставляют" из своей среды политически активные личности. Поэтому если в прошлом парадигма классового строения общества в основном довольно верно объясняла социальную реальность, то в современных условиях она

представляется устаревшей¹¹.

Анализ категории "политическая деятельность" выводит автора на представление об этой форме человеческой активности как о созвучной одному из базисных понятий "вид деятельности", так как источником политической деятельности является общественная потребность в сохранении и прогрессивном преобразовании общества. В смысловом значении анализируемого понятия отразилось не только его своеобразие по отношению к другим видам деятельности, но и прежде всего значение политической деятельности для развития общества.

Вышеизложенное позволяет автору определить политическую деятельность как специфический вид человеческой деятельности, основывающийся на использовании политической власти и направленный на регулирование и согласование социальных интересов и отношений, самосохранение и развитие общества как целостной системы.

Сущностью политической деятельности являются целенаправленные политические действия ее субъектов по социальному конструированию и управлению общественными отношениями, по артикуляции и агрегированию групповых интересов в целях развития общественной системы и сохранения ее целостности.

Главным же фактором в управлении общественными отношениями, т.е. базовыми отношениями социальных групп между собой и государством по поводу существенных аспектов общественного устройства, выступает создание оптимальных условий для их динамичного развития. Последнее требует концентрации внимания политиков на проблеме формулирования, гармонизации и предъявления общественного, государственного интереса. Важной задачей является также, как показывает опыт постсоветских трансформаций, обеспечение приоритетности общественных, государственных интересов над личными интересами политиков.

Политической деятельности свойственны следующие сущностные признаки.

Во-первых, использование политической власти как необходимого средства осуществления политической деятельности. Автор разделяет мнение А. Борисенкова о том, что кто бы ни был субъектом политической деятельности, и какие бы ни ставил перед собой цели, его деятельность является политической, прежде всего потому, что осуществляющий ее использует политическую власть¹². Обладание политической властью, ее ресурсами – первоначало политической деятельности, так как именно это определяет потенциальные возможности субъекта по определению и решению общественных и государственных задач, по достижению социальных целей. До момента овладения властью и получения легитимных полномочий политическая деятельность как таковая отсутствует. Активность граждан, социальных групп в отсутствие у них политической власти может иметь политическую направленность, однако это, на мой взгляд, не является достаточным основанием для определения такой активности как политической деятельности.

Главным содержательным компонентом рассматриваемого признака политической деятельности выступают политические решения общенационального, регионального, местного уровней.

Во-вторых, политическая деятельность по своей природе является деятельностью по изменению или развитию явления в целом, будь то город, село, область, госу-

дарство.

Сердцевиной политической деятельности выступают действия по созданию и реализации программ общественного развития целостных единиц проживания народонаселения. Политическая деятельность всегда сфокусирована вокруг общих проблем, без разрешения которых общество в целом или его часть, но опять же как определенная целостность, только меньшего масштаба, успешно развиваться не могут. Это, например, такие проблемы: развитие экономики страны (региона, области, района и т.п.); обеспечение законности и общественного порядка; развитие жилищной, транспортной и т.п. системы; сохранение благоприятной экологической среды и т.д.

Политиков разных уровней объединяет то, что они работают с определенной целостностью, различает – объем или величина контролируемой территории. Именно поэтому политика является делом публичным. Но публичным не в том смысле, что политик работает открыто, а не тайно, а в том смысле, что, работая публично или тайно, политик в конечном итоге идентифицирует себя с целым (государство или нация, область, город, район, политическая партия, общественно-политическое движение и т.п.)¹³

В-третьих, политическая деятельность – это рисковая, не гарантированная в своих результатах деятельность.

Рисковость в политической деятельности - от объективной и субъективной неопределенности, отмечаемой, как пишет В.В. Ильин "... люфтом между замыслом и конечным его воплощением, принимающим любое истинное значение в диапазоне "запланированная выгода, прибыль, триумф – фактическая потеря, провал, фиаско"¹⁴.

Объективная неопределенность политической деятельности обуславливается непознаваемостью, открытым характером исторического процесса, нелинейностью общественного прогресса, негарантированностью будущего. Политика осуществляется в своеобразной исторической среде, чертами которой являются динамизм, непредсказуемость, незапрограммированность, порождаемые действием пространственных и социокультурных детерминант. Практика в политической деятельности подвержена также действию случайных причин: флуктуаций – непрограммированных отклонений, возмущений, фатальностей.

Субъективная неопределенность политики зависит от профессиональной компетентности политических лиц, принимающих политические решения. Да, политика обязывает идти на риск, не рискующий – не политик. Одновременно фактор риска требует от политика осмотрительности, вдумчивости, ответственности, способности рассчитывать политическую рентабельность, предвидеть возможные варианты развития социально-политических процессов, событий.

В-четвертых, сущностным признаком политической деятельности является то, что она осуществляется на профессиональной основе, а в качестве ведущей технологии используется политическое решение.

Совершенно очевидно (и опыт 1990-х годов, а также начала XXI века это подтверждает), что обеспечить эффективное управление и гармоничное развитие социального организма, оставаясь на уровне дилетантских представлений, нельзя. Поли-

Политическая деятельность требует немалого искусства, системы современных знаний, определенных умений, навыков, социально-нравственных качеств. Подлинным ее субъектом является индивид, не только владеющий властными полномочиями, но и умеющий, способный ими разумно распорядиться.

Таким образом, политическая деятельность, основываясь на использовании политической власти и ее ресурсов, направлена на сохранение, поддержание и обеспечение естественного типа развития общества. Это вид социальной деятельности, связанный с устройством общественной жизни, разработкой новых идей, программ и решений, с эффективным представительством и защитой интересов социальных групп и слоев, сохранением общества как целостной системы.

Список литературы

¹Бебик В.М. Базові засади політології: історія, теорія, методологія, практика. (Монографія). – К.: МАУП, 2000. – С.240.

²Там же.

³Головатий М.Ф. Мистецтво політичної діяльності: Навч. посіб. – К.: МАУП, 2002. – С.75.

⁴Там же.

⁵Пойченко А.М. Іноваційні технології і політична діяльність. – К.: ІНВ і ПНАНУ, 1994. – С.15.

⁶Політологія: Підручник /І.С. Дзюбка, К.М. Левківський, В.П. Андрущенко та ін.; За заг. ред. І.С. Дзюбка, К.М. Левківського. – 2-ге вид. випр. і допов. – К.: Вища шк., 2001. – С.97.

⁷Зеркин Д.П. Основы политологии: Курс лекций. Ростов н/Д: "Феникс", 1996. – С.308.

⁸Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – С.134.

⁹Мельник В.А. Политология: Учеб. – 2-е изд., перераб. и доп.-Мн.:Выш.шк.,1997. – С.245.

¹⁰Политическая социология: Учебник для вузов /Под ред. чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко.- М.:ЮНИТИ – Дана, 2002. – С.84.

¹¹Там же. – С.84-85.

¹²Борисенков А.А. О критериях политической деятельности //Власть. – 2002. – №9. – С.49-54.

¹³Мизулин М.Ю. Плюрализм как онтологическое начало политики /Политический плюрализм в современной России: Материалы сессии Академии политической науки. - М.: ЗАО "Человек и Карьера", 2001. – С.177-179.

¹⁴Ильин В.В. Политология: Учебник для вузов. – М.: "Книжный дом "Университет", 1999. – С.71.

Поступило в редакцию 27 февраля 2004 г.

УДК 316.3

М. С. Арудов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время, когда обрушилась старая шкала ценностей, а новая еще не сложилась, когда в обществе доминирует принцип “здесь и только сейчас”, обращение к идее гражданского общества вполне уместно, если вспомнить, что “новое – это подчас хорошо забытое старое”.

Об одной из идей эпохи Просвещения вспомнили не случайно. Идея гражданского общества располагала мощным потенциалом. Она могла появиться как позитивный фактор общественного развития, но в силу определенных обстоятельств эта идея долгое время не была востребована.

Ныне о ней заговорили в поиске выхода из тупика. Одни рассматривают идею гражданского общества как наследие 18 века, другие пытаются увидеть в ней новое качество. Чтобы расставить точки над “и” и определить подлинную ценность гражданского общества и ее востребованность в условиях 21 века, следует осуществить социокультурный анализ гражданского общества как идеального проекта и выявить его основные параметры.

Социокультурный анализ предполагает изначальную многомерность и многообразие явлений и процессов общественной жизни, становление и развитие которой раскрывается с позиции принципов взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности, составляющих общественную жизнь.

Первый этап социокультурного анализа гражданского общества осуществляется через выделение в нем структурно-организованных элементов или подсистем общества как системы. Такой подход зарекомендовал себя в работах П. Сорокина и Т. Парсонса, где принято рассматривать социум в единстве и взаимосвязи трех подсистем: личности, культуры и институтов социальной организации¹.

Личность заявляет о себе на уровне субъектности и субъективности, культура – на уровне объектности и объективности, а социальная организация – на уровне интрасубъективного взаимодействия.

Определяя место личностной подсистемы в гражданском обществе, следует принять в качестве исходной аксиомы положение о том, что субъективность и субъективное выражение гражданской жизни обеспечиваются автономным и суверенным существованием личности как субъекта жизнедеятельности и персонифицированным осуществлением личностью своей гражданской позиции.

Люди демонстрируют конкретное поведение в конкретных жизненных ситуациях, реализуя свои потребности и осуществляя свои интересы. Уже Г. Гегель начинал свой анализ гражданского общества с рассмотрения процесса удовлетворения потребностей индивидуумов, образующих формальную всеобщность с ориентацией на

другого как средство достижения своих целей². Развивая этот подход, Т. Парсонс определяет личность как подсистему системы, как часть живого организма. Со стороны социальной организации личность заявляет о себе через исполнение социальных ролей, а со стороны культуры она выступает соискателем освоения доминирующих в обществе ценностей и правовых норм. Это дает повод высказать предположение о том, что отправной точкой отсчета в освоении (осмыслении) гражданского общества выступает личность. Ее поведение можно изучать средствами научного анализа, фиксируя устойчивые и повторяющиеся формы поведения людей и связанные с ними способы удовлетворения их потребностей.

Как подсистема гражданского общества, личность конкретизируется через свою субъективную идеальность и реальность.

Идеальность представлена не столько чувствами, надеждами и переживаниями, сколько жизненными ориентирами (ретроспективными, текущими и перспективными).

Реальность демонстрирует форму проявления жизнедеятельности индивида в конкретной взаимосвязи, взаимодействии и взаимообусловленности с другими и характеризуется устойчивостью, необратимостью и относительной завершенностью.

Специфика личностной подсистемы гражданского общества (как системы) проявляется в ее автономности и открытости. *Автономность* предполагает не столько абсолютную независимость индивида от других, сколько признание его самобытности, уникальности и неповторимости, как со стороны других индивидов, так и со стороны общества.

Открытость – это особая черта проявления личности в гражданском обществе, которая принципиально отличается от ее экзистенциального измерения. Во втором случае она предоставлена самой себе, тогда как в обществе она ограничена условностями формального характера (правилами).

Осуществление личностной сферы гражданской жизнедеятельности обусловлено прежде всего противоречием между потребностями индивида и возможностями их реализации, что не исключает, а даже предполагает произвол и проявление волюнтаризма со стороны индивидов. И в этом смысле личностная сфера гражданской жизнедеятельности заявляет о себе как источник социального напряжения в обществе. Поэтому политические, правовые и моральные ограничения личностной сферы становятся одной из актуальных проблем становления гражданского общества и формирования гражданского типа личности, ориентированной на созидание, гражданские отношения и новую духовность³.

Авторы Энциклопедического словаря «Политология», декларируя должное, ведут речь о той гражданской коллективности, которую формирует индивид и которая формирует его самого. В действительности картина сущего далека от совершенства. Поэтому не стоит забывать меткое выражение Гегеля о том, что гражданское общество – это духовное царство животных, где «каждый для себя цель, все остальное для него ничто»⁴. И проблемную ситуацию для гражданского общества создает личность, выступающая в качестве иницилирующей стороны с ориентиром на взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность на основе согласования своих интересов с интересами других, с интересами общества в целом.

Что касается культуры как второй подсистемы социума, то она заявляет о себе на уровне объектности и объективности. В научной литературе сложились два понятия культуры. Первое рассматривает культуру как совокупность достижений, обеспечивающих жизнь человека и его отношения со средой обитания. Второе - как совокупность способов деятельности человека.

В гражданском измерении культура выполняет функции социализации и трансляции социокультурного опыта, что позволяет гражданам самоосуществляться, адаптируя определенные правила социума, пассивно их исполняя или активно участвуя в их реализации, добиваясь их совершенства.

Особенностями гражданской культуры и отличием ее от культуры традиционного общества являются автономность, демократичность, плюрализм, рациональность и толерантность.

Автономность гражданской культуры проявляется в оппозиции по отношению к официальной культуре, инициируемой государством. Она складывается в системе отношений равноправных, дееспособных и деликтоспособных людей.

Демократичность гражданской культуры демонстрирует свободу волеизъявления и выбор самоосуществления с ориентиром на аналогичные состояния других людей.

Плюрализм гражданской культуры проявляется через осуществление права каждого быть самим собой, а не другим.

Рационализм гражданской культуры предполагает возможность и необходимость проекции индивида на другого, идентификации и символизации со своей группой солидарного «Мы».

Толерантность гражданской культуры проявляется в осознании необходимости сосуществования больших и малых социокультурных образований, ориентированных на самоосуществление, когда другой – это не свой, но и не чужой; когда терпение и терпимость заявляют о себе как внутренняя потребность, а не внешняя необходимость.

В целом гражданская культура есть демонстрация субкультур с ориентиром на осуществление принципа коллективности, где реализуются взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность субъектов гражданского общества, оформляется их образ и стиль жизни на базе общих идей и норм поведения. Эта культура ориентирует людей на социальную активность во всех сферах жизни общества.

В экономике она задает вектор предприимчивости и успеха; в политике формирует критическое отношение к деятельности органов власти; в области права воспитывает рациональное отношение и меру ответственности граждан за принимаемые решения; в сфере морали задает шкалу самооценки другого, утверждая жизненность формулы: «не делай другому того, чего не желаешь себе»; в области искусства задает проекцию восприятия мира через призму прекрасного и безобразного в пределах своего пространства и времени, но с учетом преемственности с общечеловеческим и историческим опытом; в области религии инициирует свободу вероисповедания и уважение к вере другого; в области философии принимает парадигму антропоцентризма.

Гражданская культура выступает в качестве самоорганизующегося образования.

Этот феномен реагирует на малейшие изменения социума. Соединяя идеальное и реальное, формальное и неформальное, традиционное и инновационное, гражданская культура предлагает различные социокультурные образцы поведения человека в пределах конкретного состояния общества.

Если для формальной культуры свойственны системность и приоритет общего над единичным, то гражданская культура максимально антропоцентрична. Она не декларирует, а создает условия для реализации судьбы каждого отдельного человека.

Но о себе гражданская культура заявляет при определенных условиях. Контур этого феномена проявляется только на этапе перехода к индустриальному обществу, когда становится очевидным преимущество образа жизни, открытого для диалога и продуктивного взаимодействия культур. В этих условиях гражданская культура заявляет о себе как реальность, способная организовать свое пространство и потеснить формальную культуру с ее системным характером, приоритетом общего над единичным, формальной рациональностью. Последняя на практике утверждает иррациональные отношения и загоняет общество в очередной тупик своего развития, ибо открывает дорогу авторитаризму и волонтаризму.

Третья подсистема социума представлена институтами социальной организации гражданского мира. Понятие «социальная организация» является одной из ключевых категорий социальной антропологии. Оно характеризует *способ* взаимосвязи и взаимодействия людей на основе общих ценностей и норм права, *систему* социальных институтов и их регламент, *совокупность* социальных ролей, которые принимают индивиды, включаясь в конкретную деятельность общества.

Несмотря на различные измерения, категория «социальная организация» ориентирует на поиск ответа о том, как люди осуществляют совместную деятельность, объединяясь в различные группы и при этом достигая единства общих и личных целей.

Анализируя состояние становления и развития буржуазного общества, К. Маркс имел все основания сделать вывод о том, что наряду с производством материальной жизни людей существует производство и воспроизводство самого общества и что люди нуждаются не только в способе материального производства, но и в особом способе совместной деятельности.

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁵. Другими словами, способом взаимосвязи, взаимодействия и взаимной обусловленности людей выступает социальная организация как способ объединения людей, как система социальных институтов и как совокупность социальных ролей со своей спецификой в условиях гражданского общества, где осуществляется приоритет единичного над общим, приоритет межличностных

отношений, где сложились гражданская культура и особый тип личности.

Ядром социальной организации, как справедливо подметил Т. Парсонс, является «структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения»⁶, упорядочиваются отношения людей.

Социальная организация есть одновременно способ упорядочения деятельности людей и способ упорядочения их отношений, демонстрируя возможность организации как «системного» так и «жизненного» мира с их формальными и неформальными отношениями.

В зависимости от уровня взаимодействия субъектов, социальная организация имеет свою дифференциацию в диапазоне от «структурированного нормативного порядка» больших социокультурных образований до регламента корпораций (ассоциаций) и практики межличностных отношений.

Социальная организация гражданского мира несет на себе печать двойного происхождения. Некоторые формы общения «перекочевали» из биосферы в социосферу, демонстрируя свое естественное происхождение. Но значительный ряд форм коммуникаций являются производным социума как саморазвивающейся системы.

Таким образом, личность, культура и социальная организация выражают различные измерения гражданского общества, которые следует рассматривать в различных проекциях естественного и искусственного происхождения, идеального и реального проявления их осуществления.

Такой подход к заявленной проблеме позволяет изучать гражданское общество как идеальную конструкцию и как реальный феномен.

Рассмотрение личностных, культурных и социально-организационных характеристик гражданского мира позволяет сформулировать понятие «социальный субъект», выходящее за рамки индивида, коллектива, общества. Его существенная черта заключается в ориентире на совместную жизнь и деятельность⁷.

Его *состояние* составляют потребности, интересы, цели.

Его *положение* определяется социальной ролью, статусом.

Его *значимость* определяется культурой, профессионализмом, планами, программами, технической оснащенностью, востребованностью, способностью достойно и своевременно ответить на вызов в форме проблемной ситуации.

Его *универсальность* определяется возможностью представлять физические и юридические лица.

Его *автономность* определяется способностью самостоятельно определять линию поведения, жизненную позицию.

Его *конвенциональность* определяется ориентацией на достижение согласия в выборе цели и средств ее достижения в условиях различных социокультурных программ.

Личностные характеристики, культура и социальная организация делают социальный субъект самодостаточным, когда он может заявить о своих возможностях в процессе деятельности, общения и рационального освоения мира, апеллируя к сознанию (знанию себя и знанию окружающего мира).

Определенный уровень культуры и социальной организации, а также определенное состояние сущностных сил человека (воли, этико-эстетических чувств и интел-

лекта) формируют субъекты гражданского общества, обеспечивают их гражданский этос, делают их полноправными субъектами самодеятельности, когда «индивиды выступают как граждане, а не как подданные, и действуют, определяя свои жизненные стратегии самостоятельно»⁸.

По реестру гражданских качеств проходят деловитость, готовность к риску, честность в деловых отношениях, служение общему делу. Ценностные ориентиры ответственного бытия – честь, совесть, долг. В этом случае «интересы, взгляды, моральные предпочтения, «репертуар» свободного выбора, – отмечают авторы упомянутой статьи, – определяются... не столько высокой степенью слитности личности с группами, вынужденной, навязываемой групповой (производственной, профессиональной, территориальной, поколенческой, этнонациональной, партийной, и т.п.) принадлежностью, сколько широтой ее умственного кругозора, уровнем знания, неповторимостью. Именно они характеризуют личность как универсальное существо (идентификация с человеком, вселенская ориентация поведения), плюралистическое существо (идентификация с множеством групп и ассоциаций), как члена новой становящейся постиндустриальной или глобальной цивилизации»⁸.

Универсальность, плюралистичность и автономия выражают ту степень развития родовой жизни людей, когда они постигают общечеловеческие интересы и заявляют о готовности взять на себя всю меру ответственности за судьбу своего общества, демонстрируя всю полноту гражданской свободы. Социальный смысл гражданской свободы заключается не в произволе, а в добровольном служении общему делу, когда индивид обретает статус субъекта родовой деятельности с учетом социокультурных и национально-специфических ограничений, конкретного социума.

Родовой человек - не абсолютный идеал, а идеальный тип, предел устремлений нормального, разумного индивида, осознающего свою ответственность за равновесие в системе «природа-общество-человек».

Осуществление гражданской свободы требует нравственных усилий не только при совершении масштабных событий, но и в повседневной жизни, где соединяются формальные и неформальные, системные и жизненные начала. Но означенная ситуация не ограничивается только нравственным императивом. Она предполагает и механизм гражданского контроля, который традиционно связывают с организованным воздействием общества на поведение граждан с целью обеспечения общественного порядка в условиях реальных процессов социализации и адаптации сложившихся норм и ценностей, ориентированных на гражданское согласие и мир.

Гражданский контроль осуществляется в трех формах: самоконтроль, общественное мнение и санкции.

Самоконтроль осуществляется в сфере межличностных отношений в форме взаиморефлексии, а на уровне социально организованных малых групп - в форме групповой рефлексии. Такая форма контроля, как правило, завершается принятием решения о преодолении возникшего противоречия в реальной жизненной ситуации.

Общественное мнение достаточно мощный, но ограниченный фактор гражданского контроля, к которому апеллируют, как правило, в ходе избирательных кампаний, при проведении референдумов по жизненно важным вопросам, затрагивающим интересы всего общества. Формируется общественное мнение через институты гра-

жданской культуры, а оформляется средствами массовой информации. Формами выражения общественного мнения являются митинги, демонстрации, массовые протесты.

Санкции гражданского контроля носят опосредованный характер. Они всегда оставляют индивиду возможность выбора способов и средств разрешения проблемной ситуации.

При любом раскладе все три составляющие гражданского контроля демонстрируют достаточно высокую меру эффективности, ибо апеллируют к неформальным средствам регулирующего воздействия на поведение людей.

Содержание всех трех подсистем гражданского социума: личностного фактора, гражданской культуры и социальной организации, а также механизма гражданского контроля – свидетельствуют о том, что новый тип культуры, который заявил о себе в конце XX века в ипостаси желаемого, является оптимальным вариантом выживания человечества. В парадигме выживания императивы борьбы уступают место императивам примирения и толерантности, а стало быть, и установлению гражданского согласия.

Список литературы

¹См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997.

²См.: Гегель Г. Философия права. – М., 1990. – С.227-279.

³См.: Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1993., – С.77.

⁴Гегель Г. Философия права. – С.228.

⁵См.: Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 13, с. 6 - 7.

⁶Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Весна. 1993. Т. 1. Вып. 2. – М., 1993. – С.102.

⁷См.: Совместная деятельность: методология, теория, практика. – М., 1988. – С.32-36.

⁸Бакштановский В.И. Согомонов Ю.В. Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен козволции //Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С.38.

Поступило в редакцию 19 февраля 2004 г.

УДК 316.46

А. И. Лысюк

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Постановка проблемы

Проблема политического лидерства является одной из наиболее активно разрабатываемых в современной социальной науке. Однако, несмотря на множество работ по данной тематике, «природа и значение политического лидерства являются больше проблемой журналистских спекуляций, чем предметом политологических исследований... Большая часть современной литературы по политическому лидерству построена на биографическом подходе, который не соответствует современным парадигмам социальной науки и не предоставляет материала для автономных теорий политического лидерства» [17, с. 509]. Немецкий исследователь Grunwald констатировал, что в современном обществоведении по проблемам лидерства «смешиваются теоретическое и эмпирическое, нормативное и дескриптивное, истинное и ложное, оригинальное и тривиальное» [20, с. 85]. Поэтому, по образному утверждению Neuberger, «тот, кто хочет ориентироваться в области лидерства, с неизбежностью соприкасается с трудно обозреваемой местностью, на карте которой имеется целый ряд потемкинских деревень, неприступных крепостей и диких трущоб» [23, с. 2].

Особое значение исследование феномена политического лидерства и его детерминант имеет для стран СНГ, поскольку они относятся к числу так называемых *лидерских стран*, в которых политическая воля отдельных властных субъектов доминирует над законом и политическими институтами. На это также влияет то обстоятельство, что в современном мире, вследствие вызванных медиа-революций процессов виртуализации и персонификации политического пространства, влияние политического лидерства на жизнедеятельность общества резко увеличивается.

Проблема детерминации политического лидерства как целостного феномена, имеющего универсально-исторический характер, в современной науке практически не изучена. Имеющиеся исследования можно сгруппировать по четырем направлениям.

Суть первого заключается в том, что могут выделяться отдельные источники политического лидерства, например, религиозные или идеологические, (Folkertsma 1988, Mazlish 1973 и др.). Однако их детерминирующий потенциал, место в системе мотивационных образований, связи и взаимозависимости с другими детерминантами не определяются. Характерной особенностью этого подхода является также ограниченность исследований конкретной политической фигурой без претензий на научные обобщения.

Второе направление, в отличие от предыдущего стремящееся к обобщениям, концентрирует свое внимание на психологических детерминантах политического

лидерства (Gibb 1972, Lord 1985, Фромм 1992 и др.). Учитывая «политическую» природу последнего, в план исследований включается также совокупность политико-культурных источников лидерства, которые рассматриваются, однако, не в непосредственно детерминирующем проявлении, а опосредованно - как «внешние обстоятельства», как объяснительный фактор, используемый в качестве «последнего аргумента» в ситуации исчерпанности объяснений психологических.

Третье направление, доминирующее в немецкой политической науке и имеющее концептуальное начало в трудах Гегеля и Вебера, указывает на значимость в системе детерминации политического лидерства объективных институционально-правовых факторов. Политико-культурные факторы рассматриваются при этом не в деятельностном проявлении (мотивационном и/или коммуникационном), а как условие политической практики лидера.

Четвертое направление политических исследований ориентировано на анализ социокультурных детерминант как непосредственных источников политической активности лидеров, установление между ними иерархических связей и зависимостей. Эти исследования учитывают, однако, детерминирующее воздействие только двух-трех факторов, взятых вне целостной детерминационной системы и жестко локализованных историческим пространством и персональным представительством. Например, Такер (1990), ставя перед собой цель проследить политико-культурную детерминацию политического лидерства, в качестве объекта исследования использует только государственных лидеров Советской России, а среди источников их деятельности выделяет только детерминирующие возможности «базового мифа», порожденного напряжением между «идеальной» и «реальной» культурами. Во многом схожую позицию занимают также Кассирер (1990) и Щербинина (1998), которые, анализируя детерминанты политического лидерства, ограничивают их как исторически (соответственно, фашистская Германия и постсоветская Россия), так и содержательно (миф, символ и язык).

Цели и задачи анализа проблемы

При всей значимости психологических и объективистских источников политического лидерства наибольшее детерминирующее воздействие на этот феномен оказывают социокультурные детерминанты, в первую очередь, политико-культурные. Анализ их детерминирующего потенциала является как раз *целью* нашей работы. Однако, как справедливо отмечает Ким, «до сих пор политическое лидерство рассматривалось безотносительно к исследованию социокультурной идентичности. В трудах многих ученых оно представало в качестве абстрактного механизма власти, акцент делался на изучении его функциональности или оптимальности», в то время как «лидерство есть культурно и исторически обусловленный феномен» [6, с. 10].

Это связано с тем, что культура является феноменом, характеризующим базисные, подлинно человеческие структуры личности, включая ее мотивационные сферы. «Культура – это форма *самодетерминации* индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [3, с. 289]. В ее основе находятся упорядоченные смысловые структуры, связанные с определенными ценностно-нормативными системами. Поэтому всякая человеческая деятельность в

своих первоосновах ценностна. «Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания» [2, с. 271]. Личность проявляет и осознает себя в мире через культуру, которая, являясь ее интегративной характеристикой, определяет содержательность и качество жизни человека, формирует сознательное и активное отношение к миру.

«Каждая историческая эпоха, - пишет Митина, - рождает свою культуру, а каждая культура формирует приоритетный для данного общества тип личности. При этом фиксируется и конкретный личностный идеал, сопряженный, как правило, с социальным идеалом данной эпохи и... преобладающей в данном обществе системой духовных ценностей. На основе последних, в свою очередь, складывается и специфическая ментальность человека... Мир личности, инспирированный господствующей культурной доминантой, в то же время выступает как некоторая внутренняя целостность...» [7, с. 61]. Несмотря на то, что многие культурные формы, мотивы, архетипы живут тысячелетиями, и их подлинный смысл меняется, «общие контуры культуры весьма консервативны» [1, с.101]. В различных культурах люди, воспринимая и осознавая мир, конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира, «модель мира» - ту «сетку координат», при помощи которой они воспринимают действительность, строят образ мира, который, будучи личностно присвоенным, выступает в качестве важнейшего мотива человеческой деятельности. Сами же «идеи» о мире, доминирующие в определенных исторических эпохах, в полной мере доступны научному анализу посредством построения идеализированных объектов с последующей их политико-пространственно-временной локализацией.

Родовой сущностью культуры является также то, что А. Вебер называл «придаанием жизни формы» [4, с. 511-512], Библер – «изобретением «мира впервые», выражающим в *произведении* как воплощении собственного бытия индивида [3, с. 290] посредством проявления, если использовать терминологию Бердяева, «творческой энергии». Политическое лидерство, как процесс перманентного обмена творческими энергиями и интенциями между лидером и последователями, субстанционально существует как раз в плоскости пересечения предметно-преобразовательной и инновационно-художественной деятельности. Конкретные ипостаси, проявления политического лидерства всегда оригинальны, неповторимы и художественны и с трудом поддаются научным обобщениям и могут становиться доступными сравнительному анализу посредством соответствующих типологизаций мотивов и стилистики деятельности лидера и последователей.

Для вычленения и анализа социокультурных детерминант политического лидерства существенное значение имеет и то обстоятельство, что «плотью» культуры является «одновременное бытие и общение людей различных – прошлых, настоящих, будущих - культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [3, с. 289]. Ядром культуры, ее социализирующим конструктом и смысловым ретранслятором выступает культурная традиция, под которой понимается не только исторически унаследованная ценностная система, «память» об окружающем мире, но и традиционность подхода к восприятию и оценке старых/новых реалий. Особенностью куль-

турной традиции является историческая кристаллизация ее основополагающих элементов в определенных ценностных системах. Вследствие этого исследователь, соприкасающийся с традицией, имеет дело с устойчивыми переменными, поддающимися типологизации, верификации и сравнительному анализу. Действительно, если мы возьмем, например, фигуры государственных лидеров, представленные в различных исторических эпохах, то оказывается возможным определение конституирующих элементов их лидерства посредством анализа совокупности господствующих ценностных ориентаций, образцов стилистики политической деятельности, особенностей вербального дискурса и символической политики.

Следует также отметить, что, учитывая деятельностный характер политического лидерства, принципиально важным является наличие интеграционной «связности», «слитности» деятельности и культуры, поскольку именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты феномена политического лидерства, определяя его качественную определенность, герменевтический и целеполагающий потенциал.

Человек как субъект и объект политической жизни испытывает на себе детерминирующее воздействие двух пластов культуры: общей, находящей свое особенное преломление в сфере политической деятельности, и культуры политической, тотально пронизывающей политическую деятельность и определяющей ее основные смысловые стратегии. Вследствие этого основные агенты политического лидерства (лидер - последователи) и в своих политико-ценностных ориентациях, и в процессах социализации/рекрутирования, и в способах взаимодействия друг с другом, с социальной средой с неизбежностью выступают как «социо-политико-культурные» акторы, т.е. как социальные субъекты, деятельность которых в содержательно-смысловом плане детерминирована культурологическими составляющими.

В конечном счете, анализ социокультурных детерминант лидерства позволяет схватить тот пласт проблематики, который традиционно игнорируют, не «схватывают» в силу специфики собственного предмета исследования ни политическая психология, ни ориентированный на социальные системы политологический макроанализ. Речь идет о совокупности ориентаций и образцов поведения, характеризующих внутреннюю субъективную сторону политических режимов и политической власти, непосредственно интегрированных в систему политического лидерства.

Наряду с собственным детерминирующим потенциалом, социокультурные факторы обладают способностью улавливать, воспринимать, адсорбировать, перерабатывать через собственную систему ценностных ориентаций детерминирующие импульсы, идущие как от психологических феноменов социальной деятельности, так и от императивов объективной необходимости, превращая их, в конечном счете, в непосредственные мотивы деятельности лидеров/последователей.

Среди феноменов культуры, в силу тотальной интегрированности в политическую деятельность, наибольшим детерминирующим потенциалом в системе политического лидерства обладает политическая культура.

В современной мировой политической науке в целом существует тождество позиций относительно содержательных параметров политической культуры, основан-

ное на принятии в качестве базового – определения этого феномена американскими исследователями Алмондом/Вербой. «Термин «политическая культура», – отмечают они, – указывает на специфические политические ориентации, на установки относительно политической системы и ее различных сфер, а также собственной роли внутри системы... Когда мы говорим о политической культуре общества, то имеем в виду политическую систему в том виде, в каком она обнаруживается в мышлении, чувствах и ценностях людей... Политическая культура нации состоит из... образцов ориентаций членов этой нации относительно политических объектов» [14, с. 12-13]. В политической науке выделяется узкое и широкое понимание политической культуры. Узкое понимание, по сути дела, отождествляет политическую культуру с политическим сознанием и включает в себя как актуальные политические установки, мнения и настроения, для которых характерны неустойчивость и изменчивость, так и устойчивые, основанные на традиции ценностно-нормативные системы, интериоризированные политическими акторами.

Категория политической культуры, взятая в широком плане, включает в себя, помимо политического сознания, также устойчивые модели поведения субъектов политики, доминирующие формы политического участия.

Следует отметить, что политической культуре присуща субкультурная дифференциация. Она проявляется как в *горизонтальной* плоскости в виде различных стилей политического поведения, систем ценностных ориентаций и идеологических предпочтений, так и в *вертикальном* выражении как субкультурная дифференциация между различными социальными субъектами, в частности, между лидерами и последователями. В целом для политической системы отдельного государства характерен определенный тип политической культуры, обладающий своей качественной спецификой. «При всех различиях в социальной структуре общества проблема выделения политико-культурных систем решается, как правило, на национально-государственном уровне, тогда как внутригосударственные политико-культурные образования рассматриваются в качестве *подсистем* или *субкультур*» [8, с. 20].

При исследовании феномена политической культуры некоторые авторы (Edelman 1976; Rohe 1987 и др.) разделяют ее на два уровня - «политическая социальная культура» и «культура политического истолкования». Первый уровень включает в себе имеющиеся у субъекта установки и образцы поведения. Второй включает в себя «ассортимент коммуникативно передаваемых политических интерпретаций» и обращает внимание не только на содержание мотивации и политико-культурного коммуникативного сообщения, но и на его *значение*, а также то, *как* это сообщение воспринимается, интерпретируется и интегрируется в мотивационные структуры [25, с. 293]. В этом случае в сферу научного анализа вводится не только внешне выраженный пласт политической культуры, но и «скрытый», обладающий, как отмечает Dittmer, «металингвистическими» свойствами, в котором «факты интересны не сами по себе, но в силу проявляемого с их помощью отношения к другим фактам» [15, с. 568]. Это особенно характерно для недемократических политических систем, в которых позиция, не санкционированная «сверху», подвергается репрессиям.

Естественно, подобная дифференциация во многом условна и используется в сугубо эвристических целях, однако она указывает на необходимость изучения игно-

рируемых в большинстве исследований символического и герменевтического пластов политической культуры. Поэтому при изучении процесса взаимодействия лидера и последователей становится обязательным анализ задействованных в коммуникации знаковых систем, в первую очередь вербальных и символических, а также искусства их использования политическим лидером.

Несмотря на важность анализа политико-культурных детерминант политического лидерства, до настоящего времени в политической науке не существует целостных и системных исследований этой проблемы. В этом отношении можно отметить только исследование Такера (1990), в котором сделана попытка обнаружить на основании анализа эволюции исторических форм политической культуры и взаимодействия отдельных субкультур зависимости между определенными типами политических культур и типологией политического лидерства.

Такер отмечал, что в обществе целостная культура представлена своими «идеальными и реальными культурными моделями», между которыми возникают противоречия, несоответствия. «Идеальные модели» обладают ограниченным социальным консенсусом, в то время как по поводу «реальных» фиксируется высокий уровень социального согласия. «Поддерживающий миф» снимает напряжение между двумя этими «моделями», рождая «реформистское» лидерство».

В свою очередь, революционное сознание, отвергающее как реальные, так и идеальные типы культуры, построено на абсолютно других принципах и детерминирует «революционное лидерство». При всей своей ценности исследование Такера, с одной стороны, ограничено пространственно-временными характеристиками (Советская Россия), с другой – исключает из анализа целый блок политико-культурных детерминант, преимущественно мотивационных и коммуникативных.

подавляющее число исследований, в которых анализируются проблемы политико-культурной детерминации политического лидерства, носят однофакторный характер и основаны на изучении влияния отдельных социокультурных факторов на отдельных политических лидеров в рамках конкретных исторических эпох и политических систем (Кассирер 1990, Щербинина 1998, Энкер 1994 и др.).

Какие же элементы политической культуры задействованы в детерминации политического лидерства?

Во-первых, те из них, которые в силу исторической укорененности в политическую культуру общества являются ее «первокирпичиками». Речь идет о таких исконных национально-государственных идеях, как этническая принадлежность, концентрированно выраженная в национальном характере, и религиозное мировоззрение, определяющие базовые ценностные структуры общества. Закономерным образом определенный тип национально-государственной политической культуры определяет базовые характеристики государственного лидерства. При этом в центре нашего внимания оказываются не только определенные политико-идеологические ориентации, традиционно выступающие на первый план при определении базовых параметров политической культуры конкретных социальных субъектов, но и основополагающие духовные скрижали, определяющие «дух» нации, народа, государства, а также их проекция в содержательный план непосредственных политических ориентаций.

Например, при исследовании социокультурных детерминант государственного лидерства в России мы должны первоначально выделить конституирующие элементы политической культуры, имеющие национально-религиозный, традиционалистский характер, а только потом – актуальные политические идеи, ценности и мнения. В этом случае в центре нашего анализа окажутся чувства подданничества и отчуждение от власти, идеализация верховного правителя и религиозное оправдание его политической власти, культурная расколотость и мессианство, соборность и коллективизм и т.д. По утверждению российских философов начала XX века, русская душа нигилистична и ортодоксальна, устремлена к трансцендентному и проникнута пессимизмом, «вечно-бабья» и привержена идее «единого мига», этична и одновременно склонная к «бунту» и т.п.

Эти особенности российской ментальности, исторически закрепленные на уровне традиции, стереотипа, архетипа, национального характера, естественным образом порождают общественные ожидания на лидера: а/ государственно-авторитарного; б/ с идеологией социального чуда; в/ с дихотомической картиной мира («свой» - «чужие»); г/ харизматического; д/ с идеями всемирного братства и социальной справедливости; е/ делающего ставку на идеи коллективизма и насилия. Государственные лидеры российского государства, представляющие различные политические системы (монарх, революционный вождь, лидер советского государства, президент постсоветской России), обладают множеством общих типологических признаков, поскольку возвращены в «кровнородственной» социокультурной среде, изменяющей на протяжении столетий только внешние оболочки, но сохраняющей культурное «ядро».

Подобную же зависимость типа государственного лидерства от особенностей развития национальных социокультурных систем можно показать на примере политической жизни Германии. Доминировавшие в национальном самосознании немцев первой половины XX века идеи национализма, прусского милитаризма, этатизма, антипросветительства, антимодернизаторские установки, приоритет политической воли над императивами закона, сакрализация единоначалия, поглощение церкви государством и оправдание любой политической власти в лютеранстве привели к фашизации феномена государственного лидерства. Радикальная же трансформация политической культуры Германии в послевоенный период, становление гражданской политической культуры радикальным образом трансформировали государственное лидерство, вызвав к жизни когорту лидеров, ориентированных не столько на архетипы национального самосознания, сколько на общедемократические, общеевропейские ценности. По этой причине, наряду с символическими фигурами Отца нации (Аденауэр, Коль), государственные лидеры Германии символизировали и искусство компромисса (Кизингер), и искусство технократического управления (Шмидт), и моральную силу (Брандт), и блеск медиа-звезды (Шрёдер), в полной мере отразив тот социологический факт, что по большинству параметров немцы являются большими европейцами и демократами, чем представители других государств.

Во-вторых, существенным детерминирующим потенциалом в системе политического лидерства обладают нравственные регуляторы деятельности. Объясняется это тем, что каждый человек обладает некой системой нравственных ориентаций, пред-

ставлений о «добре и зле», которые он применяет в своих отношениях с окружающим миром, включая и мир политический. Влияние морального фактора на систему лидерства осуществляется двояким образом. С одной стороны, он может выступать в качестве мотива деятельности лидера и последователей. С другой стороны – как критерий оценки последователями деятельности лидера. Например, в средневековье «королей как бы сводят к определенному числу типов: благородный и справедливый государь; государь, введенный в заблуждение дурными советами; государь, мститель за честь своего рода; государь, попавший в несчастье и поддерживаемый преданностью всех подданных» [11, с. 15]. Процесс подобной оценки перманентен и стимулирует срабатывание эффекта «зеркала», т.е. отражение (проекцию) нравственной доминанты общества на нравственные позиции лидера государства.

В-третьих, важнейшим источником политического лидерства является тождество ориентаций и интерпретаций лидером и последователями ключевых элементов политической системы (государство, элита, оппозиция и др.). Эти политические ориентации служат основой для соответствующих идентификаций между ними. В случае же рассогласования данных интерпретаций существующий тип государственного лидерства подвергается опасности делегитимизации, что, собственно говоря, произошло с лидерами Советского Союза эпохи перестройки.

В-четвертых, важным компонентом политического лидерства являются партийно-идеологические ориентации лидера и его последователей, их идентификация с определенными политическими партиями/движениями и характерными для них идеологическими системами (авторитаризм, национализм, антикоммунизм и т.п.). Естественно, в различных политических системах детерминирующий потенциал этих ориентаций существенно различается. Например, в современной ФРГ путь к государственному лидерству открывает только победившая на выборах политическая партия. С другой стороны, в современной Беларуси, где наличествуют отчуждение от политических партий, интенсивно артикулируемые «надпартийность» и «народность» являются фактором, благоприятствующем политическому лидерству.

В-пятых, политико-культурная детерминация лидерства осуществляется также через оценку лидером и его последователями собственных возможностей влияния на политический процесс (со стороны последователей - представления о способах влияния на формирование властных институтов, включая и персональный уровень; со стороны лидера – представления о ресурсной базе достижения/укрепления политической власти). При этом существенное значение имеют ориентации относительно структур «входа» и «выхода». Система «входа» включает в себя: а/ знания и интерес к политике и политикам; б/ включенность в политические коммуникационные структуры (объем и разнообразие информационных ресурсов лидера, умение оперировать ими, масштаб и способы доступа последователей к информационным каналам, возможность влиять через них (общественное мнение) на избрание лидеров, их политические позиции); в/ способы политической социализации лидера и последователей.

Для системы «выхода» характерны: а/ оценка последователями качества и эффективности деятельности политических лидеров; б/ приписывание им (лидерам) ответственности за те или иные политические решения и результаты их осуществ-

ления; в/ знании последователями процессов принятия решений и их распределения во властной иерархии.

В-шестых, детерминантом политического лидерства являются также актуальные политические мнения и настроения, по поводу которых осуществляется коммуникационное взаимодействие лидера и последователей. С наибольшей силой их значимость проявляется в странах, находящихся в стадии радикальных социально-экономических трансформаций. В этом случае особое значение приобретает эмоциональная связь лидера и последователей (страх, отчуждение, энтузиазм, предрассудки, доверие и т.п.), а также способы социально-психологического воздействия (подражание, заражение, внушение, убеждение) первого на вторых, значимость которых эффективно подтверждает, например, лидерство А. Лукашенко.

В-седьмых, политико-культурные факторы в различных конфигурациях и иерархических зависимостях определяет социоисторические типы политического лидерства. Так, например, подданническая политическая культура определяет систему связей между государственным лидером и последователями в средневековье и в странах мирового социализма, политическая культура участия – в древнегреческих демократиях и республиканском Риме, подданническо-партиципаторная политическая культура – в современной Беларуси, гражданская политическая культура – США и т.п.

Выводы

Очевидно, что ценностно-смысловые компоненты определяют содержание деятельности лидера и последователей. Это проявляется и в их интегрирующем потенциале, и в том, что они составляют основу идентификаций между лидером и последователями, и потому, что являются основой синтезирующей мотивационную систему «базового мифа»; Следовательно, содержание, формы, способы деятельности, трансформации системы политического лидерства лишь в ограниченной степени связаны с эффективностью социальных технологий. Решающее воздействие на них оказывает специфика и динамика изменений социокультурных кодов того или иного общества.

Список литературы

1. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность// Вопросы философии. – 1969, № 9.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М., 1991.
4. Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры// Культурология. XX век. Антология. - М., 1995.
5. Кассирер Э. Техника современных политических мифов// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.- 1990, № 2.
6. Ким О.Л. Политическое лидерство: социокультурный аспект. – Москва, ИНИОН, 2000. Деп. 55754 (22.06.2000).

7. Митина В.И. Мир личности как мир культуры// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 1997, № 6.
8. Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 1998, № 5.
9. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева// США: Экономика. Политика. Идеология. - 1990, № 1-6.
10. Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. - М., 1992.
11. Хейзинга Й. Осень средневековья. - М., 1988.
12. Щербина Н.С. Политика и миф// Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 1998, № 2.
13. Энкер Б. Советский культ вождей: между харизмой и общественным мнением// Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. - 1994.
14. Almond G., Verba S. The Civic Culture. - Boston, 1965.
15. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis// World Politics. - 1977.
16. Edelman M. Politik als Ritual. - Frankfurt/ New York. 1976.
17. Edinger L. Approaches to the Comparative Analysis of Political Leadership// The Review of Politics. - 1990, No. 4.
18. Folkertsma M.J. Ideology and Leadership. - New Jersey, 1988.
19. Gibb C. Leadership. Psychological Aspects// International Encyclopedia of the Social Sciences. - London, 1972.
20. Grunwald W. Führung// Wörterbuch zur Mikropolitik. - Opladen, 1998.
21. Lord R. An information processing approach to social perceptions, leadership and behavioral measurement in organizations// Research in Organizational Behavioral. - 1985/7.
22. Mazlish B. In Search of Nixon. - Baltimore, 1973.
23. Neuberger O. Führen und geführt werden. - Stuttgart, 1990.
24. Rohe K. Politische Kultur und politische Aspekte von politischer Wirklichkeit// Politische Kultur in Deutschland, PVS-Sonderheft. - Opladen, 1987.
25. Sarcinelli U. Symbolische Politik und politische Kultur// Politische Vierteljahresschrift, Jg. 30. 1989. Nr. 2.

Поступило в редакцию 19 марта 2004 г.

УДК 324

А. С. Филатов

**PUBLIC RELATIONS В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Постановка проблемы

Многообразие определений и толкований термина «public relations» наталкивает на мысль, что проблема заключается в неясности методологических оснований анализа этого феномена. Постараемся в этом разобраться, но вместе с тем предпримем попытку показать практические следствия предлагаемой нами методологии.

В отечественной научной литературе, посвященной проблемам политического процесса и функционирования политических организаций, существует большое разнообразие в написании и в построении вербальных конструкций термина «public relations». Такое же положение мы можем обнаружить даже в русском переводе этого английского словосочетания, когда даются различные трактовки его содержания.

Проведенные нами исследования показывают, что всего насчитывается более десяти вариантов использования этого термина в русском языке: «public relations», «паблик рилейшнз», паблик рилейшнз, «PR», PR, «ПР», ПР, Пиар, Пи-Ар, связи с общественностью, общественные связи, «связи с людьми», «общественные отношения», коммуникации с общественностью.

С.М. Тучков в своей статье «Становление и развитие паблик рилейшнз: предпосылки, проблемы, перспективы» [6, с. 17] приводит три основных варианта написания, произношения и перевода, формирующихся у большинства отечественных авторов.

Первый вариант предполагает английское написание как термина «public relations», так и сокращения «PR». Этой концепции придерживаются такие авторы, как Е.А. Блажанов [см. 1], И.Л. Викентьев [см. 3], Г. Тульчинский [см. 5].

Второй вариант – написание термина и аббревиатуры в русской транскрипции: паблик рилейшнз и ПР. Этот вариант встречается в работах Г.Г. Почепцова [см. 4] и в переводе книги С. Блэка [см. 2].

Третий вариант – это полный перевод словосочетания на русский язык как «связи с общественностью» или «общественные связи». Из этих двух терминов наиболее точным, безусловно, является первый – связи с общественностью. Однако и он нуждается в определенной корректировке.

Понятие «связи с общественностью» выражает качество такого социального процесса, когда политические акторы выходят на общественность с целью не просто установить связи, но добиться обратной (положительной) реакции с тем, чтобы

вовлечь общественность или ее сегмент в решение какой-либо проблемы. С точки зрения социологии, а она в этом определении является наиболее значимой, Public Relations не ограничивается только социальными связями, которые могут предполагать лишь ситуационные контакты, а выходит на уровень социального взаимодействия. Социальное взаимодействие строится на основе определенных общезначимых для социальной группы целей и в результате продуцирует сложную систему социальных отношений. Если Public Relations не учитывает этой специфики, то он становится в лучшем случае «черным пиаром», т. е. низко технологическим политическим процессом, оперирующим суррогатными коммуникативными материалами и средствами.

При таком подходе к определению понятия Public Relations и, что очень важно, практическом применении содержащихся в нем приемов и средств взаимодействия с общественностью возникает качественно иная ситуация в самой структуре политических технологий. Подобного рода использование Public Relations на практике приводит к достижению высокой степени эффективности политической деятельности, когда инициативная сторона вовлекает в процесс достижения поставленных целей представителей формального социального объекта, который теперь уже становится одним из действующих лиц – актором в политическом процессе.

Пожалуй, ничто так образно и полно не способно продемонстрировать особенности практического применения PR-технологий, как выборная кампания. Она же позволяет дать более точное определение самому понятию Public Relations. Именно в процессе выборной кампании лучше всего становятся заметны особенности методов воздействия на избирателей, нюансы обратной связи и результаты использования Public Relations как одного из основных элементов политической технологии.

Роль информационного канала взаимодействия политических акторов и общественности

Процесс информирования общественности в условиях выборной кампании представляет совокупность разнообразных коммуникативных способов и каналов, создающихся с целью убедить избирателей голосовать за кандидата. В настоящее время информационное сопровождение признано очень важным компонентом избирательной кампании, от которого часто зависит победа на выборах. Недостаточно вести хорошо организованную, хорошо финансируемую, тактически грамотную кампанию. Это все может оказаться лишь достоянием избирательной команды кандидата. Очень важно найти способы информационного воздействия, создать коммуникативные каналы, чтобы подавать сообщения, которые формируют общее экзистенциальное поле, связывают кандидата с избирателями и убеждают их голосовать за него.

Сообщения, подающиеся в точно выбранные моменты по отработанным каналам правильно определенной аудитории, делают информацию эффективной. Часто организаторы кампаний рассылают пресс-релизы и дают объявления по радио, а кандидаты выступают с речами, но если эта деятельность не скоординирована, то она бессмысленна. Без координации, без создания коммуникационного поля все эти

действия в лучшем случае становятся эффектными, но не эффективными.

Например, на последних выборах в Верховный Совет Украины политической партией «Яблуко» было потрачено много усилий и средств на всевозможные обозначения себя перед избирателями, но не была отработана коммуникативно-информационная модель воздействия. В это же время политическое объединение «За единую Украину» строило коммуникативные каналы с помощью административного ресурса. В результате «Яблуко» произвело эффект, но не было эффективным, а «За ЕдУ» достигло фактически оптимальной эффективности, с учетом своего не совсем привлекательного властного имиджа.

В данном случае отмечается только факт отработки коммуникативно-информационных связей в структуре Public Relations, но не дается оценка в целом политического объединения, его типологических признаков. Если касаться содержательного аспекта «За ЕдУ», то обнаруживаются такие свойства, которые позволяют отнести это политическое объединение к патронажно-прагматическому типу партий [см.: 8, с.19-20]. Такой политический типаж не способствует установлению обратной связи с электоратом и, тем более, не обеспечивает широкомасштабного вовлечения его в процесс социально-политического взаимодействия.

Корреляционный анализ предвыборной деятельности «Яблука» и «За ЕдУ» показывает, что в случае технологически выверенного использования методов Public Relations в работе против патронажных и прагматических партий оппозирующая сторона в состоянии если не сломить эффективность использования административного ресурса, то свести его к минимуму. В этой ситуации минимум может означать политическое поражение.

Продуманное информационное сопровождение кампании особенно важно во время выборов в местные органы власти. На этом уровне кандидатам нужно напряженно работать, чтобы их услышали и признали. Их сообщения должны быть услышаны среди огромного количества ежедневной информации, направленной на рядового избирателя.

Выводы

Информация должна быть согласована со стратегией кампании и общим планом. Информация – это мощный инструмент, который может усилить позитивные качества кандидата и скрасить негативные. Одновременно, умело используя информацию, можно осветить слабости оппонентов, минимизируя при этом их преимущества.

Критерии информационного обеспечения выборной кампании

Информационное сопровождение избирательной кампании должно способствовать установлению таких связей с людьми, которые обеспечат условия для взаимодействия с ними и вовлечение их в общее политическое поле. Для установления связи с избирателями недостаточно просто обговаривать на эмоциональном уровне проблемы, которые их непосредственно касаются; необходимо показать, что решение этих проблем возможно с участием политического актора и при поддержке его

электоратом. При этом к каждому вопросу следует подходить с точки зрения электоральной аудитории. Чтобы правильно представлять эту точку зрения, очень важно иметь ее правильную оценку, которая может быть получена в результате проведенных социологических исследований.

Основной принцип информационного сопровождения выборной кампании, на основе которого должны строиться все коммуникационные способы и методы, выражается в следующем:

Люди будут голосовать за того, кто, по их мнению, обеспокоен тем же, что и они, но при этом способен изменить ситуацию к лучшему.

В случае реализации этого принципа мы можем говорить об эффективности кампании, а не только о произведенном эффекте.

Хотя, конечно, в отношении этого принципа могут быть и исключения, когда избиратели в обществах с преобладающим массовым сознанием отдают свои голоса за деньги или при голосовании придерживаются принципа: все плохие, но кого-то выбрать надо.

Начать процесс организации коммуникационных каналов с избирателями необходимо с фиксации общих позиций по основным человеческим ценностям, которые признаны населением в определенной экологической среде. Это будут азы связей с общественностью.

Проведенные нами социально-психологические исследования и практика политической деятельности показали, что люди считают наиболее важными десять основных ценностей. То, что для них особенно дорого, должно быть основным «строительным блоком» информационных материалов выборной кампании.

На основе двух опросов, проведенных в 2000 и 2003 гг. в рамках социологического исследования основных ценностей, приоритетов и социально-политических установок крымчан, мы выделили десять ценностей, которые доминируют в общественном сознании избирателей. О том, что эти ценности являются действительно устоявшимися и фундаментальными, свидетельствует тот факт, что их ранжирование в обоих исследованиях, разделенных тремя годами, совпало один к одному. Приведем их в порядке значимости для людей.

1. Дети (будущее детей).
2. Финансовое благополучие (рост цен).
3. Социальный статус (безработица).
4. Условия существования (правонарушения и преступность).
5. Общественные отношения (политическая нестабильность).
6. Общественная мораль (падение моральных ценностей и нравственных норм).
7. Толерантность (угроза межнациональных распрей).
8. Экология (загрязнение окружающей среды).
9. Здоровье (работа органов здравоохранения, дефицит медикаментов).
10. Уровень жизни (расслоение общества на бедных и богатых).

Предлагаемая структура ценностей сформирована на основе признаков, которые были отмечены нашими респондентами в двух социологических опросах.

Понятно, что для практической работы с избирателями этой шкалы ценностей недостаточно, необходимы данные о пропорциональном соотношении отмеченных

позиций, половозрастной, статусной и этнической специфики, характеристика электоральных сегментов, обусловленных географическими и экологическими факторами и т. п. А это уже несколько иная тема. Но то, что мы приводим здесь, позволяет нам показать сам принцип критериального подхода в системе взаимодействия с общественностью.

Стабильность в выборе приоритетов и ценностей, зафиксированная двумя опросами (2000 и 2003 гг.), позволяет сравнить полученные нами признаки с данными, которые получили американские исследователи, применительно к населению США.

Характерно, что в американской политической практике выделяются также десять ценностей, но все они имеют иное содержание. Здесь иерархизированная модель ценностей выглядит по-другому [см.: 9, с. 161-162]:

1. Здоровье – убежденность в том, что каждому человеку необходимо обеспечить хорошее здоровье и личную безопасность.
2. Финансовое благополучие – желание быть финансово обеспеченным сегодня и в будущем.
3. Свобода вероисповедания – необходимость чувствовать безопасность в выборе религиозных убеждений, знать, что отношение к тебе не зависит от твоего вероисповедания.
4. Семейное благополучие – желание мира и покоя в семье, защиты ее от внешних угроз.
5. Обеспеченная старость – необходимость быть уверенным в том, что старость будет достойной, что основные человеческие потребности в этот период жизни будут удовлетворены.
6. Интересный досуг – желание иметь средства и возможности для того, чтобы спокойно распоряжаться своим свободным временем (забота о качестве и количестве свободного времени).
7. Работа, которая приносит удовольствие – иметь возможность получить лучшую, более адекватную потребностям личности работу.
9. Хорошее образование для детей – желание обеспечить детей качественным образованием, чтобы они могли достичь большего в жизни.
10. Владение собственностью – иметь возможность владеть домом, автомобилем и пр.
11. Путешествия – стремление к перемене мест, к расширению круга общения, что способствует культурному обогащению.

Не ставя перед собой в этой статье задачу проведения сравнительного анализа системы ценностей американского и крымского электората, тем не менее мы видим, что разница в приоритетах и ценностях жизни между ними очевидна и даже является принципиальной. Лишь только в одной позиции наблюдается 100% сходства – когда речь идет о финансовом благополучии. Правда, если для крымчан препятствием финансового благополучия является рост цен и явное отставание уровня заработной платы от прожиточного минимума, то для американцев финансовое благополучие выражается более качественным критерием – материально-культурной обеспеченностью.

Поэтому, применяя эту модель по установлению взаимодействия с избирателями,

отечественные политтехнологи должны всегда помнить о существующей и существенной специфике нашего электората. В этом случае модели политических технологий, разработанные на Западе, нуждаются, как минимум, в принципиальной корректировке.

В то же время имеется ряд общих, универсальных подходов, способов и методов, которые могут быть использованы практически в любой социальной среде. Все они строятся на основе ценностей, имеющих общечеловеческое содержание. Ценность может рассматриваться в качестве методологической основы для связи с избирателями. Но, стоит повториться, ценность должна быть общей для большинства избирателей.

При формировании информационных материалов, предназначенных для аудитории избирателей, лучше всего исходить из выявленных ценностных позиций и строить коммуникационные каналы в обозначенных «ценностных рамках», с использованием этого критерия. Такая техника в PR-кампании позволит убедить население, что лучшим политическим актором является именно тот, кто в своей политике ориентируется на избирателей.

Выводы

Использование ценностных категорий позволяет обосновывать пути решения важных жизненных проблем. В этом случае политический актор имеет возможность представлять и предлагать свое видение и свои способы разрешения общественных проблем.

В действительности ценностные категории охватывают практически все сферы и стороны человеческой жизни, поэтому ориентация на человеческие ценности (ценности избирателей) является высоко продуктивной и эффективной. В основе каждого феномена социальной реальности есть, как минимум, одна из основных человеческих ценностей. Часто несколько ценностей принадлежат к одной социальной категории. Необходимо проанализировать предмет дискуссии при встрече с избирателями и определить, какая ценность важнее для аудитории. Например, каждый раз, обговаривая проблемы образования, целесообразно связывать их с детьми и будущим подрастающего поколения.

Позиционирование в Public Relations

Особую актуальность в системе Public Relations занимает позиционирование политического актора (политика или политической организации). Это обосновывается тем, что Public Relations представляет прежде всего процесс взаимодействия двух сторон – политического актора и избирателей, – а не воздействия одной стороны (политического актора) на другую (избирателей). В этом аспекте технология позиционирования занимает важное место в системе Public Relations, а ее характеристика и разработки способствуют более полному и адекватному определению самого понятия «Public Relations».

Как известно, сам термин «позиционирование» впервые начал использоваться в маркетинге, как экономической дисциплине. Впоследствии, когда сложилась поли-

тологическая дисциплина – политический маркетинг, – он стал широко использоваться специалистами в области Public Relations и имиджологии.

В связи с этим хотелось бы отметить, что содержание определения позиционирования в политическом маркетинге несколько отличается от того определения, которое характерно для экономического маркетинга. Например, при определении социальных категорий, на поддержку которых прежде всего рассчитывает кандидат, он и его команда ни в коем случае не должны публично очерчивать свой выбор, тем самым отсекая возможных сторонников из других социальных категорий. Поэтому в этом аспекте позиционирования целесообразно определять не социальные группы и категории, для кого интересен и полезен кандидат, а акцентировать внимание на определенных потребностях и ценностях людей. Тогда видоизменяется представление позиционирования: вместо – *для кого* из социальной совокупности, будет *для каких* потребностей предназначен предмет политического действия.

Установив и утвердив такое представление позиционирования, станет легче убедить избирателей, *почему* они должны выбрать именно этот предмет, и в *чем* состоит их заинтересованность. В образе политического предмета могут выступать как вся совокупность качеств кандидата, так и какие-либо из них в отдельности.

Выводы

«Предметность» политического позиционирования подчеркивает важное, если не определяющее значение свойств, отношений и качеств позиционируемого. Позиционируемый уже сам по себе является актором политического процесса и субъектом политической реальности, потому рассматривать его лишь в качестве объекта продвижения является серьезной технологической ошибкой. К тому же «объектность» в позиционировании, в отличие от «предметности», ограничивает, как правило, в PR-акциях технику позиционирования стадией внедрения, не развивая процесс вовлечения [см. по этой проблеме: 7].

Таким образом, существенным отличием позиционирования в политическом маркетинге, по сравнению с экономическим маркетингом, является субъективный фактор предмета позиционирования. В этом случае речь идет о готовности самого кандидата к политической борьбе и предложению всего спектра политических услуг избирателям.

Список литературы

1. Блажанов Е.А. Паблик рилейшнз. – М., 1994.
2. Блэк С. Введение в паблик рилейшнз. – Ростов-на-Дону, 1998.
3. Викентьев И.Л. Приемы рекламы и public relations. – СПб., 1995.
4. Почепцов Г. Паблик рилейшнз – М., 1998.
5. Тульчинский Г. Public relations. – СПб., 1997.
6. Тучков С.М Становление политических паблик рилейшнз: предпосылки, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. – Серия 12. – 2001. – № 1.

7. Филатов А.С. Украинский политический процесс. Выборы // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. Материалы международного семинара. Вып. 3. Социальные науки. / Луган. гос. пед. ун-т им. Т. Шевченко; Отв. ред.: Л.Н. Синельникова, Л.Ф. Компанцева, Г.А. Петровская. – Луганск: Знание, 2002. – С. 212-222
8. Филатов А.С. Электоральное поведение и политические технологии: как добиться успеха на выборах. – Симферополь: PARTNER, 2002. – 304 с.
9. Шлях до перемоги. Технологія виборної кампанії // Составители І. Кучерів і С. Одарич. – Київ: «Демократичні ініціативи», 1993. – С. 161-162

Поступило в редакцію 19 лютого 2004 г.

УДК 329.8:303.094.7

Е. А. Хан

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Актуальность

В настоящее время наукой разработано большое число подходов к построению типологий политических сил, чаще, согласно западной традиции, представленных партиями.

Эти подходы рассмотрены в различной литературе, как специализированной, так и учебной. Например, раздел по типологии партий присутствует в большинстве учебников по политологии [3], [4], [5]. Изданы на русском языке труды Дюверже, других "отцов-основателей". Некоторые подходы присутствуют в научных публикациях [1], [2].

Однако чтение этой литературы приводит к мысли, что в постсоветской действительности, такие подходы являются предметом скорее теоретического, чем практического анализа, и для многих политологов являются скорее грузом знания, а не рабочим инструментом.

Поэтому целью данной статьи является демонстрация практической применимости некоторых подходов к типологии политических сил. Полагаю, что такая работа будет способствовать развитию практической политологии в Крыму и Украине.

Методология

Под построением типологии будем понимать структурирование политического пространства, создание его моделей.

Говорим о политических силах, а не только о партиях. Например, блок "Наша Украина" не партия, но влиятельная политическая сила. Актуальный для Крыма пример: меджлис крымскотатарского народа.

В понятие политической силы могут входить как организации, так и кандидаты, персонализирующие их. Последнее принципиально при анализе президентских выборов.

Для обозначения подходов к построению типологии используется термин "модель", под которой понимается "система, чем-то подобная оригиналу".

В статье не ставится задача описания существующих подходов. Ее цель – демон-

страция нескольких примеров практического использования различных моделей политического пространства.

Отбор таких подходов произволен. В статье рассмотрены одномерные, многомерные, динамические модели.

Одномерные модели

Одномерные модели предполагают построение типологии политических сил по одному признаку. Например, по характеру функционирования – кадровые и массовые партии, по характеру поведения в обществе – демократические и тоталитарные, по месту в политической системе – правящие и оппозиционные, легальные, полулегальные и нелегальные, по взглядам на развитие общества – эволюционные, реформистские, революционные, радикалистские и т.п. [3], [4].

В данной статье рассмотрим классический пример деления по признаку "левые-правые".

Впервые это деление возникло в 1789 г., когда в Национальном Собрании революционной Франции места в зале заседаний распределились в соответствии с политической направленностью депутатов: справа от стола председателя расположились депутаты, выступающие за сохранение некоторых порядков феодального общества, а слева – депутаты, боровшиеся за решительное устранение всех атрибутов свергнутого строя, радикальное введение новых буржуазных порядков. С тех пор принято делить политические силы на правых – консервативных, отсталых и даже реакционных, цепляющихся за прошлое и препятствующих прогрессу, и левых – решительных, радикальных, даже революционных, стремящихся к новому, к прогрессу.

Впрочем, это деление достаточно условно и имеет в каждой конкретной стране свое понимание. Например, в США очень относительно можно назвать республиканцев правыми, а демократов – левыми, исходя из того, что позиция правых предполагает минимальное вмешательство государства в социально-экономические процессы, а левых – протекционистскую политику государства по отношению к населению.

Что же до постсоветского пространства, то здесь "прогрессивных" демократов принято относить к правым, а "ностальгистов" коммунистов – к левым. И хотя это разделение противоречит исходным теоретическим посылкам, оно содержит элементы исторической памяти народа (революционная направленность коммунистов и т.д.), и потому распространено.

Шкала "левые-правые", в зависимости от направления исследования, применяется в различных видах. Основные из них представлены в таблице 1.

Табл. 1

левые		правые			
левые		Центристы		правые	
крайние левые	умеренные левые	левый центр	правый центр	умеренные правые	крайние правые

В Украине расположение партий в рамках континуума "левые-правые" стало актуальным в 1998 г., когда прошли первые выборы депутатов Верховной Рады Украины на пропорциональной основе. Если разместить партии, собравшие более 4% голосов, в пределах этой шкалы, то получится следующая картина (табл. 2):

Табл. 2, 1998 г.

крайние левые	умеренные левые	левый центр	правый центр	умеренные правые	крайние правые
ПСПУ	КПУ	СПУ-СелПУ, Громада"	НДП, ПЗУ, СДПУ (о)	НРУ	УНА

ПСПУ – Прогрессивная социалистическая партия Украины, КПУ – Коммунистическая партия Украины, СПУ – СелПУ – Избирательный блок СПУ–СелПУ "За правду, за народ, за Украину", "Громада" – Всеукраинское объединение "Громада", НДП – Народно-демократическая партия, ПЗУ – Партия зеленых Украины, СДПУ (о) – Социал-демократическая партия Украины (объединенная), НРУ – Народный Рух Украины, УНА – Украинская национальная ассамблея (собрано 0,4% голосов)

На следующих выборах в 2002 г. ситуация на левом фланге осталась без изменений, а на правом произошли серьезные перемены.

Во-первых, обозначился явный фаворит – "Блок Виктора Ющенко "Наша Украина", который реально претендовал на весь правый спектр.

Во-вторых, образовался "Блок Юлии Тимошенко", который занял крайние правые позиции. Позиция Ю. Тимошенко определялась выбором В. Ющенко, на ассоциации с которым она строила свою предвыборную стратегию. Так как ниша умеренных правых была однозначно занята экс-премьером, его экс-заместитель выбрала крайнюю правую нишу. При этом она не конкурировала с Ющенко, а как бы дополняла его.

Власть, как и ранее, заняла нишу правого центра. Для консолидации усилий был образован предвыборный блок "За Единую Украину", что, впрочем, не помешало действовать в той же части электорального спектра СДПУ (о) с его мощным медиаресурсом. Но если "Блок Юлии Тимошенко" дополнял "Блок Виктора Ющенко", то власть вступила в конкуренцию с ним в выигрышной для него части спектра, а потому теряла, а не выигрывала возможные голоса правого центра. Правящие партии оказались зажаты в узком идеологическом закутке, что в условиях пропорционального голосования редко компенсируется тезисами о прагматизме и работоспособности. А потому завоевать 25% голосов избирателей, о которых власть заявляла накануне выборов, было невозможно.

Этот прогноз легко было сделать еще задолго до выборов. Если бы это было понято, то 12% голосов в многомандатном округе за кандидатов от власти можно было собрать более дешевыми и менее помпезными способами (табл. 3).

Табл. 3, 2002 г.

крайние левые	умеренные левые	левый центр	правый центр	умеренные правые	крайние пра- вые
ПСПУ	КПУ	СПУ	СДПУ (о) За "ЕДУ"	"Наша Украина"	Блок Юлии Тимошенко

Многомерные модели

Политическое пространство может быть структурировано не только по одному признаку, но и по нескольким.

Наиболее часто строят двумерные модели, используя табличную форму представления результатов [5]. В последнее время популярным стало представление политических сил в пределах системы, образованной осями: "влияние в элите" и "влияние в обществе". Применительно к Украине эта схема может выглядеть так:

Табл. 4

		влияние в элите		
		низкое	среднее	высокое
влияние в обществе	низкое	Прогрессивная социалистическая партия	Народно- демократическая партия	Социал- демократическая партия (о)
	среднее	Социалистическая партия	"Блок Юлии Тимошенко"	Партия регионов Украины
	высокое		Коммунистическая партия	"Наша Украина"

Построив такую модель, можно говорить о сильных и слабых сторонах партий / политических сил, создавать стратегию взаимодействия с каждой из них в зависимости от собственных целей, прогнозировать их действия.

Например, нам известна суть предлагаемой Президентом Конституционной реформы, но неизвестны позиции партий относительно нее. Глядя же на эту схему, нетрудно предположить, что СДПУ (о) поддержит положения о перераспределении власти и о выборах Президента Украины элитой, а не населением. В то же время "Наша Украина" приложит весь свой ресурс влияния в элите для того, чтобы Президент остался ключевой фигурой, избранной народом.

Также можно обозначить поле, в котором может быть достигнут компромисс с КПУ. Условия для этого: во-первых, они в любом случае проиграют президентские выборы, а значит, для них главное – это парламентские выборы и максимальный ресурс в Верховной Раде, а во-вторых, они заинтересованы в избавлении от популярного конкурента ("Наша Украина"). Соответственно, КПУ может поддержать избрание Президента парламентом, который будет избран на пропорциональной основе.

Впрочем, измерений может быть и больше, чем два. Например, российские исследователи на основании многих измерений строили следующие модели [6]:

- демократы – коммунисты;
- демократы – коммунисты – националисты;

- демократы – коммунисты – центристы – националисты;
- демократы – коммунисты – центристы – националисты – партия власти;

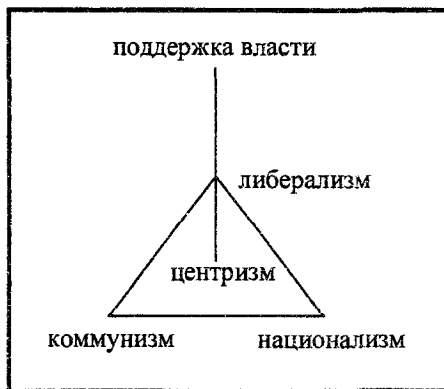

Рис. 1

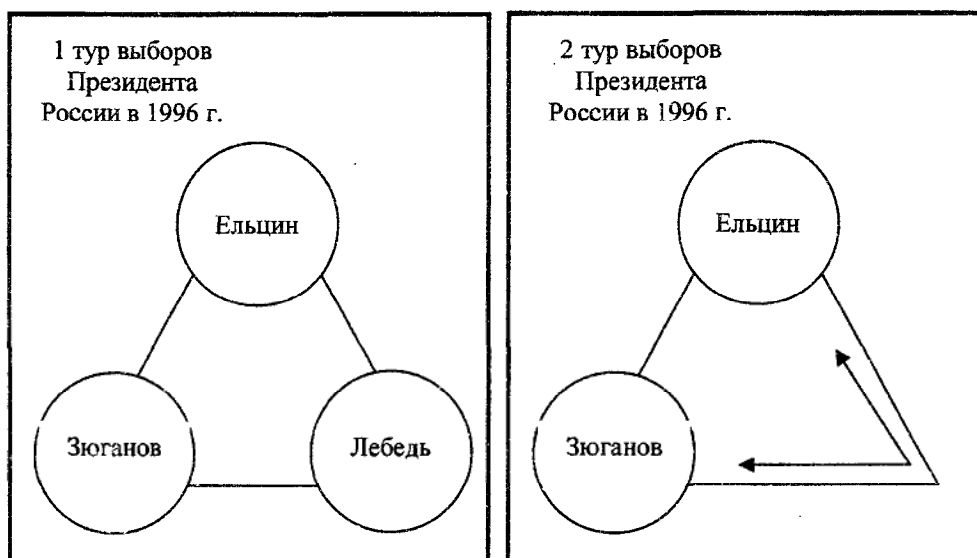
Рассмотрим наиболее сложную – последнюю модель (рис. 1) с точки зрения того, насколько она может быть использована для объяснения итогов выборов Президента России в 1996 и 2000 гг.

В 1996 г. основными кандидатами в Президенты России выступили Б. Ельцин и Г. Зюганов.

Б. Ельцин выступал кандидатом от власти. Соответственно, он, как политическая сила, мобилизовал электорат, поддерживающий власть (на парламентских выборах – "партию власти"). В условиях раскрутки противостояния между "коммунистами и демократами"

либералы и центристы также составили электорат действующего Президента. Г. Зюганов как лидер оппозиционной коммунистической партии, естественно, рассчитывал на поддержку "своего" электората.

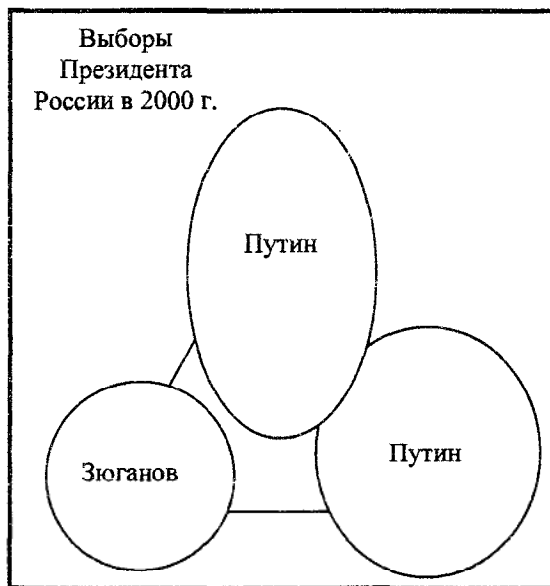
Для обоих кандидатов, чтобы победить на выборах, необходимо было решить вопрос мобилизации националистически ориентированного электората. Для этого коммунисты создали "Народно-патриотический союз", а правящая власть способствовала росту популярности генерала А. Лебеда. Эти действия были успешными, и последний занял третье место в первом туре выборов. Переход А. Лебеда на работу в действующие властные структуры привел к раздроблению националистически ориентированного электората и к победе действующего Президента (рис. 2).

В 2000 г. кандидатом от власти выступил В. Путин, а его главным соперником вновь был Г. Зюганов.

Исходные позиции кандидатов были теми же, что и в 1996 г. Особенностью же 2000 г. стала однозначная поддержка националистически ориентированным электоратом В. Путина, во многом обусловленная терактами и жесткой реакцией В. Путина на них. В этой ситуации кандидат был избран уже в первом туре выборов (рис. 3).

Рис. 3

Для построения типологии по многим основаниям часто используется кластер-анализ. Это один из видов многомерного статистического анализа. Его суть: каждая точка (в нашем случае – политическая сила) описывается многими признаками. На плоскость система взаимосвязей выводится в виде дендрограммы, величина линий в которой – показатель близости, схожести политических сил. Чем короче линия, тем более они схожи.

Для выборов Президента Украины в Крыму в 1999 г. такая дендрограмма выглядела следующим образом (группировка производилась по величине корреляционных связей) (рис. 4).

Анализ дендрограммы наглядно показывает, что в сознании избирателей все кандидаты четко делились на две основные группы: "правые" (Л. Кучма, Е. Марчук, Г. Удовенко и М. Габер) и "левые" (все остальные кандидаты).

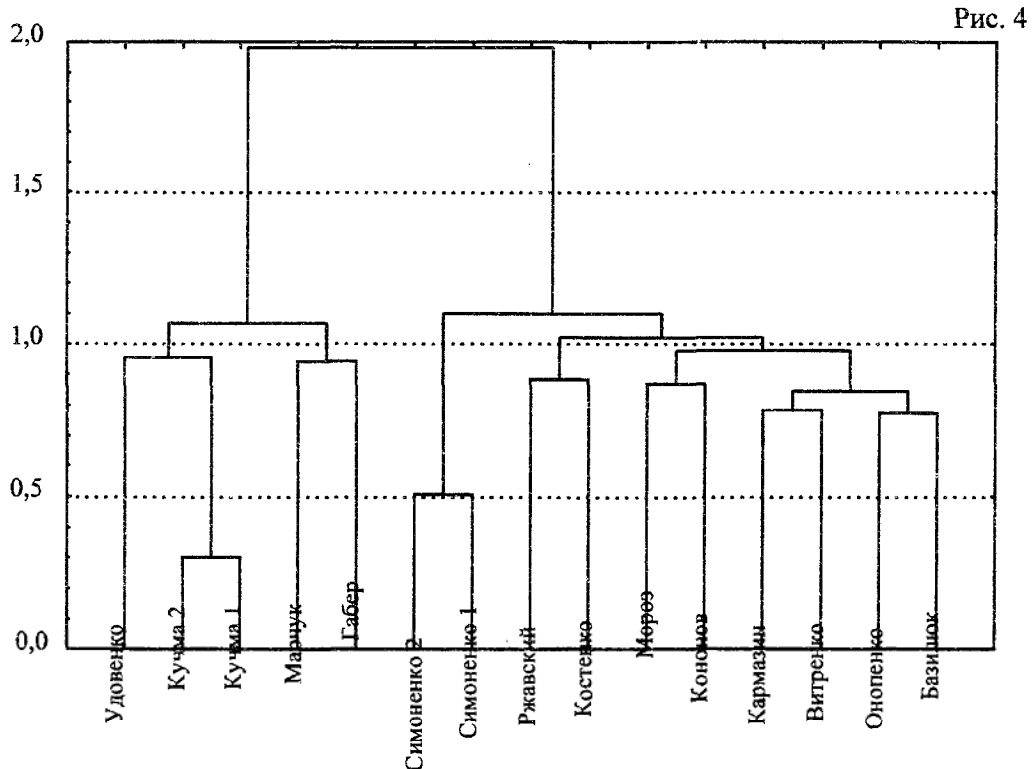
Среди правых кандидатов у избирателя наиболее тесно ассоциированы Л. Кучма и Г. Удовенко. Особняком стоят Е. Марчук и М. Габер.

Среди левых отдельно стоит коммунист П. Симоненко, группы социалистов А. Мороза (В. Кононова) и Н. Витренко (Ю. Кармазина), проукраинские и прославянские группы: Ю. Костенко (А. Ржавский) и А. Базилук (В. Онопенко).

Таким образом, мы можем говорить о том, что в сознании избирателей накануне президентских выборов существовало принципиальное деление кандидатов (и поддерживающих их политических сил) на "правых" и "левых", значительная поляризация общества по электоральному принципу правые-левые.

При этом спектр "правых" очень невелик, а в рамках "левых сил" объединены самые различные кандидаты. Главным мотивом их ассоциирования в единый блок является признак противостояния Л. Кучме, которого Крым активно поддержал в 1994 г. (90% голосов во втором туре выборов), и главным аргументом против которого было невыполнение данных ранее предвыборных обещаний.

**Классификация кандидатов 1999 г. в Президенты Украины в соответствии с
представлениями крымских избирателей о них
(группировка производилась методом кластер-анализа по коэф. линейной корреляции)**

Динамические модели

Рассмотренные ранее модели позволяли оценить ситуацию в статике. Но для выработки какого-либо практического решения крайне важно бывает знать не только современную ситуацию, но и то, как она сложилась – тренд ее развития.

Сам принцип построения динамических моделей можно проиллюстрировать на примере изменения расстановки сил в политической элите Украины после выборов 2002 г.

Например, блок В. Ющенко "Наша Украина" до выборов 2002 г. имел высокую популярность в обществе, но среднее влияние в элите. После 2002 г. он сохранил свою общественную поддержку, одновременно повысив свое влияние в элите (можно спорить о степени этого влияния, но наличие крупнейшей парламентской фракции, на наш взгляд, – это показатель высокого уровня влияния).

Усилили после выборов свои позиции как в обществе, так и в элите "Блок Юлии Тимошенко" и СДПУ (о). Правда, первый – через представительную власть, а второй – через исполнительную (Администрацию Президента Украины).

Табл. 5

		влияние в элите		
		низкое	среднее	высокое
влияние в общест- ве	низкое	Блок "Юлии Тимошенко"	Социал- демократическая партия (о)	Социал- демократическая партия (о)
	среднее		Блок "Юлии Тимошенко"	
	высокое		"Наша Украина"	"Наша Украина"

В основу построения таких типологий могут быть положены как качественные, так и количественные критерии. Например, уровень поддержки на выборах, рейтинг по итогам опросов общественного мнения. Или: количество депутатов в представительных органах власти, количество руководящих постов в исполнительных органах власти.

В том случае, если есть данные за значительный промежуток времени, то возможно использование статистических методов для обработки рядов динамики. Применительно к Крыму показательна модель электоральной поддержки политических сил в 1994 – 1999 гг., построенная нами на основе анализа коэффициентов корреляции между результатами голосования в ходе различных выборов [7], [8].

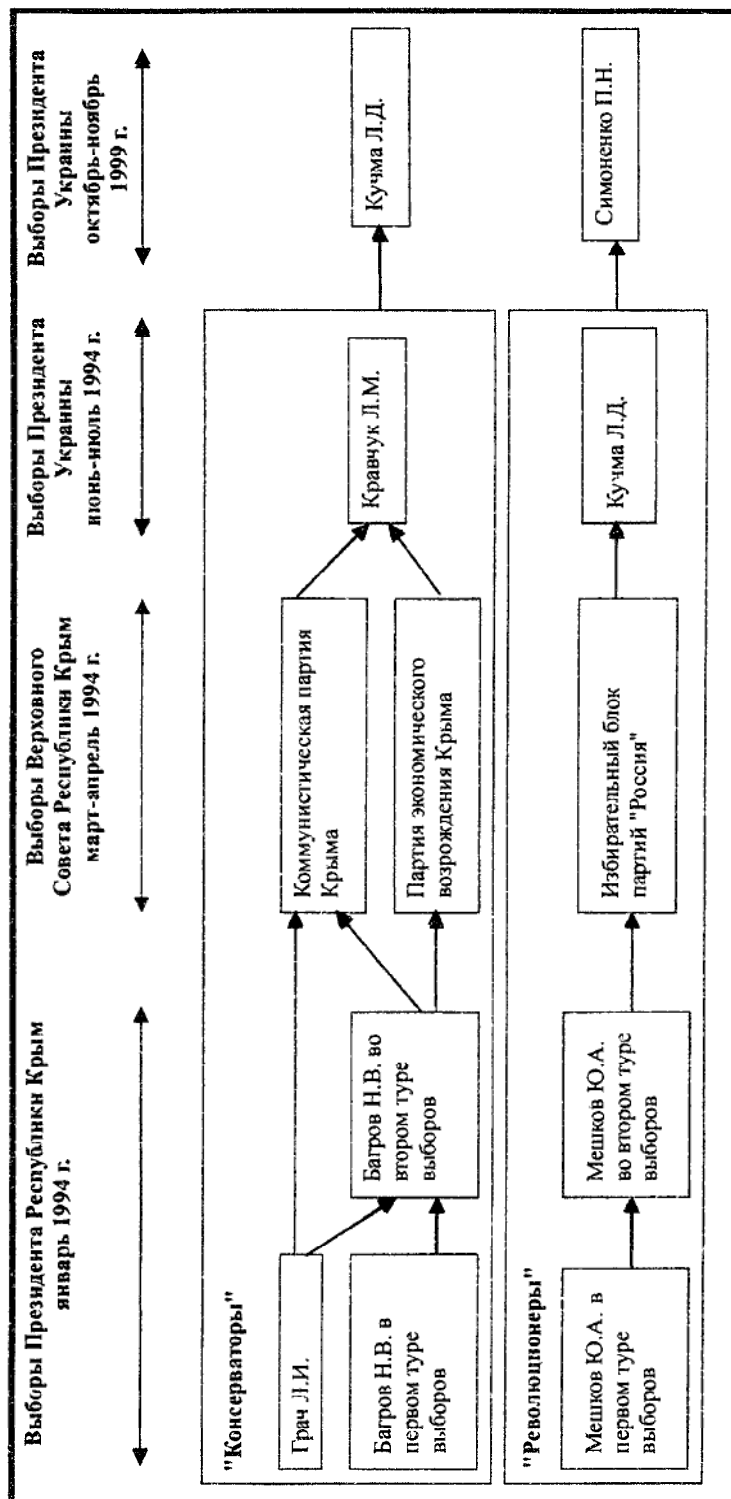
Созданный граф наглядно показывает, что в сознании избирателей в 1994 г. все политики и политические организации делились на "консерваторов" и "революционеры": на тех, с кем связывались надежды на сохранение существующей ситуации и эволюционное развитие событий; и на тех, с кем ассоциировались радикальные перемены в экономической, политической и социальной ситуации в Крыму, Украине (рис. 6).

В 1994 г. "революционерами" были Ю. Мешков (лидер блока "Россия"), избирательный блок "Россия", Л. Кучма, а "консерваторами": Н. Багров (спикер Верховной Рады АР Крым созыва 1991-1994 гг.), Л. Грач (Председатель компартии Крыма – КПК), ПЭВ (Партия экономического возрождения), КПК (компартия Крыма), Л. Кравчук и др.

С точки зрения избирателей, в 1994 г. компартия была "консерватором" – приверженцем постепенного, эволюционного пути развития. Но уже в 1999 г. произошел переворот (анализ его причин и характеристик не входит в задачи данной статьи): Л. Кучма перешел в "консервативный" лагерь, а П. Симоненко – в "революционный". Как результат, в 1999 г. лидер коммунистов собрал в 4 раза больше голосов, чем в 1994 г. – 51% вместо 12%.

Граф перемещения электоратов в АР Крым в 1994-1999 гг.
 (построен на основе корреляционного анализа результатов голосования по городам и районам Крыма)

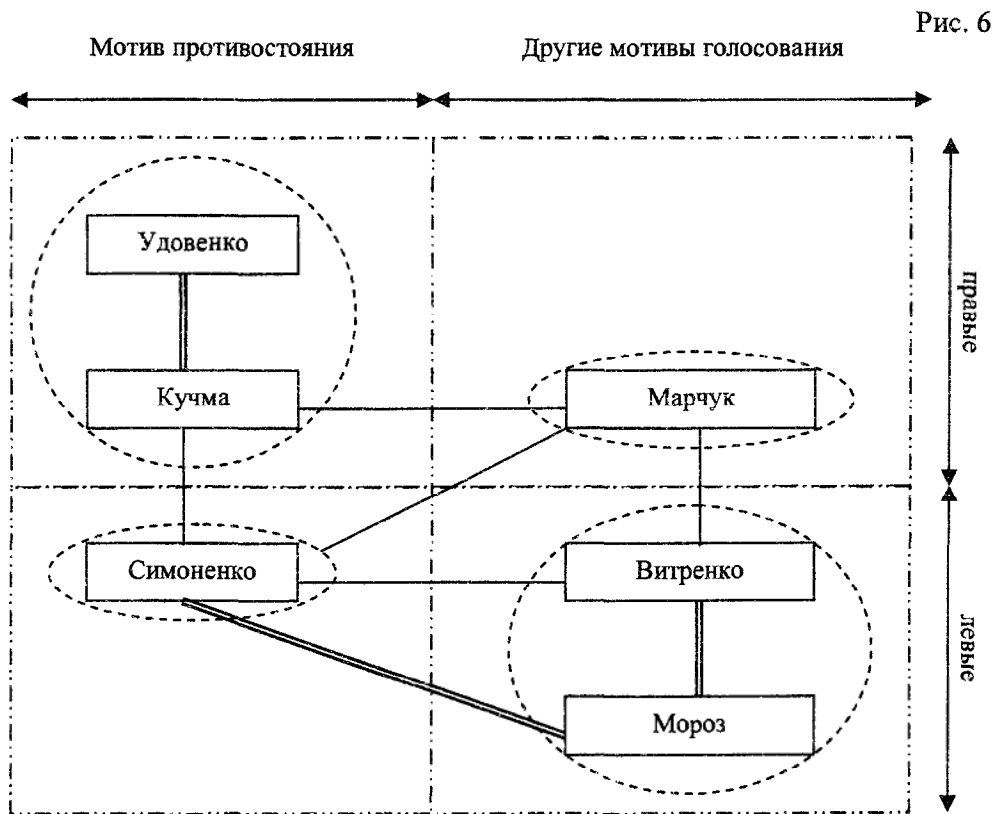
Рис. 5

Еще одним примером может послужить граф, построенный по итогам анализа первого тура Президента Украины в 1999 г. в Крыму (рис. 7). Двойной чертой обозначены положительные (синхронные) связи (с ростом количества голосов, отданных за одного кандидата, увеличивалось количество голосов за другого), одинарной – отрицательные (асинхронные) связи (с ростом одного – падение другого).

Как видно из рис. 7, в сознании избирателей основные кандидаты делились на правых и левых (верхняя и нижняя половина графика): к правым относились Л. Кучма, Е. Марчук, Г. Удовенко, а к левым – П. Симоненко, Н. Витренко, А. Мороз (для определения "левизны" использовался программно-идеологический подход).

Но все основные кандидаты были расположены в сознании избирателя как бы отдельно. В пределах своего политического спектра Н. Витренко идет в оппозиции к П. Симоненко, а Е. Марчук – к Л. Кучме. Положительные ассоциации относительно друг друга наблюдались только в высоко аналогичных случаях: Л. Кучма – Г. Удовенко (Запад Украины), Н. Витренко – А. Мороз (Социалистическая партия), А. Мороз – П. Симоненко (социалисты и коммунисты для очень многих мало различимы между собой). Особняком, отдельно от других, стоит фигура Е. Марчука.

Таким образом, можно заключить, что в первом туре выборов, с точки зрения избирателя, действовало четыре основные группы кандидатов, четыре значимых электоральных силы (на рис. 7 обведены пунктирным кругом): Л. Кучма – Г. Удовенко, П. Симоненко, А. Мороз – Н. Витренко, Е. Марчук. Все остальные кандидаты не имели особого значения (они и собрали менее 1% голосов каждый).

Кроме того, данный граф хорошо иллюстрирует то, какие основные мотивы определяли политический выбор крымчан: мотив противостояния между коммунистической и некоммунистической элитой (слева), другие мотивы голосования (справа). Математический анализ итогов выборов методом главных компонент показал, что мотив противостояния объясняет голосование 36% избирателей. Это подтверждается и данными предвыборных социологических опросов, проведенных Экспертно-социологической группой "Регион", – 37% крымчан собирались сделать свой политический выбор между П. Симоненко и Л. Кучмой.

Анализ возможностей перетекания электората от первого тура ко второму показывает, что если в рамках левого электората возможно перетекание через "компромиссную" фигуру А. Мороза, то в рамках правого электората такой возможности нет. Таким образом, уже на основе анализа первого тура выборов можно было прогнозировать, что левый электорат объединится во втором. Однако трудно было определить то, каким образом поведет себя электорат Е. Марчука – скорее всего, он разделится, но в каких пропорциях? Корреляционный анализ ответа на эти вопросы не давал. Вероятный сценарий был определен только на основе моделирования итогов соцопросов.

В статье мы проиллюстрировали возможности практического использования некоторых подходов к построению типологии политических сил. Упор делался скорее на наглядные "картинки", чем на теоретический анализ. Безусловно, есть много других подходов, не менее значимых для практики, чем приведенные. Надеюсь, что данная статья будет способствовать широкому обсуждению таких подходов в научной литературе, применению их на практике.

Список литературы

1. Будилова Е., Гордон Л. Терехин А. Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1996. – №2. – С. 18-24.
2. Гимпельсон В., Чугров С. Модели электорального поведения российских регионов (Опыт многомерного статистического анализа итогов выборов 12 декабря 1993 г.) // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – №4. – С.22-32.
3. Голосов Г.В. Сравнительная политология. – М., 2002.
4. Куликов Л.М. Основы социологии и политологии: Учеб. пособие. – М., 1999.
5. Общая и прикладная политология: учебное пособие. – М., 1997.
6. Политические партии, движения и организации современной России на рубеже веков. – СПб., 1999.

7. Хан Е.А. Электоральная география Крыма (по результатам выборов в 1994 г.) // Ученые записки Симферопольского государственного университета. – 1997. – №3(42). – С. 83-95.
8. Хан Є. "Червоний Крим": піднесення й падіння КПУ (1998 – 2002 роки) // Вибори 2002 в оцінках громадян та експертів. – К., 2002.

Поступило в редакцію 19 лютого 2004г.

УДК 070.15.005 (477.75)

А. А. Дрёмов

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ КРЫМА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И АНАЛИЗА

Данная работа представляет собой опыт исследования региональных печатных средств массовой информации как одного из распространённых инструментов политической коммуникации. Рассматриваются вопросы методологии исследования и на основе разработанной методики анализируются характерные региональные особенности крымских печатных СМИ.

Основные задачи:

- определить параметры измерения печатных СМИ;
- обосновать и сформулировать алгоритм анализа печатных СМИ;
- при помощи избранного алгоритма произвести анализ основных особенностей печатных изданий АРК.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Первая – слабая изученность проблемы. Вторая, как следствие, – необходимость разработки и теоретического обоснования алгоритма исследования печатных СМИ. Третья – наблюдаемая тяга субъектов политического процесса к обладанию и контролю над средствами массовой информации. Для них – это важный канал политической коммуникации, обладание которым является дополнительным ресурсом в политической борьбе. Таким образом, анализируя структуру коммуникатора, его основные параметры появляется возможность обнаружить определяющие факторы, обуславливающие поведение коммуникатора (зависимость от спонсора), возможности его влияния на аудиторию.

Региональные печатные СМИ как способ политической коммуникации

Анализ понятия “политическая коммуникация” (ПК) вычленяет две его составные части: «политическую» и «коммуникационную». Если «политическая» часть несёт в себе смысловую нагрузку, выраженную в образе концепта политики, который определяет специфический вид деятельности человека в обществе, то «коммуникационная» составляющая понятия «ПК» конкретизирует сущность деятельности: процесс передачи информации, связи, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Понятие «ПК» в широком смысле – «передача смыслов (*meaning*), значимых для функционирования политической системы»¹. Следовательно, политическая коммуникация представляет собой комплекс коммуникаций, в который входят все возможные способы и виды передачи политических смыслов: печать, видео, аудио связь, мимика, жесты, например, участие или неучастие в выборах и т.д. В значительной своей части политическая коммуникация составляет сферу компетенции специализированных учреждений и институтов, таких как средства массовой ком-

муникации². Средства массовой информации в силу своей технической специфики являются одним из мощнейших посредников процесса ПК (печать, электронные СМИ, радио). Как отмечает в своих исследованиях российский политолог А.И. Соловьев, «использование специализированных структур, организующих публично-массовый дискурс, – одна из ключевых черт политической коммуникации»³. Далее он отмечает, что только с началом индустриальной эпохи СМИ стали играть наибольшую роль в деле презентации политических интересов и позиций. Однако нельзя сбрасывать со счетов, «что СМИ по природе своей полифункциональны и являются компонентами не только политической сферы общества, но и его экономической инфраструктуры (медиа-бизнес), а также социальной области (как институт образования и культуры)»⁴. Выделяются три основных аспекта в изучении ПК: формы и объекты политической коммуникации, анализ средств передачи сообщений, их содержания, а также воздействие сообщений на их получателей⁵.

В представляемом исследовании главное внимание уделялось качественным характеристикам региональных печатных СМИ. Качественными характеристиками будут: вид и форма печатного издания, учредитель, язык, источник финансирования издания, целевое назначение издания и т.д. В настоящем исследовании региональный коммуникатор анализируется с точки зрения своей полифункциональной природы. А это, в свою очередь, позволяет выделить сферу деятельности коммуникатора, которая является наиболее подверженной внешнему воздействию. Следовательно, анализ качественных характеристик позволяет обнаружить наиболее зависимые и определяющие факторы деятельности печатных СМИ. Этот уровень анализа позволяет в дальнейшем приблизиться к разрешению проблемы исследования влияния печатных СМИ на политические процессы и конфликты. Выбор региональных печатных СМИ обусловлен тем, что наиболее подробную информацию о политических процессах в регионе дает только региональная пресса.

Операционализация проблемы и методология

Руководствуясь тем, что главная цель исследования – это выявление специфики и особенностей региональных печатных СМИ, нашу задачу представляем как операционализацию проблемы и определение алгоритма исследования. Проблема исследования может быть сформулирована в следующем виде: некие факторы, а также особенности региональных СМИ в совокупности влияют на их деятельность. Ниже будет предпринята попытка дать ответ на вопросы: «Что является определяющим фактором в деятельности СМИ?» и «Как исследовать региональные СМИ?»

Экономические и политические реформы начала 90-х годов создали ситуацию, в которой деятельность СМИ приобрела в первую очередь экономический характер, и они избавились от партийно-государственного контроля и цензуры. Стало возможным продавать информацию и делать бизнес на трансляции информации. Это кардинальное изменение в области масс-медиа имело серьезные последствия для развития медиа-рынка страны и регионов.

Для того, чтобы исследовать феномен региональных печатных СМИ, следует обозначить все переменные, которые их описывают. Список переменных:

- учредитель;
- источник финансирования издания;

- издатель;
- вид издания;
- целевое назначение издания;
- сфера распространения;
- тираж;
- количество подписчиков;
- периодичность выхода газеты;
- язык издания;
- способ распространения;
- публикуемые материалы;
- политические взгляды (идеология);
- объём.

Анализ переменных позволяет сгруппировать их в три основные группы: технические переменные, описывающие внешние свойства издания (тираж, периодичность, объём, издательство, сфера распространения, вид издания, количество подписчиков, способ распространения); содержательные переменные, характеризующие издание по его внутренним свойствам (целевое назначение, язык издания, публикуемые материалы, политические взгляды - идеология); экономические, характеризующие форму издания как объекта хозяйственной деятельности (учредитель, источник финансирования). Эмпирический анализ функционирования печатного издания показывает на опыте, что три группы переменных тесно взаимодействуют и дополняют друг друга, причём экономическая переменная занимает главную позицию в этой системе. Экономическая переменная оказывается ключевой, определяющей форму (техническую и технологическую сторону процесса издания) и содержание (политические пристрастия, содержание публикаций) печатного издания. Она определяется финансовой зависимостью печатного издания от поставщиков бумаги, издателей, транспортировки и распространения и т.д. Происходит тесное взаимодействие экономической и технологической переменных на уровне технологии производства и распространения информационного продукта (оплаты услуг) и на уровне производства содержания информационного продукта (оплаты услуг трудовых коллективов). Как было указано выше, сфера предоставления и передачи информации превратилась в один из видов экономической деятельности.

Возвращаясь к проблеме определения факторов, влияющих на поведение региональных печатных СМИ, и их особенностей, мы приближаемся к ответу на вопрос на уровне теории. Очевидно, что все вышеперечисленные переменные в той или иной степени находятся в зависимости от экономической. Будучи субъектом экономических отношений, пресса обязана ориентироваться на рынок, на спрос. Даже такая переменная, как язык, оказывается в экономической зависимости и может повлиять на спрос и потребление, так как от выбора языка зависят аудитория и сфера распространения, тираж издания. Например, русский язык гарантирует доступность информационного продукта практически всем потребителям информации. Таким образом, экономическая группа переменных оказывается ведущим фактором, влияющим на содержательные переменные и технические переменные: тираж, периодичность и т.д. Ситуация в этой системе складывается так, что изменение любой

из переменных (технического типа или содержательного) находится в очевидной зависимости от экономических переменных, а значит, зависит от того, кто владеет и финансирует СМИ. Самостоятельное изменение технических переменных невозможно без решения того, кто финансирует эти СМИ. Исследование возможности влияния на печатное издание делает очевидным, что факторы, определяющие принадлежность издания и источник финансирования, являются основными в процессе регулирования поведения газеты.

Региональные печатные средства массовой информации представляют собой объект, состоящий из нескольких ключевых компонентов: учредитель (владелец), трудовой коллектив, информационный продукт (газета). Все остальные показатели, такие как тираж, язык и т.д., уже характеризуют свойства информационного продукта – самой газеты. Модель взаимодействия в данной системе выглядит так: учредитель, чаще всего он же финансирующее (физическое, юридическое) лицо, определяет технические переменные, артикулирует свои интересы и делает заказ на интересующие его темы, что выражается в виде информационных сообщений в газете.

Изложенное выше позволяет сформулировать базисные положения для разработки алгоритма исследования печатных СМИ. Фактически алгоритм основывается на двух пунктах:

- 1) определение главного фактора, влияющего на поведение средства массовой информации на медиа-рынке;
- 2) применение количественных методов (контент-анализа) исследования массивов сообщений средства массовой информации.

Под понятием фактора, влияющего на поведение СМИ, имеется в виду учредитель и источник финансирования СМИ. Этот пункт обязателен, так как вскрывает качественную сторону изучаемого объекта, даёт информацию о владельце, а им может быть кто угодно: физическое лицо, организация, партия, политический институт и т.д. Опыт анализа этой переменной ниже покажет, какого рода полезную информацию можно обнаружить при исследовании той или иной проблемной ситуации. Количественная сторона анализа представляет собой анализ сообщений в соответствии с параметрами поставленных задач.

Переменные, характеризующие СМИ, можно условно разделить на два типа, если в основу классификации взять качественный и количественный методы исследования: субъективные и объективные переменные, где субъективные – финансирование СМИ, а объективные – все технические и содержательные переменные (зависимость объективных переменных от субъективных очевидна).

Анализ региональных печатных СМИ

Региональные печатные СМИ Крыма – это печатные издания, зарегистрированные в Автономной Республике Крым. Однако часть изданий, распространяемых в автономии, зарегистрированы в Киеве и имеют общеукраинский статус, хотя по содержанию – это однозначно крымские издания («Крымская газета», «Крымское время», «Голос Крыма»⁶ и т.д.). Существует потребность чётко обозначить параметры для анализа. Предстоит разграничить, какие из печатных изданий являются региональными, а какие нет. Имеет смысл разделить крымскую прессу на два основных вида: региональные (республиканские) СМИ и местные СМИ. Региональ-

ные печатные СМИ – это газетные издания, зарегистрированные в конкретном регионе печатные издания, которые предназначены для распространения по всему региону. Тематика публикуемых материалов и рубрикация статей направлены на информирование потребителей информации всего региона, независимо от целевого назначения издания. Местная пресса – газетные издания городского или районного значения и сферы распространения. Такого рода пресса имеет локальное значение и влияние, а также малую аудиторию читателей.

Удобным источником информации для анализа печатных СМИ служит специальная форма для регистрации печатного издания (Республиканский комитет по информации АРК). Эта форма выступает в роли источника информации о СМИ, так как в ней фиксируются практически все технические переменные, необходимые для анализа. В данном случае нас интересует графа «сфера распространения». Анализ этой графы показывает, что газеты разделяются по двум сферам распространения: региональная или республиканская (распространяется по всему полуострову) и местная (распространяется в районе, городе). Всего в Крыму зарегистрировано 852 печатных издания, из них только 708 – это газетные издания. Здесь ситуация складывается так: 485 газетных изданий носят статус региональных (республиканских), 223 – местных.

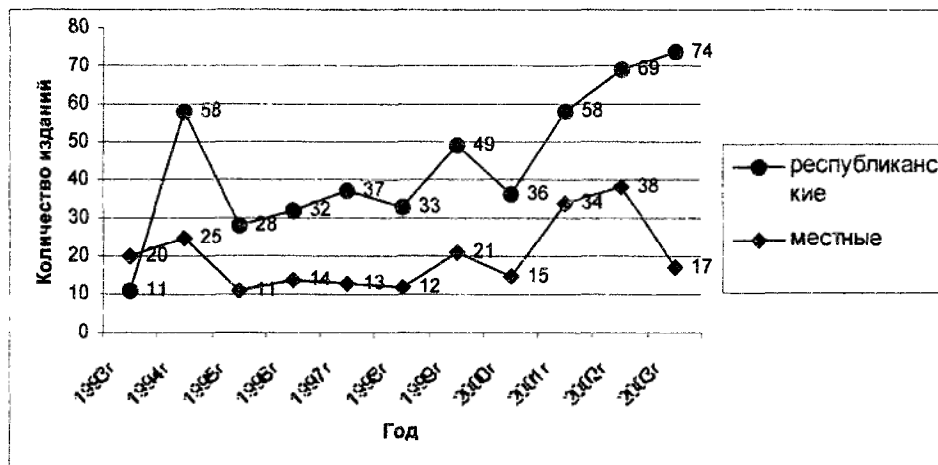

График 1. Динамика регистрации региональных и местных печатных СМИ в Крыму (1993-2003 гг.)

На графике заметна тенденция падения количества регистраций местных СМИ по сравнению с тенденцией их роста у республиканских СМИ. Но период времени с 1998 по 2002 отличается одинаковыми тенденциями, что отчётливо выражено на графике. В целом налицо явное превосходство региональной прессы над местной. Эта особенность объяснима с финансовой точки зрения: есть спрос на размещение рекламы на страницах республиканских газет, естественно, что в районе сложнее найти рекламодателя и потребителя рекламы, чем в региональном центре.

На следующем графике отображена общая динамика регистрации печатных СМИ в Крыму.

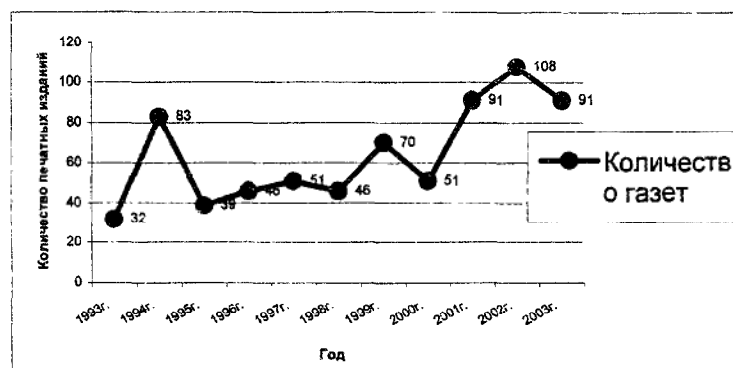

График 2. Динамика регистрации крымских печатных СМИ (1993-2003 гг.)

Первый серьёзный скачок приходится на 1994 г., второй – на послевыборный 1999 год, а с 2001 г. до 2003 г. наблюдается тенденция роста.

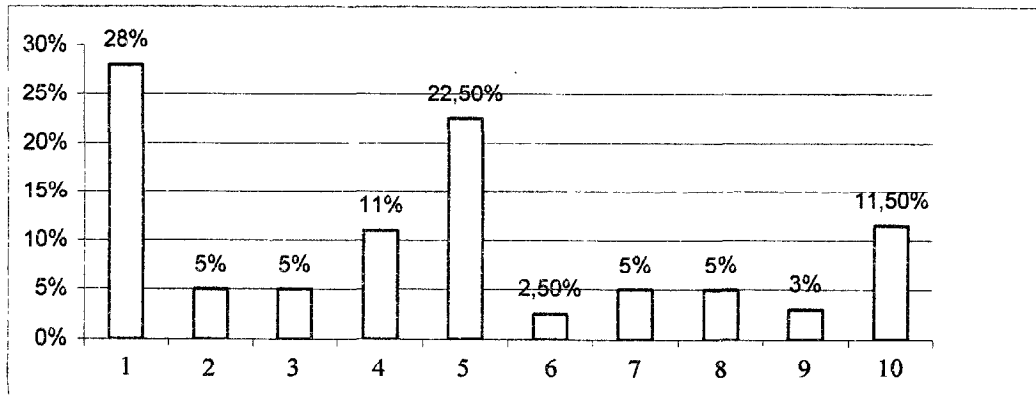
Анализ особенностей региональных печатных СМИ базируется на исследовании всех трёх групп переменных СМИ: экономической, содержательной, технической.

Экономическая группа переменных. Указанная группа состоит из двух основных переменных: учредителя (владельца) печатного издания и источника финансирования. Как было отмечено, именно эти переменные играют главную роль в определении поведения издания. Региональные особенности крымской прессы заключаются в следующих основных тенденциях, изложенных в таблице 1:

Табл. 1 Учредители.

	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2001 г.	2003 г.
коммерческие структуры	7	14	18	18	25	18
трудовые коллективы редакций газет	5	2	3	4	3	5
предприятия	3	3	4	5	6	5
государственные структуры	5	3	7	6	18	5
частные лица	4	8	16	16	17	37
религиозные организации	1	2	1	1	1	2
городские и райсоветы совместно с трудовыми коллективами редакций газет	3	3	1	5	4	2
партии	6	1	0	5	10	2
национальные организации	1	3	2	2	0	3
общественные организации.	1	4	4	13	12	12

Анализируя все данные за 10 лет (1993-2003), получаем следующую картину:

- 1 – коммерческие структуры
- 2 – трудовые коллективы редакций газет
- 3 – предприятия
- 4 – государственные структуры
- 5 – частные лица
- 6 – религиозные организации
- 7 – городские и районные Советы
- 8 – партии
- 9 – национальные организации и общины
- 10 – общественные организации

График 3.

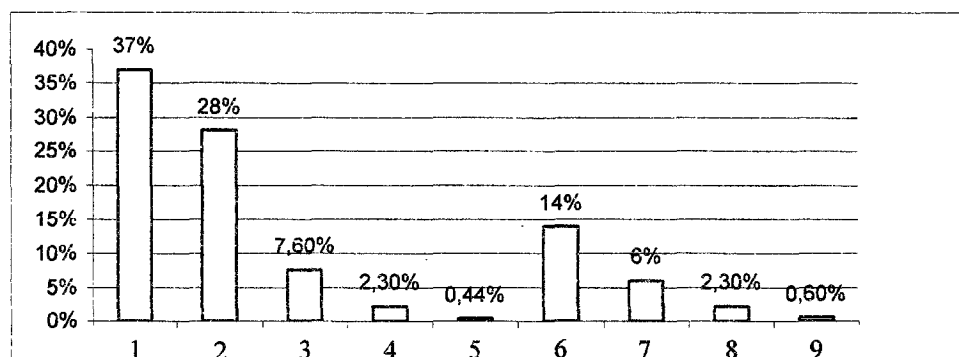
На графике заметно, что самый активный учредитель – это коммерческие структуры и частные лица. Государственный сектор вкуче с городскими и районными советами составляет 16% от общего числа печатных изданий, и только 5% - это трудовые коллективы редакций газет. Самостоятельно распоряжаются собственными финансовыми ресурсами (теоретически) только 5% печатных изданий. В целом рост частных СМИ может расцениваться как положительная тенденция. Совокупный процент коммерческих структур и частных лиц составляет 50,5%. Но эксперты оценивают данную тенденцию как негативную, так как коммерческие структуры предпочитают не раскрывать истинные источники финансирования⁷.

Остановимся подробнее на анализе государственного сектора. Доля госсектора на медиа-рынке заметно упала, но продолжает сохранять заметную долю в информационном обмене автономии – 16%. Анализ государственных учредителей выявляет из общего числа учредителей наиболее значимых – Верховную Раду АРК и Совет Министров АРК. Главная задача этих печатных органов – освещать деятельность соответствующих институтов государственной власти в автономии. Эта тенденция прослеживается и на национальном уровне: «Голос Украины» и др.

Надо отметить, что потребность в таких изданиях существует, как правило, в постсоветских странах. Как показывает анализ европейских печатных СМИ, в том числе региональных, с этой задачей справляются политические и партийные изда-

ния, чьи лидеры возглавляют те или иные государственные должности. Государство не нуждается в собственных СМИ, так как в этом нет необходимости. В отличие от восточноевропейских реалий, в Автономной Республике Крым исполнительная и законодательная ветви власти имеют собственные печатные органы: «Крымская газета» и «Крымские известия» соответственно. Тираж колеблется от 10 тыс. до 35 тыс. Анализируя ситуацию вокруг этих изданий, нетрудно догадаться, что они получают дотации из государственного бюджета, т.е. с финансовой стороны эти издания не испытывают никаких затруднений, а значит, имеют потенциал для дальнейшего роста. Однако на деле картина оказывается иной: с 1999 г. тираж «Крымской газеты» начал неуклонно падать – с 45 тыс. до 16 тыс. в 2001 г. Такая же ситуация и с «Крымскими известиями»: в 1996 г. – 63 тыс. и 2001 г. – 7 тыс.⁸ По мнению одного из экспертов в области средств массовой информации в Крыму О. Хоменка, «в течение многих лет, получая существенные дотации из местного бюджета, газеты «Крымские известия» и «Крымская газета» (учредители соответственно ВР АРК и Совет Министров АРК) утратили социальную функцию служения обществу, стали обслуживать госструктуры и первых лиц организаций, которые являются их учредителями и от которых они зависят»⁹. Далее он проводит мысль о том, что дотации ставят газету в прямую зависимость от руководителя ведомства-учредителя. Газета не идёт по пути увеличения числа подписчиков, так как смысл состоит в отстаивании интересов заказчика. Это происходит потому, что именно последний оплачивает расходы, а не потребитель информации. Отсюда следует особенность, присущая практически всем средствам массовой информации – отсутствие ориентации на читательский интерес. Дело в том, что, как и в прежние времена, газета уже на постсоветском пространстве служит средством агитации и пропаганды интересов и взглядов, политических позиций.

Содержательные переменные. В этой группе находятся следующие переменные: целевое назначение, язык издания, публикуемые материалы, политические взгляды – политическая идеология издания. Переменная *целевое назначение* определяет основную специфику издания. Можно выделить девять групп изданий: общественно-политические, информационно-рекламные, производственно-практические, детские и молодёжные, для досуга (спорт, литературно-художественные, научно-популярные), для общего обозрения, специализированные (юридические, экономические, экологические, педагогические, исторические), духовные и национальные¹⁰.

- 1 – общеполитические
- 2 – информационные
- 3 – производственно-практические
- 4 – детские и молодежные
- 5 – общий обзор
- 6 – досуг
- 7 – специальные
- 8 – духовные
- 9 – национальные

График 4.

На графике можно выделить несколько основных тенденций, которые характеризуют медиа-ситуацию. Наибольшее количество печатных изданий регистрировалось в течение десяти лет как общественно-политические – 37% и информационно-рекламные – 28%, а также досуговые – 14%. Эти тенденции указывают на три основных направления современного развития общественных отношений и приоритетов тех, кто контролирует медиа-бизнес и информационное пространство в автономии. Первое – политическая сфера общественной жизни, данная тенденция обусловлена прежде всего тем, что печатные СМИ активно используются для артикуляции и актуализации политических интересов и позиций; второе – информационно-рекламная сфера – сфера рекламного бизнеса в средствах массовой информации; третье – досуг – потребность в развлечениях. Эти три направления как нельзя лучше характеризуют, во-первых, распределение информационных потоков в регионе, во-вторых – показывают наиболее значимые для владельцев-учредителей темы. Таким образом, функционально региональные СМИ в основном замыкаются на выполнении трёх основных функций: политической, экономической, развлекательной.

Одной из характерных особенностей региональных печатных средств массовой информации является язык. Для Крыма основным языком печатной продукции является русский. Таблица 2 наглядно демонстрирует языковую ситуацию в крымском медиа-пространстве.

Язык издания	1995	2000
Русский	224	412
Украинский	1	4
Русский и украинский	6	35
Крымскотатарский и русский	5	15
Другие	19	32

Табл. 2. Языковая ситуация в крымских печатных СМИ¹¹

Общая тенденция – увеличение количества изданий, в некоторых случаях в несколько раз, но это несравнимо с опережающим ростом числа русских изданий – 224 и 412. Увеличение почти в два раза количества изданий сохраняет за русским языком лидирующее положение в медиа-пространстве Крыма. Преобладание русского языка сказывается на рынке печатных изданий в целом. Преобладание российской прессы по сравнению с украинской практически абсолютное. Из четырёх зарегистрированных изданий на украинском языке реально можно обнаружить только «Кримську світлицю». Фактор языка оказывает двойное влияние на региональные печатные средства массовой информации. С одной стороны, есть языковые основания для стимулирования про-российских настроений среди крымского сообщества (в основном в печатных про-российских СМИ Крыма), с другой стороны, русский язык как язык большинства печатных изданий, даже этнических, позволяет широко пропагандировать идеи, вести диалог с оппонентами на всем известном языке – русском. Но нужно заметить, что с 1999 г. растёт количество двуязычных изданий. В целом в Крыму встречаются издания, которые зарегистрированы со следующими языками: русский, украинский, крымскотатарский, немецкий, караимский, армянский, азербайджанский, турецкий, арабский, болгарский, английский, греческий.

Что касается переменных «публикуемые материалы» и «политическая идеология», то их лучше анализировать при помощи количественных методов, а именно, контент-анализом. Эта методика подразумевает переход к исследованию содержания сообщений СМИ. В случае с печатными СМИ анализу подвергаются сообщения – статьи, измеряемые в единицах площади, а также количеством знаков.

Технические переменные. Как уже отмечалось выше, они включают в себя тираж, периодичность, объём, издательство, сферу распространения, вид издания, количество подписчиков и способ распространения. Анализ этих переменных осложняется тем, что на практике не всегда можно собрать объективные данные о них. Например, тираж, по объективным и субъективным причинам, является «секретной информацией», и о нём невозможно легально получить информацию даже в Республиканском комитете по информации. «Секретность» объясняется желанием скрыть реальный тираж, так как именно этот параметр позволяет приблизительно выявить объёмы финансирования газеты, ее популярность. С другой стороны, приписывание тиража способствует упрочению репутации и служит рекламой. Поэтому эта переменная не может дать объективной информации. Можно лишь констатировать, что тираж региональных газет колеблется в среднем от 3 тыс. до нескольких

десятков тысяч.

Периодичность изданий в основном еженедельная. Однако есть газеты, которые издаются раз в две недели и даже раз в месяц. Совсем малое число составляют ежедневные издания. Эта ситуация объясняется с экономической точки зрения: не каждое издание может себе позволить выходить в свет каждый день, нужен регулярный и достаточный источник финансирования. Объем газет по сравнению с советским периодом значительно упал, вследствие этого 46% печатных изданий выходят форматом А3, 19% форматом А4. Лишь единичные издания могут себе позволить выходить форматом А-2 – 2,5%. Способ распространения печатных изданий представляет собой еще одну проблемную зону. Основной канал распространения газет – сеть торговых точек предприятия «Крымсоюзпечать», которое является ведущим монополистом в этой отрасли.

Выводы. Методика анализа, разработанная в статье, показала, что экономический фактор является одним из главных в процессе функционирования печатных СМИ. Разработанный алгоритм исследования позволяет анализировать качественные характеристики объекта и совершить переход к анализу количественных и содержательных параметров коммуникатора. Анализ качественных параметров даёт возможность определить решающие факторы, влияющие на деятельность коммуникатора. Подытоживая всё выше сказанное, можно с уверенностью утверждать, что ключевыми особенностями региональных печатных СМИ являются рассмотренные параметры: учредитель, язык, вид издания, целевое назначение и т.д. Анализ информации, представленной в виде фактических баз данных, даёт возможность построить карту информационного пространства в регионе.

Примечания

¹Плейно Д., Риггс Р., Робин Х. 26 основных понятий политического анализа // Полис. – 1993. – №1.

²Там же.

³Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. – 2002. – № 3.

⁴Там же.

⁵Плейно Д., Риггс Р., Робин Х. Указ. соч.

⁶Белая книга крымской журналистики. Сборник документов о свободе прессы в Крыму в 2001 г. Ежегодник. – Симферополь, 2002. – С. 54.

⁷Проект «Громадська експертиза. Свобода слова». Все про медіа регіонів України.-К., 2000г.- С.24.

⁸Белая книга крымской журналистики. Сборник документов о свободе прессы в Крыму в 2001г. Ежегодник. – Симферополь, 2002. – С. 18.

⁹Там же.

¹⁰Информация о целевом назначении содержится в регистрационной форме Рескома по информации АРК.

¹¹Проект «Громадська експертиза. Свобода слова». Все про медіа регіонів України. – К., 2000. – С. 24.

Список литературы

1. Белая книга крымской журналистики. Сборник документов о свободе прессы в Крыму в 2001 г. Ежегодник. – Симферополь., 2002 – 122 с.
2. Плейно Д., Риггс Р., Робин Х. 26 основных понятий политического анализа // Полис. – 1993. – №1.
3. Проект «Громадська експертиза. Свобода слова». Все про медіа регіонів України. – К., 2000, 150 с.
4. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. – 2002. – № 3.
5. Сприяння поширенню толерантності у поліетнічному суспільстві. / О. Майборода, Р. Чілічава, Т. Пилюпенко та ін.-К.: Фонд «Європа XXI», 2002, 312 с.

Поступило в редакцію 8 февраля 2003 г.

УДК 327.39:316.28

И. В. Стулов

**КОММУНИКАЦИИ ВЕРХОВНОЙ РАДЫ АРК ВО II КВАРТАЛЕ 2003 ГОДА
(по данным контент-анализа «Крымских Известий»)**

Данная статья посвящена анализу процесса коммуникации регионального парламента АРК. Актуальность исследований подобного рода обусловлена необходимостью охарактеризовать политическую систему Крыма и Украины, выявить структуру политических взаимодействий между различными акторами украинского национального государства.

Задача политической науки в современной Украине – представить политический процесс в государстве в виде операциональной модели, которая позволит понять место каждого социального актора в актуализации общественных проблем (agenda-setting), в их обсуждении, принятии решений и их реализации. При этом необходимо рассматривать политическую систему Крыма и Украины в контексте глобального политического процесса. Такой анализ должен осуществляться в рамках теории глобализации, как подхода к изучению социальных процессов¹. Основное положение данного подхода заключается в том, что глобальное социальное пространство состоит из множества локальных социокультурных систем, которые формируются собственными смыслами и практиками. Но каждое локальное сообщество находится в процессе сложного взаимодействия с окружающим миром, обменивается с ним идеями и материальными ресурсами. С точки зрения теории глобализации, такой обмен является фактором, который в значительной мере обуславливает внутреннюю динамику структуры институтов и практик в различных социокультурных пространствах.

Глобализация понимается в контексте данной статьи как процесс структурирования, постоянный процесс формирования и реформирования взаимодействий между всеми социокультурными пространствами глобального социального пространства. Понимание характера глобализации возможно только при рассмотрении и учете всех социальных взаимодействий, которые происходят в рамках мира-как-целого. Но в первую очередь необходимо изучить характер интерлокального взаимодействия, взаимодействия различных социокультурных пространств.

Цель исследований, которые осуществляются в рамках направления Globalization Studies, можно определить как описание параметров интерлокального взаимодействия акторов глобального сообщества. Для исследования политического процесса в Крыму и в Украине это подразумевает анализ взаимодействия акторов, локализованных в украинском и крымском социокультурном пространстве, с представителями иностранных государств, международных организаций и транснациональных структур. В результате можно будет описать место внешних акторов в процессе национального политического взаимодействия: какие проблемы они актуализируют, каким образом осуществляется эта актуализация и с какими результатами, какие

решения существующих и новых проблем они предлагают, как участвуют в практической деятельности по преодолению проблемных ситуаций.

Исследование процесса глобализации подразумевает описание того, как каждое локальное сообщество представляет свое место в мире и в целом структуру глобального сообщества, характер связей между его частями, значимые элементы внешней реальности. Поэтому необходимо исследовать место различных социокультурных пространств и их акторов в структуре представлений украинского и крымского сообщества об окружающей реальности, то есть наше восприятие глобального социального пространства.

В результате мы получим представление о характере процесса глобализации в конкретном месте социального пространства, которое включает крымское социокультурное сообщество.

В рамках данной статьи мы опишем основные параметры коммуникации Верховной Рады АРК, как представителя крымского локального сообщества, для того чтобы понять модель участия данной организации в процессе интерлокального взаимодействия Крыма.

Объект данного исследования – Верховная Рада Автономной Республики Крым, представительный орган власти крымского локального сообщества, образованный в марте 1991 года.

Предметом исследования выступает процесс коммуникации Верховной Рады АРК, как социального актора, в рамках глобального социального пространства.

Целью исследования является полное описание, анализ и характеристика модели социальной коммуникации Верховной Рады АРК, модели участия регионального парламента в процессе глобализации.

Задачи исследования можно представить как:

- определение общей структуры коммуникации Верховной Рады АРК: удельный вес внутренних взаимодействий, взаимодействия с украинскими акторами, взаимодействия с иностранными и транснациональными акторами;
- определение степени интенсивности и активности различных направлений коммуникации Верховной Рады АРК;
- определение типов акторов, с которыми Верховная Рада взаимодействует наиболее активно.

Изучение места и роли конкретного социального актора в рамках глобального социального пространства, в рамках мира-как-целого, невозможно без «аудита» процесса его коммуникаций. Аудит коммуникаций – это систематическое документирование коммуникации социального актора, которое осуществляется для того, чтобы понять структуру его взаимодействия с внешним миром, **понять, как, по какому поводу и с кем общается конкретный социальный актор.**

Полный анализ коммуникаций организации (в данном случае – Верховной Рады АРК), как внутренних, так и внешних, осуществляется с целью представления модели её взаимодействия с окружающим миром, для создания картины её коммуникационных потребностей, политики, практики и возможностей². Результатом такого анализа становятся данные, которые позволяют руководству организации принимать осознанные решения относительно оптимизации существующей модели ком-

муникации, изменять её согласно определенным целям и представлениям.

Понимание структуры общения социального актора также необходимо для сетей принятия решения в тех организациях, которые находятся в процессе взаимодействия с ним и заинтересованы в максимизации эффективности этого взаимодействия. В случае Верховной Рады АРК, которая является органом публичной власти крымского сообщества, исследование структуры коммуникации парламента крайне важно для обеспечения прозрачности его деятельности и участия населения в формировании его коммуникационной политики.

Коммуникация Верховной Рады АРК, как основная категория анализа данного исследования, понимается как прямое (встреча) и опосредованное (обращение, письмо, запрос, т.д.) взаимодействие представителей регионального парламента с различными социальными акторами.

Для описания параметров коммуникации Верховной Рады АРК, как социального актора, был выбран метод контент-анализа (формализованного анализа) материалов официального медиа-издания этой организации – газеты «Крымские известия».

Использование данного метода было обусловлено характером информационного поля «Крымских известий», в рамках которого публикуются отчеты о всех официальных коммуникациях представителей регионального парламента. Таким образом, «Крымские известия» являются основным источником информации о параметрах как внешних, так и внутренних коммуникаций Верховной Рады АРК.

Основной недостаток публикаций в «Крымских известиях» заключается в том, что в ряде случаев в информационных материалах, касающихся коммуникации представителей Верховной Рады, отсутствует полное (и формализованное) описание повестки встречи и характера дискуссии. И эту проблему невозможно решить обращением к другим видам документов, так как в Верховной Раде служба связей с общественностью и секретариат фиксируют подобные аспекты коммуникации представителей их организации только в определенных случаях (как правило, в ситуациях внутренней коммуникации: сессий, заседаний Президиума и Постоянных комиссий), а поиск документов у партнеров крымского парламента по коммуникации крайне затруднен.

В этой связи руководству парламента можно порекомендовать пересмотреть принципы деятельности Верховной Рады в сфере связей с общественностью и обеспечить современную организацию этой деятельности, в первую очередь, наладить полное документирование процесса коммуникации представителей крымского нормотворческого органа власти.

Единицей анализа для данного исследования являлась ситуация социального взаимодействия, в которой принимали участие представители Верховной Рады АРК, описанная в публикации, семантически завершенной единице текста в рамках одного номера «Крымских известий».

Единицами наблюдения выступали географическая и институциональная принадлежность участников ситуации взаимодействия Верховной Рады АРК (параметры их локализации).

Единицей счета была выбрана частота появления признаков единиц наблюдения в рамках одной публикации.

Аналитически глобальное социальное пространство можно представить в

виде нескольких институциональных уровней:

- уровень международных и транснациональных организаций;
- уровень суверенных государств;
- уровень регионов суверенных государств;
- уровень субрегионов суверенных государств.

На основании этой аналитической схемы можно выделять значимые для каждого конкретного случая уровни социального пространства. Для анализа структуры взаимодействия Верховной Рады АРК можно выделить группы представителей:

- 1) республиканских органов власти и общекрымских организаций;
- 2) регионов АРК;
- 3) центральных органов власти Украины и всеукраинских организаций;
- 4) регионов Украины;
- 5) иностранных суверенных государств;
- 6) регионов иностранных суверенных государств;
- 7) международных и транснациональных организаций.

Фиксируя в ходе контент-анализа информационного пространства «Крымских известий» факты коммуникации представителей Верховной Рады АРК, мы описывали следующие параметры участников ситуации взаимодействия:

- 1) принадлежность к одному из уровней глобального социального пространства;
- 2) принадлежность к конкретному социальному локусу (транснациональная структура, государство, регион, организация).

В результате стало возможным описание количественных параметров взаимодействия представителей того или иного уровня глобального социального пространства с представительным органом власти АРК. Подобная исследовательская техника позволила операционализировать степень и параметры «открытости» регионального парламента в рамках национального государства и в рамках глобального социального пространства.

Диаграмма 1 представляет результаты анализа структуры коммуникации ВР АРК во 2 квартале 2003 года. В информационном поле «Крымских известий», официального печатного органа ВР АРК, в рамках данного хронологического периода было зафиксировано 193 публикации с описанием активного взаимодействия акторов регионального парламента. Все публикации были разделены на четыре группы, согласно признаку локальной принадлежности акторов, с которыми непосредственно взаимодействовала в ходе конкретной проблемной ситуации ВР АРК.

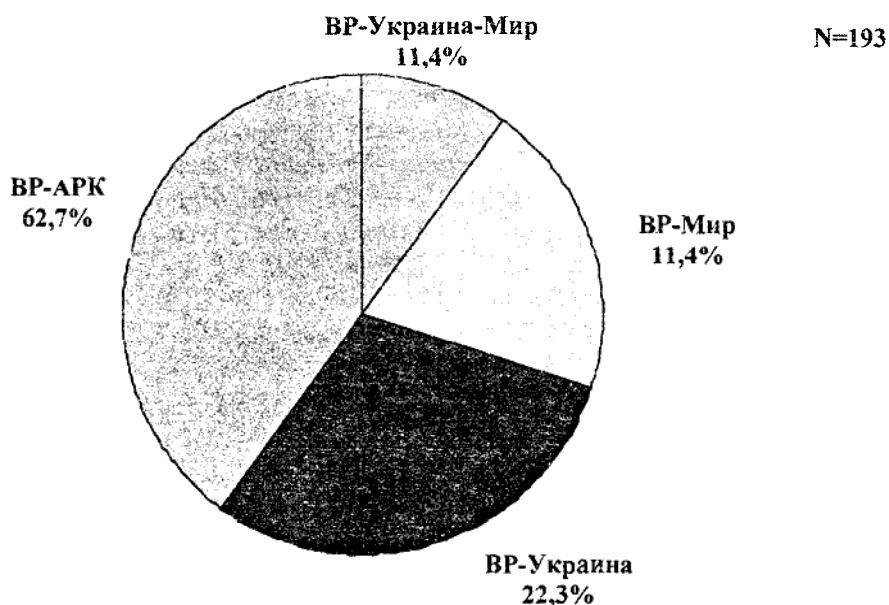

Диаграмма I

Структура коммуникации Верховной Рады АРК во II квартале 2003 года

Таким образом, группа «АРК» включает ситуации, в рамках которых представители Верховной Рады взаимодействовали только с крымскими региональными акторами (в том числе и внутренние коммуникации организации). Группа «Украина» охватывает те ситуации, в рамках которых крымский парламент общался с представителями других регионов Украины, центральных органов власти или всеукраинских организаций. Группа «МИР» состоит из ситуаций, в которых присутствовала коммуникация ВР АРК с представителями иностранных государств, международных организаций и транснациональных объединений. Группа «Украина-МИР» представляет ситуации с одновременной коммуникацией крымских парламентариев как с национальными, так и с иностранными акторами.

Таким образом, можно наглядно представить характер ситуаций взаимодействия с участием представителей ВР АРК. Интересно сравнить соотношение между показателями коммуникации ВР АРК и аналогичные параметры региональных Советов народных депутатов в Украине, чтобы сделать вывод о влиянии институционального статуса политического актора (статуса ВР АРК, как представительного органа власти автономной республики, единственной в составе унитарного украинского государства) на структуру его коммуникации. Другими словами, интересно понять, является ли такой статус фактором, влияющим на интенсивность взаимодействия политических акторов с иностранными организациями и с украинским государством.

В качестве гипотезы для дальнейших исследований, которые позволят сравнить структуры коммуникации ВР АРК и других региональных парламентов Европы и мира, можно предположить, что показатель группы «Украина» в общей массе коммуникаций характеризует участие актора в национальном политическом процессе.

Фактически в случае ВР АРК речь идет о том, как активно региональный парламент привлекает центральные органы власти и всеукраинские организации к решению местных проблем. Но для более точного анализа необходимо разделить два типа взаимодействий в группе «Национальное государство»: взаимодействия, повестка дня которых формируется местными проблемами, и взаимодействия, обусловленные решением общенациональных задач. В результате станет возможным описание параметров вовлечения региональных акторов в общенациональный политический процесс и параметров вовлечения национальных акторов в региональное политическое взаимодействие.

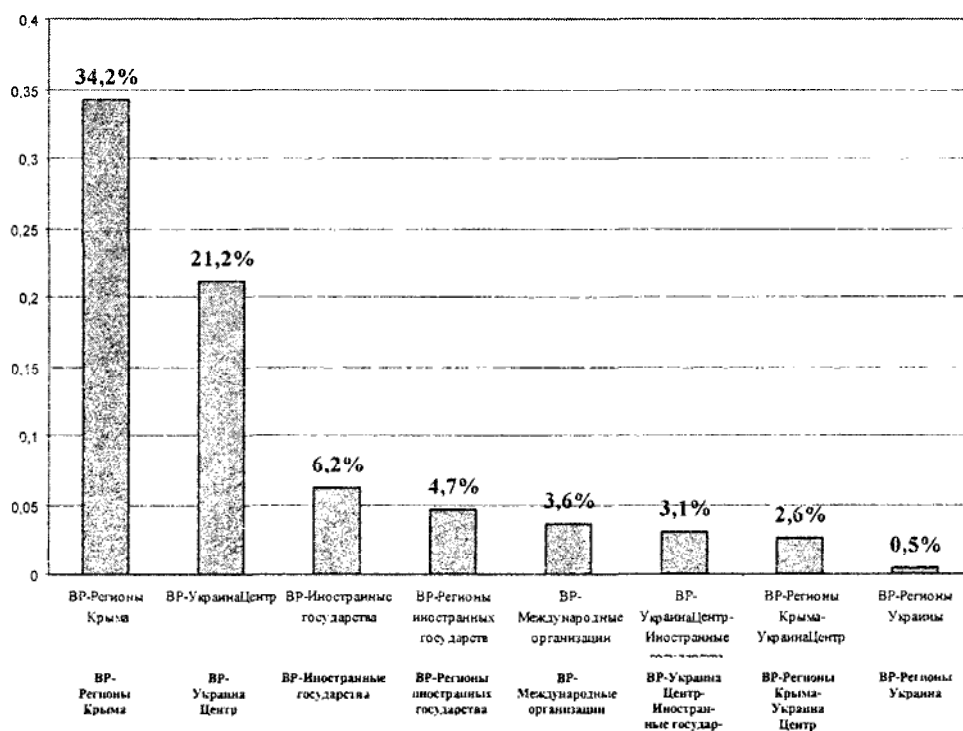

Диаграмма 2
Параметры интенсивности различных направлений коммуникации
Верховной Рады АРК во II квартале 2003 года

Диаграмма 2 представляет показатели активности взаимодействия Верховной Рады АРК на различных направлениях коммуникации. Значение 34,2% для направления коммуникации крымского парламента с акторами местных сообществ АРК (органы местного самоуправления, местные государственные администрации, представители бизнеса и общественных организаций, локализованные в регионах Крыма, и т.д.) показывает долю участия акторов данного институционального уровня в ситуациях социальной коммуникации Верховной Рады. Другими словами, диаграмма 2 показывает, что акторы из регионов Крыма участвовали в одной трети всех ситуаций взаимодействия представителей регионального парламента.

Данные диаграммы 2 позволяют охарактеризовать, в том числе, характер коммуникации ВР АРК в рамках национального государства. На основании нашего исследования можно сделать вывод о том, что **крымский парламент фактически не взаимодействует с представителями украинских регионов. Участие Верховной Рады АРК в украинском политическом процессе осуществляется практически исключительно через уровень центральных органов власти и всеукраинских партий и общественных организаций.**

Другими словами, если измерять социальную дистанцию между ВР АРК и различными институциональными уровнями глобального социального пространства на основании значений, представленных в диаграмме 2, то можно сказать, что украинские регионы в 9 раз (!) дальше от Верховной Рады АРК, чем иностранные регионы (фактически – регионы Российской Федерации). Можно также представить удельный вес деятельности Верховной Рады АРК в качестве медиатора коммуникации регионов Крыма и представителей центральных органов власти и всеукраинских организаций – 2,6% ситуаций коммуникации крымского парламента были посвящены совместному решению проблем между тремя институциональными уровнями национального государства.

Характеристика параметров активности представителей акторов иностранных государств, иностранных регионов и международных организаций в процессе коммуникации Верховной Рады АРК будет более информативной при их сравнении с параметрами акторов других регионов Украины, Восточной Европы и мира. Только сравнение с другими региональными парламентами Европы и мира позволит более полно понять специфику интерлокальной коммуникации крымского нормотворческого органа публичной власти.

Интересно сравнить параметры коммуникации областных Советов народных депутатов в Украине и региональных парламентов Европы и мира с представителями иностранных регионов. **Необходимо заметить, что группа иностранных регионов в структуре коммуникации Верховной Рады АРК представлена исключительно регионами Российской Федерации.** Поэтому в качестве гипотезы для дальнейших исследований можно предположить, что параметры интенсивности коммуникации с иностранными региональными акторами зависят от геополитического положения локального сообщества:

- от степени институционализации регионов соседнего государства как значимых акторов интерлокального взаимодействия (как в случае с регионами России в условиях федеральной организации общества) (*внешний структурный фактор*);
- от параметров значимости локального сообщества в общей структуре представлений иностранного регионального сообщества (например, значимость Крыма для представителей города Москвы как основа их активности в политических и социальных процессах на территории АРК и Севастополя) (*внешний когнитивный фактор*);
- от параметров нормативной модели интерлокального взаимодействия конкретного актора (например, концепция межрегиональных связей, сформулированная Л.И. Грачом, председателем крымского парламента в 1998 году, как основа внешнеполитической деятельности ВР АРК) (*внутренний институциональный фактор*)

Список литературы

1. Стулов И.В. Теория глобализации и изучение интерлокального политического взаимодействия // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2003. – Т. 16 (55). №1. – С. 65-78
2. Корес J.A. The Communication Audit // Public Relations Journal. 1982. Issue 38. №5. P. 18-30.

Поступило в редакцию 12 января 2004 г.

УДК: 323.1:327.5

В. А. Горенкин

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

История социального познания показала, что главной осью, вокруг которой происходит противоборство различных социальных групп и слоев, всегда была проблема согласования их интересов. По аналогичной схеме разворачиваются противоборства и между этносами. Опыт истории свидетельствует, что конфликт, в том числе и этнополитический, никогда не бывает ограничен только сферой отношений между личностями, не связанными с определенными групповыми интересами.

Сам термин «конфликт» происходит от латинского «столкновение», то есть столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия [13, с.174]. Это наводит на размышления и о природе этнополитического конфликта. Субъекты этнополитического конфликта в большинстве случаев предпринимают попытки разрешить свои внутригрупповые интересы за счет противоположной стороны. Этнополитический конфликт следует рассматривать и как форму межгруппового, и – в более широком смысле – как форму социального конфликта.

Конфликт социальный определяется как социальное явление, содержание которого есть процесс развития и разрешения противоречивых отношений и действий людей, детерминируемых прежде всего объективными закономерностями социально-экономического и конкретно-исторического развития общества [17, с.53].

Между этносами как субъектами взаимодействия этнополитического конфликта это проявляется в борьбе за возможность обладания определенным набором атрибутов, априорно возвышающих одну этническую общность по отношению к другой.

Данная проблематика заставляет систематизировать знания о конфликте следующим образом: конфликтная ситуация, предмет конфликта, конфликтное поле, конфликтное противоборство, многомерная структура социальных объектов конфликта, этапы и уровни их развития, институализация и деблокирование конфликта. Систематизация необходима для того, чтобы точнее представить предметную область политологического анализа. Это напрямую применимо к анализу этнополитического конфликта, специфической особенностью которого будет выступать то, что все явления и процессы межнациональных отношений политология рассматривает в тесной связи с политической властью.

Именно «власть» и отношение к ней различных этнических общностей, участвующих в конфликте, представляет единство необходимых атрибутов, обладание которыми позволяет одной этнической общности претендовать на своего рода ис-

ключительность. Данная исключительность порождает, что вполне естественно, противоречия между этническими общностями. А этнополитический конфликт выступает как актуализированная форма присутствующего противоречия.

Анализируя работы английского философа Б. Рассела, Хеккаузен рассматривал власть как фундаментальное понятие, аналогичное понятию энергии в физике [19, с. 307]. Несмотря на явное присутствие метафизического акцента в этом утверждении, трудно не согласиться с тем, что без власти не существует политики вообще и этнополитики в частности. Кроме того, власть имеет тенденцию связываться с представлениями о принуждении, угнетении, насилии или несправедливом господстве. Такое представление заставляет людей разных национальностей выбирать для себя внутригрупповые приоритеты, которые опять-таки выступают в качестве разделительных барьеров. Эта же точка зрения присутствует и в теории М. Дюверже, согласно которой политический конфликт может быть вертикальным и горизонтальным, между теми, кто имеет власть, и теми, кто ее не имеет [7, с. 21].

Вопрос в данном случае заключен в том, какой именно дифференцирующий признак будет отличать одну этническую группу от другой. Иными словами, под этнополитическим конфликтом понимается конфликт с определенным уровнем организованного политического действия, участия общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений, в которых противостояние проходит по линии этнической общности [18, с. 8].

Таким образом, определение сути этнополитического конфликта имеет эвристическое значение. Оно дает возможность говорить о таких субъектно-объектных отношениях, в которых, с одной стороны, в качестве субъекта выступают этнические общности, с другой – в качестве объекта выступает феномен власти.

С целью выработки единых стандартов при анализе этнополитического конфликта необходимо отдельно остановиться на характеристике этнического конфликта.

Этнический конфликт – это форма межгруппового конфликта, когда группы с противоречивыми интересами поляризуются по этническому признаку. Источником этнического конфликта являются в основном социально-политические и экономические противоречия [13, с. 467].

На первый взгляд, суть обоих определений выглядит тождественной. Однако, в силу специфики этнополитологии как отрасли политической науки, точнее будет вести речь об этнополитическом конфликте. Этнополитология занимается изучением политических устремлений этносов к приобретению ими тех или иных форм государственности, политического или правового статуса, права на самоопределение, равно как и к сохранению и развитию самих этих приобретений [9, с. 92].

Итак, этнополитический конфликт может быть определен как безусловно содержащий в себе основное свойство, служащее источником противоборства – власть. При всем разнообразии проявлений этнополитического конфликта власть оказывается той «несущей конструкцией», вокруг которой конфликтующие этнические общности «возводят» сооружение всевозможных частных проявлений этнополитического конфликта. В результате обнаруживается возможность структурирования этнополитических конфликтов по отношению к властным структурам.

Современное, более четкое определение секторов деятельности этнических общ-

ностей для формулирования этнополитического и этнического конфликта не предполагает их противопоставления. Ведь этнический конфликт – это объект изучения многих смежных наук: психологии, социологии, конфликтологии. Каждая из них работает в только ей присущей предметной области, то есть политология изучает этнополитический конфликт, этнопсихология – этнические особенности психики людей, задействованных в конфликте, их национальный характер и т.д. Итак, речь идет о разных предметных областях одного и того же процесса.

Построение методологических основ для анализа этнополитического конфликта предусматривает учет динамики развития этнических интересов в структуре политической системы любого общества. Важно подчеркнуть, что межэтнические отношения – это взаимодействие этнических групп с целью реализации своих интересов, функционирования и воспроизводства своих этнических ценностей. Эти отношения развиваются в зависимости от исторически сложившейся системы материального производства, социальной, политической организации общественной жизни. Одни этнические группы имеют преимущественные условия для реализации своих интересов, другие их не имеют [10, с. 42].

Здесь, видимо, и заключается почва для будущего этнополитического конфликта. Развиваясь, межэтнические отношения генерируют различной степени противоречия между взаимодействующими этническими общностями. При условии существования властной системы координирования возникающих противоречий – что подразумевает наличие национальной политики – большинство из них нивелируется. В противных же случаях продуцированные противоречия актуализируются в этнополитическом конфликте. А сам этнополитический конфликт одновременно отражает «удельный вес» реализации национальных интересов и ценностей участвующих в ней этнических групп. Таким образом, перспективным направлением для анализа этнополитического конфликта является характеристика межэтнических отношений как генератора возникающих противоречий. Национальная политика в данном случае способна выступать или мультипликатором этнических противоречий, или их редуктором.

С другой стороны, национальную политику проводят конкретные властные структуры, наполняя ее реальным содержанием в отношении этнических групп. Следовательно, кризисные явления, проявляющиеся в этнополитическом конфликте, – это продукт не только национальной политики, но и кризиса власти [6, с. 112].

В этнополитическом конфликте, как в сфере социальных противоречий, отражаются кризисные симптомы власти, проблемы территориальной политики, взаимоотношения между различными социальными институтами.

Рассматривая методологические основы анализа этнополитического конфликта, необходимо использовать такие важные понятия, как «нация», «этнос».

Слово «этнос» является греческим по происхождению и обозначает в древнегреческом языке племя, народ, группу людей, род. В современном языке отсутствует единое понимание сущности этноса [4, с. 57].

Академик Ю.В. Бромлей определяет этнос следующим образом: «...этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими черта-

ми, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании» [2, с. 9].

Нация определена как исторически складывающийся тип этноса, представляющий собой социально-экономическую и политическую целостность. Нация складывается и воспроизводится на основе общности территории, экономических связей, языка, особенностей культуры, психического склада и этнического самосознания [16, с. 150].

В практике современного политико-юридического словоупотребления понятие «нация» используется либо как синоним политического субъекта «народ», либо как более широкое понятие, предполагающее, что «нация» включает в себя несколько «народов» – то есть в принципе полиэтнична [12, с. 39].

Кризис национальной политики предопределен противоречием между принципами самоопределения нации и территориальной целостности государства. Это – общемировая проблема. Так, например, Устав ООН не дает ответа на вопрос, какой именно из субъектов: «народы» или «нации» – обладает правом на самоопределение [14]. Согласно документам, субъектами права на самоопределение являются народы и нации. Отметим, что в документах ООН отсутствует официальное определение понятий «народ» и «нация» [1, с. 150].

Ориентация на существующие методологические подходы в США и странах Западной Европы не должна вызывать реакцию отторжения в отечественной науке. Речь идет не о механическом переносе субъектов из одной системы в другую, а о творческом применении анализа общемировых закономерностей развития этничности к условиям постсоветского пространства. В этой связи целесообразно отметить, что определенная степень изолированности СССР от окружающего мира лишь камуфлировала болезненные этнополитические процессы, происходившие на его территории.

Процесс модернизации, столь характерный для западного общества, изучается специалистами разных направлений. Многими из них предприняты действенные меры с целью обоснования противоречий, вызывающих этнополитические конфликты, с процессами индустриального и постиндустриального развития. Так, например, М. Гектер обосновывает проблемы неравномерного социально-экономического развития с этническими различиями населения единого государства. При этом он делает акцент на конфликте между «Центром» (т.е. правительством) и этническими группами (в основном периферийными) в процессе модернизации многонационального государства. Из этого конфликта вытекает, что в процессе развития общества этнические группы не обладают одинаковым статусом при распределении материальных благ – отсюда и неравномерность их модернизации [3, с. 61].

Тенденцию к обострению этнополитического конфликта усиливает политика правящего центра, который, в отличие от «периферии», обладает значительной полнотой властных полномочий. Такой подход демонстрирует все основные признаки этнополитического конфликта. На поверхности оказываются прежде всего социально-экономические причины, а противостояние проходит по линии этничности. М. Гектер проводит данный анализ на примере Великобритании, рассматривая ее

кельтскую окраину. Следует отметить, что концепция Гектера получила название по заголовку книги ученого: «Внутренний колониализм». Смысл этого обоснования ясен: кельтская окраина, представляя собой этически обособленное от общего процесса модернизации пространство, оказывается в состоянии «обделенности» по целому ряду социально-экономических параметров. Процессы модернизации этнической жизни являются общемировыми тенденциями. То, с чем западный мир столкнулся в конце 60-х – начале 70-х годов, присутствовало и в СССР.

Политика руководящего центра Союза ССР была дихотомичной. С одной стороны – помощь наиболее слабым в экономическом плане республикам (в ущерб РСФСР), а с другой – нарастание социально-экономических проблем в самой РСФСР. Как отмечает западный ученый П. Кокберн, «проблема, стоящая перед русскими, вызвана тем, что на протяжении долгого времени их национальная политика способствовала экономическому и социальному росту наиболее отсталых республик, но в ущерб русским территориям, составляющим сердцевину хозяйства» [11, с. 99]. Очевидно, что это не могло не вызвать этнополитическую напряженность между ними, хотя она длительное время носила скрытый характер.

Важно учитывать и другое обстоятельство. Дело в том, что глубокий и всесторонний анализ конфликтной ситуации на постсоветском пространстве невозможен вне рассмотрения общеполитической обстановки в СССР после 1985 года. Проблемы социально-политического характера вызвали как минимум два крупных явления, имеющих инерционные последствия. Это распад Союза ССР и воспроизводство межэтнической напряженности, имевшейся в бывшем едином государстве, на территории его «преемников». В России, Грузии, Молдове, Азербайджане, Таджикистане напряженность выразилась в виде горячих этнополитических конфликтов. Второе следствие – это образование независимых государств на бывшей территории СССР. Данные процессы целесообразно констатировать как продукты одного и того же явления, которые не могли не сопровождаться этнополитической напряженностью, а зачастую и этнополитическими конфликтами.

Подход М. Гектера помогает выработать методологическую базу для анализа этнополитических конфликтов, например, в России. В 90-е годы прошлого века сложилась система, в которой национальные республики получили большую самостоятельность, в том числе и бюджетную. Например, Татарстан направлял в федеральный центр лишь три процента от собираемых в республике налогов [5, с. 56].

Таким образом, произошло воспроизводство того же противоречия, которое сложилось в СССР. Политика центрального руководства приводила к тому, что национальные республики имели преимущественные права перед русскими субъектами РФ, т.е. субъектами РФ, где преобладает русское население. Республики пользовались более значительным объемом прав в проведении социально-политической политики, возникшим из-за несоответствия республиканских конституций Основному Закону Российской Федерации [15, с. 21].

Лишь в последние годы ситуация изменяется, так как перечисленные социально-политические причины способны вызвать противостояние, во-первых, между национальными субъектами федерации и центром; во-вторых, между «русскими» субъектами, а также центром; в-третьих, негативное отношение «русских» субъек-

тов к национальным, а также между национальностями как таковыми.

Для формирования методологических подходов к анализу этнополитического конфликта существенное значение имеет сочетание этничности и политики. Оно выражается в постановке этническими общностями трех основных целей: обеспечения автономии и самоуправления, укоренения права на территорию, признания статуса своей культуры как равного с общегосударственной [8, с. 29].

Итак, анализ этнополитического конфликта требует разработки адекватной методологической базы. Конструктивное исполнение основных методологических подходов для анализа должно проявлять междисциплинарную связь со многими общественными науками, изучающими социальные конфликты.

Анализ этнополитического конфликта представляет определенный спектр анализа социального конфликта, при изучении которого в методологическом плане необходимо использовать системный анализ событий и процессов. Определяющую роль при этом играет политологический подход.

Методология анализа показывает, что основной характеристикой этнополитического конфликта выступает отношение этнических общностей к такому феномену, как власть. Его изучение дает возможность описать сущность этнополитического конфликта как отражение отношения национальных общностей к национальной политике, проявляющееся в особом общении представителей различных национальностей с позиции возможной реализации своих интересов.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение // Этнографическое обозрение.– 1995.– № 2.
2. Авксентьев А.В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения.– М., 1993.
3. Альманах Теория и История Экономических и Социальных Институтов и Систем.– М., 1992.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса.– М., 1993.
5. Гончар Н., Горегляд В. Бюджетный федерализм // Этнополис.– 1995.– № 2.
6. Губогло М.Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение.– 1995.– № 5.
7. Королева-Конопляная Г.И. Политическая западная наука.– М., 1994.
8. Котанджян Г.С. Введение в этнополитологию консенсуса-конфликта.– М., 1992.
9. Краткий этнологический словарь.– М., 1994.
10. Методологическое введение к изучению социально-политических и межнациональных конфликтов.– М., 2001.
11. Цит. по Мунтян В., Родионов А. Западные советологи о русском национальном движении // Общественные науки и современность.– 1991.– № 3.
12. Перспективы демократии и государственно-политическое реформирование России.– М., 1995.
13. Психология. Словарь.– М., 1990.
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН за № 637 (7) от 1952 года.
15. Рождественская Т. Конституционный процесс в России // Диалог.– 1993.– № 2.
16. Словарь-справочник по социологии и политологии.– М., 1996.

Этнополитический конфликт: методология анализа

---

17. Социальная структура и социальные процессы. Словарь-справочник.– М., 1990.
18. Тишков В.Т. О природе этнического конфликта // Свободная мысль.– 1993.– № 4.
19. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность.– М., 1986.

Поступило в редакцию 3 марта

УДК 316.4:303.446

М. В. Гаспарян

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОНИТОРИНГОВЫХ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Многочисленные сигналы о том, что межгрупповые трения могут перейти в состояние конфликта, обычно поступают задолго до критического перехода. Необходимы механизмы, которые позволили бы отслеживать процесс накопления противоречий, которые зачастую предшествуют эскалации конфликта.

Сама по себе идея создания системы раннего предупреждения конфликтов (СРПК) не нова. Главным образом эти системы разрабатывались для предупреждения естественных бедствий (землетрясений, засухи, наводнений и т.п.) и их негативных последствий. Широкое применение мониторинговые системы получили в предупреждении и анализе потенциальных вооруженных конфликтов. Уже в 1918 г. английским ученым Льюисом Ф. Ричардсом была создана первая модель, которая позволяла прогнозировать военные конфликты. Она получила название «Модель гонки вооружения»¹, потому что основным исследуемым индикатором являлся процесс накопления средств вооружения. В период «холодной войны» активно разрабатывались системы, предназначенные для предупреждения возможного ядерного удара.

Сегодня проблему создания и функционирования подобных систем необходимо рассматривать в ином ракурсе. Это вызвано тем, что во многих странах бывшего Союза, а также в бывших зонах столкновения интересов двух систем наблюдается процесс дестабилизации. В частности, наиболее горячие и острые формы приняли межэтнические конфликты.

Процессы, протекавшие в последнее десятилетие XX и не исчерпавшие себя до сих пор, свидетельствуют о том, что локальные конфликты несут угрозу не только регионам, в которых они развиваются, но и мировому сообществу в целом. Это отчасти подтверждается и тем, что первые шаги в разработке и создании подобных систем предприняла ООН. Она выполнила соответствующие разработки в рамках своих подразделений: Программы Развития (ПР ООН) и Управления Верховного Комиссара по Беженцам (УВКБ ООН).

Цель нашей статьи – проанализировать некоторые системы раннего предупреждения конфликтов, начиная с ООНовских и вплоть до региональных. Выявить их слабые и сильные стороны и постараться создать такую систему, которая наиболее адекватным образом соответствовала бы крымским реалиям.

Как известно, Крым в Украине является наиболее сложным регионом, в котором переплелось множество проблем – социально-экономических, этнополитических, межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных, геополитических, междивизиационных.

Наибольшего интереса заслуживают системы, которые позволяют обнаружить конфликт в его латентной форме с целью принятия мер по его профилактике. Для этого на ранней стадии возникновения конфликта следует разграничить:

- раннее предупреждение, которое требует незамедлительного действия;
- предупреждение, которое требует постепенных мер;
- предупреждение, которое следует принять во внимание.

Решающим фактором, определяющим выбор стратегии, является динамика протекания конфликта – насколько быстро противоречия могут прийти к горячей фазе, к вспышкам насилия.

Наша задача состоит в систематизации накопленного опыта, в проведении сравнительного анализа существующих систем раннего предупреждения конфликтов.

Позиции анализа:

- структура СРПК;
- индикаторы СРПК и их параметры;
- методы сбора и обработки данных;
- анализ параметров индикатора;
- прогноз;
- рекомендации.

Исходя из общей логики работы в целом, из определенных позиций анализа нас будут интересовать первые три позиции.

Из большого числа существующих на сегодняшний день систем были выбраны для анализа следующие:

- Система раннего предупреждения перемещений населения на уровне страны. Разработчик – Управление Верховного комиссара ООН¹.

- Система раннего предупреждения межэтнических конфликтов в Крыму. Разработчик – д.ф.н., профессор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского О. А. Габриелян².

- Система мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов в Ставропольском крае. Разработчик – ученый коллектив Ставропольского государственного университета совместно с Правительством Ставропольского края³.

Выбор первой системы в качестве объекта анализа обусловлен тем, что система УВКБ ООН является одной из базовых систем. В отличие от системы ПРО ООН система УВКБ ООН локализуема и применима к любому уровню, от государства в целом и до города или населенного пункта. Это обусловлено наличием четко выраженных критериев функционирования.

Выбор второй системы изначально был предопределен тем фактом, что это единственная разработка, выполненная для крымского региона.

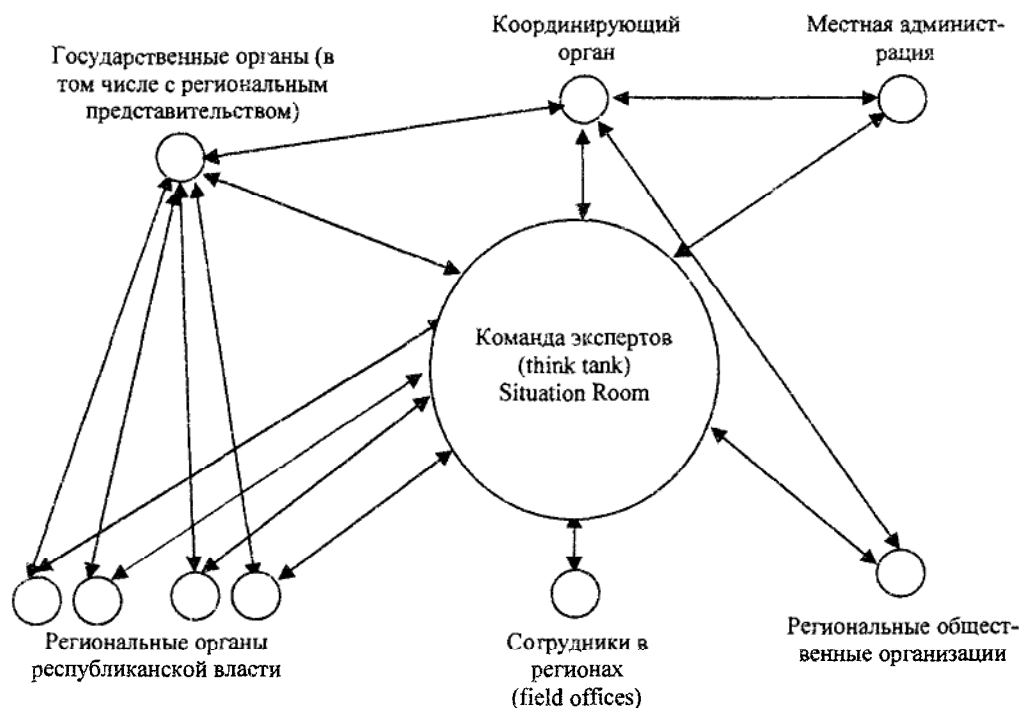

Третья система интересна тем, что она является региональной системой, разработанной учеными (теоретиками) Ставропольского государственного университета и представителями Правительства (практиками) Ставропольского края.

Структура СРПК

Приступая к анализу согласно отобранным позициям, следует отметить, что разработчики рассматриваемых систем использовали разные подходы. Это вызвано тем фактом, что некоторые аспекты системы не представлены в явной форме и несут технологический характер. Из представленных систем наиболее развернуто структура системы описывается О. А. Габриеляном в работе «Система раннего предупреждения межэтнических конфликтов в Крыму»².

Схематическое представление структуры системы имеет вид:

В качестве элементов системы в нее вводятся государственные структуры. Это позволяет не только эффективно собирать информацию, но и доводить результаты анализа и мониторинга до потребителя таким образом, чтобы этот результат использовался при принятии политических решений. Для этих структур СРПК и ее результаты не должны быть чем-то посторонним и привходящим. В целом все элементы рассматриваемой системы одновременно являются поставщиками и потребителями информации.

Конечно, нам понятно, почему в рассматриваемой системе представлены только местные НГО. Они лучшим образом осведомлены о противоречиях и могут первыми подать сигналы. Однако нам представляется, что в систему могут быть включены общественные организации различных уровней: общереспубликанские, общенациональные и даже международные. Это поможет широко освещать ситуацию и отслеживать имплементацию результатов мониторинга.

В дополнение следует отметить, что существует ряд структур, которые также обладают информацией, пригодной для использования в СРПК. Это прежде всего СМИ, крупный бизнес и др. В рассматриваемую нами систему имело бы смысл добавить такой элемент, как «СМИ всех уровней».

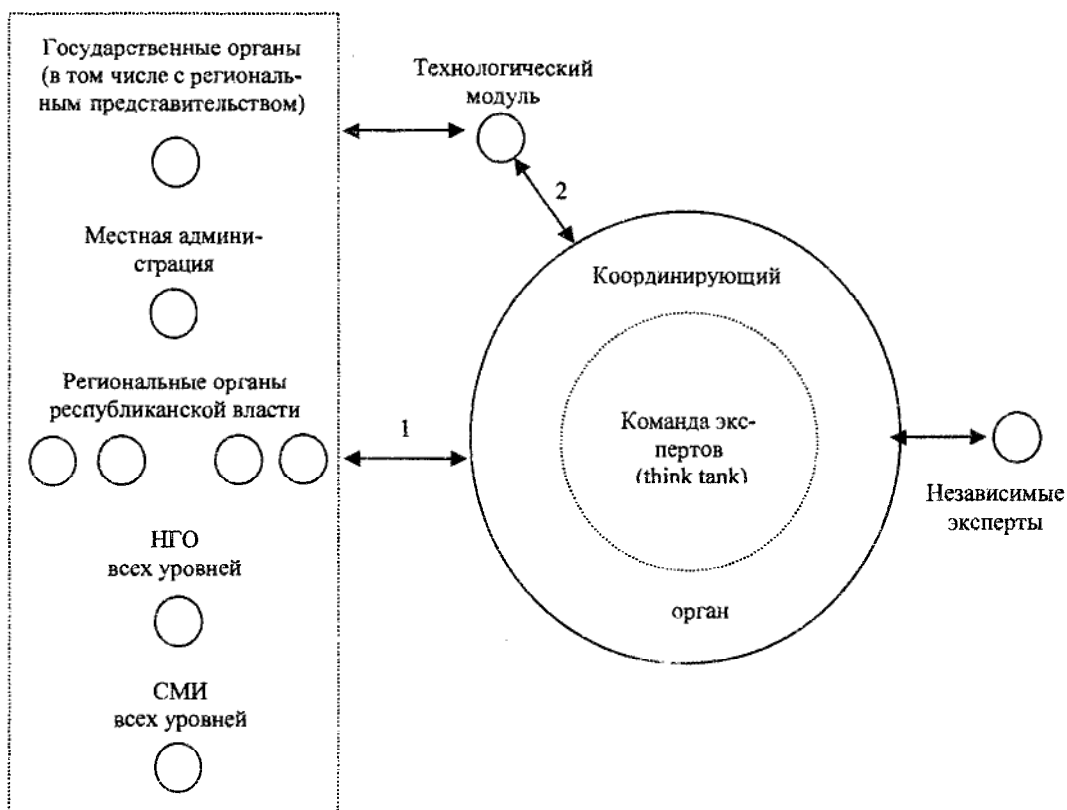
Особый вопрос – внутрискруктурные связи и их виды. Если с видами в принципе все понятно (наличие прямой и обратной связи выступает гарантом эффективности работы системы в целом), то с внутрискруктурными связями не все так просто. Мы попробуем модифицировать структуру, что позволит убрать лишние и добавить новые связи. Это должно повысить ее эффективность.

Во-первых, на наш взгляд, уместным является объединение элементов структуры системы: «Координирующий орган» и «Команда экспертов (think tank)». Данное объединение позволит организовать более «жесткую» связь между административной и экспертной командами. Это, в свою очередь, повысит скорость работы системы, а также положительно скажется на ее динамических показателях (возможность реагировать на дополнительные запросы в процессе функционирования).

Во-вторых, введем в структуру дополнительный элемент «Технологический модуль», который будет отвечать за сбор, систематизацию, обработку и первичный анализ данных.

В-третьих, исходя из соображений создания по возможности максимально сбалансированной (объективной) системы, вводится дополнительный элемент «Независимые эксперты». Смысловая нагрузка данного элемента заключается в предоставлении информации под иным ракурсом.

Связи в модифицированной системе несут ту же смысловую нагрузку, что и в первоначальной системе. Подробнее следует остановиться на двух связях. По средствам связи с условным обозначением 1 осуществляется имплементация рекомендаций. Через связь с условным обозначением 2 осуществляется процесс корректировки запросов.

Индикаторы и их параметры

Система раннего предупреждения перемещений населения на уровне страны УВКБ ООН* описывается четырьмя категориями, которые, в свою очередь, характеризуются поведением индикаторов, число которых колеблется от 4 до 14 (в зависимости от категории).

Категории:

Мир и безопасность

В состав первой категории входят 14 индикаторов:

- 1) тип режима,
- 2) политический конфликт и насилие,
- 3) политическое давление,
- 4) правовое общество,
- 5) устойчивость правительства,
- 6) социальные условия,
- 7) выборы,
- 8) большие группы этнических меньшинств,
- 9) этническая ситуация,

- 10) внутренняя война (гражданская война, сепаратизм, сецессия),
- 11) международная война,
- 12) международный политический диспут,
- 13) длительный территориальный диспут,
- 14) военные расходы.

Права человека

В состав второй категории входят 4 индикатора:

- 1) свобода и безопасность личности,
- 2) свобода слова и собраний,
- 3) свобода перемещений,
- 4) дискриминация по этническому признаку.

Экономика

В состав третьей категории входят 12 индикаторов:

- 1) нищета,
- 2) безработица,
- 3) колебание цен,
- 4) продовольственный дисбаланс,
- 5) изменения в доходах на душу населения,
- 6) расхождения в доходах на душу населения,
- 7) стабильность государственной денежной единицы,
- 8) внешний долг,
- 9) баланс выплат,
- 10) национальный валютный резерв,
- 11) социальное обеспечение,
- 12) макроэкономические показатели.

Экология

В состав четвертой категории входят 11 индикаторов:

- 1) уровень загрязнения,
- 2) экологические катастрофы (потенциальные),
- 3) экологические катастрофы (в прошлом),
- 4) экологические катастрофы (ныне существующие),
- 5) продовольственный кризис, вызванный экологическими проблемами,
- 6) внутренние миграционные потоки,
- 7) внутренние перемещения лиц,
- 8) внешние миграционные потоки,
- 9) беженцы (внутри страны),
- 10) беженцы (из страны),
- 11) рабочие-мигранты.

Система раннего предупреждения межэтнических конфликтов в Крыму проводит свой мониторинг по шести индикаторам. Каждый индикатор имеет свое точное определение и группу параметров, которые характеризуют его поведение.

Индикаторы:**I Власть и политика**

Государственно-административное устройство (наличие закона о местном самоуправлении, о национальных меньшинствах, местных администрациях, советах при президенте, региональных меджлисах, национально-культурных обществах).

Политический режим и политическая доктрина (сочетание унитарности государства с территориальной автономностью Крыма, органы местного самоуправления, партии и блоки, особенности Меджлиса как государственно-партийной системы, выборы и система передачи власти, государственные программы на разных уровнях).

Этническое представительство (во власти, бизнесе, СМИ, науке и т.п.).

Отношение "центр-периферия".

Индивидуальные и групповые права (законодательное обеспечение, нарушение, контроль, активность в области защиты прав человека; механизмы реализации законов).

Общественный порядок и контроль (статус и этнический состав милиции, прокуратуры, судов и системы юстиции). Частота использования сил поддержания порядка на улицах (милиция, военные подразделения).

Легитимность, легальность и компетентность лидеров и власть предержащих. Смена правительства. Создание новых органов и ликвидация или реорганизация старых. Смена руководства органов, связанных с решением проблем межэтнических отношений.

Оппозиционные силы и их идеология.

Официальные символы и календарь.

II Экономика

Производство и макроэкономическая динамика. Анализ бюджета государственного и регионального, по годам и по параметрам связанных с решением проблем межэтнических отношений.

Уровень доходов и разрыв в них между социальными и этническими группами.

Безработица и ее характер.

Разделение труда (этническое, региональное, занятость в престижных областях).

Социальная мобильность. Маргинальные группы и их состав.

Участие в приватизации, включая приватизацию земли.

Земельные ресурсы (земельная реформа, качество земли, количество на человека, возможность использования).

Водные ресурсы и условия их использования (вода питьевая, поливная, водоводы и т.п.).

Инфраструктура поселков компактного проживания депортированных.

Экологические проблемы.

Социальная защищенность.

Характер преступности.

III Социальные отношения

Контакты и стереотипы.

Предыдущие конфликты и групповые травмы.

Поведение и взгляды лидеров этнических групп. Мобилизационные способности этнических групп и их лидеров (рейтинги в своей и иноэтнической группе).

Группы недовольных.

Электоральное поведение этнических групп.

Изменения самооценки (корреляции этнические и социальные, новые и старые идентичности).

Мифы.

Страхи.

Уровень толерантности.

Развитие третьего сектора и его особенности.

IV Демография и миграция

Население (динамика численности, этнический состав, уровень урбанизации и т.д.)

Межэтнические браки и разводы.

Естественный прирост (рождаемость, смертность, продолжительность жизни).

Миграция (внутренняя и внешняя, беженцы, репатрианты, сезонные рабочие).

Внутренняя миграция – этносоциальные особенности процесса урбанизации, с учетом социального состава депортированных граждан.

Количество беженцев из регионов горячих межэтнических конфликтов.

V Культура, образование, СМИ

Культурные доминанты (этнические установки, стереотипы, ориентации, ценности и их интериоризация в ходе воспитания).

Религия (конфессиональный состав и динамика его изменения, рост религиозных общин и культовых помещений, межконфессиональная толерантность и взаимодействие, роль государства и его отношение к различным конфессиям, место религии в общественном сознании и деятельности этнической общины).

Условия функционирования языков (законодательство о языках, государственный язык, язык бизнеса, образования, СМИ, межэтнического общения).

Школьное образование (государственная поддержка образования на родных языках, наличие учебников и учебно-методической литературы, кадров, этнический состав преподавателей).

Высшее образование (этнический состав учащихся, содержание курсов, студенческая жизнь).

СМИ (структура, образование журналистов и этнический состав, контроль, состав программ).

Праздники и памятные даты (условия проведения, поддержка властей, участие политиков, участие различных этнических групп).

VI Внешние условия

Наличие и влияние материнских государств, родственных по культуре и религии соседних стран. Внешняя поддержка оппозиционных групп.

Региональная стабильность.

Борьба за геополитическое влияние.

Трансграничное сотрудничество.

Изменение имиджа (страны, региона, этнической группы).

В отличие от индикаторов системы УВКБ ООН, индикатор данной системы есть обозначение “измерительного прибора”. На первый взгляд, понятие “индикатор данной системы” схоже с понятием “категория системы УВКБ ООН”, но это не так.

Категория – это общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира⁴.

Индикатор – это прибор, устройство, отображающие изменения какого-либо параметра конкретного технического процесса или объекта в форме, наиболее удобной для непосредственного восприятия человеком⁵.

Из приведенных определений видно, что авторы этих двух систем применили разные подходы.

Система УВКБ ООН отслеживает изменение ситуации в зависимости от амплитуды колебания индикаторов. Как видно из приведенного выше списка индикаторов данной системы, они здесь выступают в качестве неких «статических» величин. Система же О. А. Габриеляна осуществляет замеры по средствам «приборов» (индикаторов), определения которых приведены выше. Число и характер параметров измерительного «прибора» зависит от его определения.

Система мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов в Ставропольском крае³. Для проведения мониторинга были выделены наиболее проблемные сферы, в которых взаимодействуют этнические группы: *миграционная, культурно-образовательная, социально-политическая*. Осознавая остроту вопросов: как распространяется информация об этнических процессах и тем более конфликтах, какие образы этих процессов формируются в массовом сознании, – было дополнительно выделено четвертое направление: *этнические проблемы и информационная сфера*. Основным источником информации для данной системы выступают результаты социологических опросов. Для проведения социологических опросов были разработаны следующие блоки:

- Направленный на выявление ряда возможных факторов, способных существенно повлиять на восприятие населением проблем, связанных с межэтническими отношениями в условиях социальной напряженности.
- Позволяющий определить общие ценностные ориентиры в жизни населения, что, в свою очередь, позволяет выделить те ценности, которые являются наиболее важными и апелляция к которым в ходе возможного этнического конфликта будет обладать наиболее сильным воздействием на массы.
- Выявляющий мнение населения относительно степени воздействия, влияния властных структур, общественных, национальных и неформальных объединений на социально-политическую ситуацию.
- Определяющий этническую идентификацию и степень значимости этнической принадлежности. Известно, что высокая значимость этнической принадлежности и актуальность этнической идентификации являются катализирующими факторами в конфликтах на межэтнической основе.
- Позволяющий достаточно четко оценить текущее состояние межэтнических отношений в крае и определить их основные черты на сегодняшний день.

- Выявляющий миграцию как потенциально конфликтогенный фактор для межэтнических отношений.
- Направленный на оценку возможности открытых этнических конфликтов на территории края и конфликтной готовности различных этнических групп.

Данный раздел призван оценить фактически существующую этноконфликтную ситуацию в крае.

В сравнении с системами УВКБ ООН и О. А. Габриеляна, система «Система мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов в Ставропольском крае» весьма уязвима вследствие своей субъективности. Данный факт заложен изначально и вызван тем, что в качестве основного источника информации для системы выступают только результаты социологических исследований.

Методы сбора и обработки данных

Сегодня, в эпоху всеобщей компьютеризации и появления новых, более мощных программных пакетов для работы со статистическими данными, не представляет сложности вопрос обработки больших массивов различных типов данных. Если говорить о конкретных методах анализа, то необходимо отметить тот программный продукт, который в состоянии наиболее эффективно обрабатывать эти данные. Таким признанным лидером на сегодня является программный пакет Superior Performance Software System⁶ (SPSS) - система программного обеспечения высшей производительности. SPSS осуществляет наряду с простыми методиками статистического анализа, такими как частотный анализ, расчет статистических характеристик, таблиц сопряженности, корреляций, построения графиков, t-тесты, и большое количество других, непараметрических тестов. Он также в состоянии применить усложненные методы анализа, такие как многомерный линейный регрессионный анализ, дискриминантный анализ, факторный анализ, кластерный анализ, дисперсионный анализ, анализ пригодности (анализ надежности) и многомерное шкалирование. Для анализа текстовых массивов могут быть применены следующие программные продукты: Vaal, Concordance, ДА-Система (детерминационный анализ). Отмеченные программные продукты позволяют не только осуществлять полноценный контент-анализ текста по большому числу специально составленных встроенных категорий и категорий, задаваемых самим исследователем, но и оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека, оценивать звуко-цветовые характеристики слов и текстов, производить словарный анализ текстов, производить выделение тем, затрагиваемых в текстах, и осуществлять на основе этого автоматическую категоризацию, производить эмоционально-лексический анализ текстов.

Все процедуры и процессы обработки данных полностью автоматизированы и не требуют от исследователя глубоких знаний области прикладного программирования. Единственный комплекс вопросов, на который должна ответить исследовательская группа, – это в каком виде и какого типа данные будут использованы для анализа.

Вообще говоря, сбор данных для подобного рода систем осуществляется в основном посредством следующих методов: контент-анализ, экспертный опрос, социологические исследования, анализ имеющихся статистических данных по исследуемому вопросу.

Рассматриваемые системы используют в комплексе приведенные выше методы, что, в свою очередь, должно обеспечить наиболее полный и точный сбор необходимых данных. Так, в системе УВКБ ООН выбор метода зависит от того, какой конкретно индикатор мы определяем. Система профессора О. А. Габриеляна, как и система УВКБ ООН, определяет метод сбора информации в зависимости от выбранного параметра. В системе «Мониторинга и прогнозирования этнополитических и этносоциальных процессов в Ставропольском крае» используются методы социологических исследований, экспертного опроса, а также контент-анализ публикаций краевых и районных газет, относящихся к проблематике межэтнических отношений.

Список литературы

¹ Джарол Б. Мангейм, Ричард К. Рич. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисл. А. К. Соколова. – М.: Весь Мир, 1997. – 544 с.

² Система раннего предупреждения межэтнических конфликтов в Крыму: теоретическое обоснование практики предупреждения конфликтов // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2003. – Т. 16 (55). №1. – С. 3-20

³ Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Медведев Н. П., Хоц А. Ю., Шнюков В. В. Ставрополь: этноконфликтологический портрет. Коллективная монография / Предисл. и научная редакция доктора социологических наук, профессора В. А. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 138 с.

⁴ Политология: словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М.: Гардарики, 2000. – 328 с.

⁵ Советский энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.

⁶ SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей: Пер. с нем. / Ахим Бююль, Петер Цёфель – СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2001. – 608 с.

*Материалы были предоставлены Программой развития и интеграции Крыма ООН

При написании данной статьи были использованы материалы следующих сайтов:

www.jha.ac/articles/a022.htm

www.undp.org/rbec/programmes/regional/dgp.htm

www.rjcw.freemove.co.uk

www.context.ru

www.vaal.ru

Поступило в редакцию 15 февраля 2004 г.

УДК 329.3:297

Э. С. Муратова

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

В течение последнего десятилетия Украина, а в ее составе и Крым, были охвачены процессом бурного возрождения религии. Этот процесс сопровождался резким всплеском религиозного самосознания, быстрым количественным ростом и консолидацией религиозных общин, возвращением и строительством культовых учреждений, развитием религиозного образования, формированием значительной социальной прослойки духовенства, установлением связей с представителями зарубежных религиозных центров и т.д.

Свое особое место в конфессиональной жизни занял возрождающийся в Украине ислам. Наличие ислама в современной Украине – это свершившийся факт. Сегодня ислам является неотъемлемой составной частью религиозной жизни общества и одной из наиболее развивающихся религий в стране. Количество мусульман в Украине по разным оценкам колеблется от 1,2 до 2 млн. человек. Это составляет около 4% населения страны, в том числе в Крыму – 12%. Украина вошла в пятерку европейских стран с наиболее значительной долей мусульман в своем составе, обогнав по числу мусульман Болгарию, Македонию и край Косово [4, с. 158].

За последнее десятилетие ислам в Украине существенно институционализировался. К 2003 году в стране функционировало уже 452 мусульманских общины, 6 учебных заведений, в том числе 2 университета, в которых обучалось около 300 исламских священнослужителей [6, с. 40-41, 84-85.]. Укрепили свои позиции духовные центры мусульман – ДУМК (Духовное управление мусульман Крыма), ДУМУ (Духовное управление мусульман Украины) и ДЦМУ (Духовный центр мусульман Украины). Наметились отдельные тенденции процесса политизации ислама. Мусульмане страны проявляют все более активное стремление участвовать в политической жизни государства. В последнее время реорганизуется и активизируется Партия мусульман Украины.

Активизация мусульман в социально-политической жизни страны обуславливает *актуальность* данного вопроса и вызывает необходимость выработки концептуального подхода государства к исламу.

Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени в научной и политической сферах практически отсутствуют комплексные разработки государственно-исламских взаимоотношений. Отдельные аспекты данной проблематики затронуты в работах директора Научно-исследовательского центра «Крымоведение»

В. Е. Григорьянца и сотрудника Совета по национальной безопасности В. Шведа. В первом случае автор рассматривает особенности конфессионального развития Крыма в соотношении с существующей законодательной базой в сфере религии, а также проблему политизации конфессиональных противоречий в АРК [1, с. 4-30]. В статье В. Шведа рассмотрен комплекс задач, стоящих перед государством в результате развития на его территории «исламского фактора». Среди данных задач автор в качестве первостепенных выделяет следующие:

- 1) обеспечение социально-политической стабильности в мусульманской среде, недопущение превращения исламского фактора в дестабилизирующую силу в украинском обществе, его использования внутренними и внешними силами в деструктивном плане;
- 2) отработка такой модели интеграции крымских татар в украинское общество, которая, с одной стороны, обеспечила бы нахождение оптимальной формы осуществления внутреннего самоуправления крымскотатарского народа в границах украинской государственности, реализацию его политико-правовых, социально-экономических и духовных потребностей, а с другой стороны – содействовала укреплению межнационального согласия и мира на крымском полуострове;
- 3) эффективное использование возможностей, связей, традиций мусульманского населения Украины в осуществлении курса рыночных реформ, а также в укреплении позиций Украины в регионах исламского Востока [7, с. 122].

Вместе с тем очевидно, что единой концепции в отношении ислама Украина не имеет. Государственно-исламские отношения не устоялись. В этой связи представляется важным рассмотрение существующей и возможной моделей развития данных взаимоотношений.

Следует отметить, что процесс религиозного возрождения в Украине проходит в сложной ситуации, когда сама государственность находится в состоянии трансформации, идет процесс интенсивного поиска путей и форм институционализации национальной идентичности. Со всей очевидностью обнаружилась неспособность прежней законодательной базы охватить и урегулировать весь спектр новых явлений бурно развивающейся религиозной практики.

В Украине государственно-конфессиональные отношения регулируются в первую очередь Конституцией, в соответствии с которой Украина – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Кроме того, Конституция гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания и свободу выбирать и распространять любые религиозные убеждения.

Данные моменты являются основополагающими и детализируются специальным законом «О свободе совести и религиозных организациях» [2]. Данный закон, принятый в 1991 году, сыграв важную роль в формировании качественно новой конфессиональной ситуации в стране, в то же время не смог в полной мере предусмотреть многообразие и особенности реального процесса формирования государственно-конфессиональных отношений в Украине.

Современные условия развития конфессиональной жизни Украины обуслови-

вают необходимость выработки новой модели взаимодействия государства и религиозных объединений. Прежняя, сепарационная модель, существовавшая в советском государстве, не соответствует современным реалиям страны.

Современные государственно-конфессиональные отношения синтезируют отдельные элементы различных моделей. Государственно-конфессиональные отношения Украины по своей форме соответствуют сепарационной модели, что зафиксировано в Конституции и других законодательных актах в отношении религии. По своему содержанию они зачастую практикуют кооперационную модель, что выражается в привлечении священнослужителей к различного рода мероприятиям в школе, армии, а также в сфере социального обслуживания населения (больницы, приюты, детдома) и т.д.

Следует отметить, что по отношению к различным конфессиям государственная власть в Украине использует элементы различных моделей государственно-конфессиональных отношений. К примеру, в отношениях с православием предпочитается кооперационная модель. Именно православные священнослужители активно привлекаются к различным мероприятиям, проводимым государственными органами и общественными организациями. Отношения с исламом государственная власть предпочитает ограничивать лишь сепарационной моделью, что само по себе негативно влияет на межконфессиональные отношения, и в первую очередь в Крыму, где православная и мусульманская религиозная сети являются доминирующими.

Противоречивость отношений государства с исламом вполне может быть объяснена отсутствием четко разработанной концепции. До настоящего момента неясно: что есть ислам для Украины? Заинтересовано ли государство и будет ли оно способствовать интеграции мусульман Украины в единый духовный центр, как об этом неоднократно заявляется высшими чинами по отношению к православию [5, с.5]? Является ли ислам традиционной для Украины, наряду с православием, религией, а следовательно, имеет ли право на комплиментарное отношение и может ли рассчитывать на привлечение государством к социальной работе, проводимой им? Или ислам – чуждая для Украины религия, и ее статус не должен ничем отличаться от статуса всех остальных конфессий, зарегистрированных в стране?

Подобного рода неурегулированность характерна не только для отношений государства с исламом. Подобная ситуация сохраняется и в отношении ведущей конфессии Украины – православия. Отсутствие концепции является причиной отсутствия нормальных полнокровных отношений. Можно говорить лишь об эпизодических, хаотических взаимоотношениях. В этой связи выработка единой концепции государственно-конфессиональных отношений является гарантом стабильности и эффективности данных отношений.

Концепция государственной политики может быть основана на различных принципах. С одной стороны, концепция может быть построена с уклоном в традиционализм. Она подразумевает защиту ведущих конфессий при сохранении основных гражданских прав религиозных меньшинств. Ее основной категорией будет термин «традиционная религиозная организация», которая будет обладать определенными льготами в сфере налогов, правом на проповедь в государственных учреждениях, полномочиями в сфере социального обслуживания населения и т.д.

Применительно к Украине данная концепция могла бы закрепить статус «традиционных религий» за православием, католичеством и, учитывая специфику Крыма, за исламом.

Другой вариант концепции исходит из чисто атеистической точки зрения, которая не предполагает кооперации между государством и религиозными организациями, а напротив, стремится всячески ограничить их вмешательство в политический, образовательный и другие процессы. Данная концепция не предусматривает никаких льгот отдельным религиозным организациям.

Современная политика Украины фактически на законодательном уровне демонстрирует доминирование основных положений данной концепции. Вместе с тем в настоящий момент ведется работа по усовершенствованию Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» путем внесения в него ряда ключевых положений первой концепции.

Разработка концепции, учитывающей специфику Украины и Крыма, могла бы способствовать нормализации межконфессиональных отношений, в первую очередь на крымском полуострове, где политика государства получает особенно острую оценку со стороны мусульман Крыма [3, с. 45]. Основные претензии мусульман могут быть сведены к следующим моментам:

- 1) недостаточно активное исполнение Указа Президента «О мерах по возвращению культовых зданий», в результате чего значительная часть исламских культовых сооружений до настоящего времени не передана мусульманам;
- 2) неадекватное привлечение к мероприятиям, имеющим общегосударственный и региональный статус и проводимым государственными и общественными структурами, представителей православного и мусульманского вероисповедания;
- 3) затягивание вопроса о выделении участка земли под строительство Соборной мечети в Симферополе;
- 4) отсутствие в пределах Крыма статуса государственного у главных мусульманских праздников: Курбан-байрам и Ураза-байрам.

Данные вопросы могли бы быть разрешены, если в основу государственно-конфессиональных отношений легла бы четкая и предельно ясная концепция, в соответствии с которой и осуществлялась бы деятельность соответствующих государственных органов и чиновников. Выработка такой концепции, которая бы учитывала фундаментальные культурно-исторические особенности развития страны, отвечает интересам самого государства, что существенно повысит эффективность государственно-конфессиональных отношений, внесет ясность в систему межконфессиональных отношений в стране.

Составными элементами практической реализации такой концепции в области государственно-исламских взаимоотношений, могли бы стать:

- 1) пересмотр терминологии Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» с учетом замены термина «государственно-церковные отношения», утвердившегося в деловой переписке, на «государственно-конфессиональные отношения»;

- 2) включение в Закон «О свободе совести...» положений о недопустимости вмешательства различных политических структур и отдельных политических деятелей во внутреннюю жизнь религиозных общин;
- 3) придание государственного статуса на территории крымского полуострова двум главным мусульманским праздникам – Курбан-байрам и Ураза-байрам;
- 4) привлечение представителей мусульманских организаций Украины к различным благотворительным проектам (забота о больницах, приютах, детдомах) и к социальным программам: борьбе с наркоманией, алкоголем, проституцией и т.д.;
- 5) активное содействие государства процессу консолидации мусульманской общины Украины путем создания единого духовного центра, что способствовало бы лучшей координации действий в отношениях между ними;
- 6) создание «единого образовательного стандарта» в подготовке мусульманских священнослужителей, что снизило бы опасность распространения радикальных и экстремистских взглядов в среде местных мусульман.

Практическими шагами к реализации концепции государства в области межконфессиональных отношений могли бы стать:

- 1) создание постоянного мониторинга, оценивающего процессы, протекающие в религиозной сфере;
- 2) налаживание работы научного сообщества, в равной мере исследующего проблемы всех конфессий в стране;
- 3) создание необходимых механизмов реализации принятого Указа Президента «О мерах по возвращению религиозным организациям культового имущества»;
- 4) активное участие государства в налаживании межконфессионального диалога в рамках какого-нибудь межконфессионального согласительного органа при правительстве.

Список литературы

1. Григорьянц В. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в Украине и АРК. – Симферополь, 2003. – 44 с.
2. Закон України „Про свободу совісті та релігійних організаціях” // Відомості Верховної Ради України. –1991. –№ 25.
3. Заява IV Курултая кримськотатарського народу “Про відродження релігійного життя і збереження релігійної толерантності в Криму” // Кримськотатарське питання. – 2001. – № 8 (24). – С.44-46.
4. Кирюшко М. І. Історіографія сучасного українського ісламознавства і становлення мусульманської спільноти в незалежній Україні // Культура народів Причорномор'я. – 2002. – № 28. – С.148-166.
5. Кудлай О. Межправославный конфликт в Украине: позиция сторон // Человек и мир. – 2000. – Май-июнь. – С.5.

6. Церкви і релігійні організації України у 2002 році. Довідник / Редакційна колегія: В. Д. Бондаренко та ін. – К.: ВіР, 2003. – 126 с.
7. Швед В. Ісламський чинник та національні інтереси України // Кримські студії. – 2002. – № 3-4 (15-16). – С.119-125

Поступило в редакцію 12 марта 2004 г.

УДК 32.019.5

М. В. Сомов

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время населению, государственным структурам, а также общественным организациям предлагается подчас гигантский объем информации. Зачастую это приводит к невозможности полного ее анализа и, следовательно, осознанного вывода по интересующим проблемам. Нужно отметить, что в украинской политической науке также весьма слабо рассмотрены методологические основания исследований политической коммуникации. А от их изучения зависит возможность и способность принятия тех или иных политических решений, требующих мобильного и системного информационно-аналитического обеспечения. Поэтому целью настоящей работы является разработка аналитических схем, применение которых позволило бы составить целостное представление о таком сложном и многогранном процессе, как политическая коммуникация.

Любое социально-политическое явление, и в том числе политическую коммуникацию, можно изучать с разных точек зрения. В настоящей работе будут продемонстрированы различные схемы изучения политико-коммуникативной сферы, а также представлены фрагменты результатов социологического исследования, проведенного автором по данной проблеме.

Итак, в зависимости от исследовательских задач, для изучения политической коммуникации могут быть применимы следующие методы исследования:

- проблемный анализ;
- трехуровневый анализ;
- системно-кибернетический анализ.

В свою очередь, каждый из данных типов можно «разбить» на определенные составляющие.

Проблемный анализ

Проблемный анализ дает возможность всесторонне изучить исторические, культурно-идеологические, политические и другие аспекты воздействия средств массовой коммуникации на аудиторию. Для этого мы выясняем:

I Внешние факторы политической коммуникации

1. *Внешнее коммуникативное пространство*
  - 1.1 Социально-политические.
  - 1.2 Экономические.
  - 1.3 Культурные и т.п. ситуации в изучаемом регионе.

На данном этапе применимы такие методы исследования, как *опрос, мониторинг, case-study*.

2. Внешняя информационная среда коммуникации:

2.1 Информационные потоки, окружающие подаваемую политическую информацию.

2.2 Их общая направленность (тематическая, эмоциональная и др.).

Метод исследования – *дискурсивный анализ*.

2.3 Сочетание внешних информационных потоков с темой коммуникации.

2.4 Преднамеренные, непреднамеренные шум(ы) или источник дополнительной информации.

Метод исследования – *case-study*.

3. Ситуация осуществления политической коммуникации: повседневная; в период принятия важных политических решений, накануне выборов, в период выборов, в период проведения референдумов, во время кризисных ситуаций (например, внутривосударственные конфликты и др.).

II Система политической коммуникации

1. Анализ аудитории:

1.1 Определение социально-демографических характеристик населения.

1.2 Определение настроенности населения на восприятие той или иной политической информации.

Следует отметить, что данная характеристика испытывает влияние внешних факторов, поэтому в процессе исследования необходимо выяснить такие характеристики:

1.3 Сумма знаний аудитории в области общеполитических вопросов.

1.4 Представление конкретных групп аудиторий относительно политических процессов в стране, властных отношений в государстве и отношение к ним представителей конкретной общности (социальной, этнической).

1.5 Оказываемое влияние данных общностей на интересы и потребности аудитории.

1.6 особенности коммуникативного поведения различных групп аудитории.

1.7 степень участия населения в политической жизни.

Относительно пункта 1.6 следует сказать следующее. Как известно, население характеризуется разной степенью политической активности. Следовательно, каждая из этих групп требует разного подхода к построению требующейся им информации в плане ее количества, формы построения и подачи, содержания и т.д. Поэтому мы будем классифицировать население по особенностям коммуникативного поведения на 3 группы, исходя из следующих критериев: 1) сознательный поиск информации (активная коммуникация), 2) участие в осуществлении коммуникации (пассивная коммуникация) и 3) бегство от коммуникации.

Для определения данной характеристики можно провести сегментацию аудитории по степени политической активности, предложенную такими учеными, как С. Верба и Н. Най:¹ 1) пассивные, 2) принимающие участие только в голосовании; 3) занимающиеся политической деятельностью для решения личных проблем; 4) активные участники предвыборных кампаний и 5) активисты, распространяющие свою деятельность на всю сферу политики. Также применимы и другие способы

анализа свойств аудитории по степени участия в политической жизни. Так, например, в 2002 году автором было проведено социологическое исследование (опрос) жителей Крыма. По одному из вопросов, предложенных респондентам: «*Существуют различные формы политических действий. Что вы можете сказать о своем участии в них?*» – были получены следующие результаты:

Позиция	Участвовали и будете участвовать, %	Участвовали, но больше не будете участвовать, %	Не участвовали, но будете участвовать, %	Не участвовали и не будете участвовать, %	Затрудняюсь ответить, %
1. Дискуссии на политические темы с друзьями и знакомыми	58,03	3,7	5,2	29,43	3,64
2. Участие в выборах	75,73	8,18	3,08	11,73	1,28
3. Участие в забастовках	5,13	2,36	15,92	73,16	3,43
4. Участие в митингах, демонстрациях	14,85	3,82	17,34	61,5	2,49

2. Анализ средств массовой информации:

2.1 Описание источников политической информации:

- изучение каналов распространения политической информации и роль СМИ в этом процессе (субъективные представления населения об источниках политической информации, их важность и необходимость для конкретных групп населения, потребность в использовании источников политической информации и мотивация такого использования)

Метод исследования – *фокус-группа, опрос.*

2.2 Определение тематической структуры информации, передаваемой данными СМИ:

- выделение приоритетных тем на уровне всех изучаемых СМИ;
 - специфика освещения предвыборной кампании в прессе и на TV (по ориентации на приоритетные темы);
 - факты приоритетного внимания к личностям отдельных кандидатов.

2.3 Эмоциональный фон подачи информации:

- фиксация оценочных суждений, касающихся: 1) общей политико-экономической ситуации в стране, деятельности правительства; 2) хода предвыборной кампании и личностей отдельных кандидатов в депутаты, в органы власти различных уровней; 3) выяснение приоритетного «знака» оценки: «положительно», «отрицательно», «нейтрально».

Метод исследования – *контент-анализ.*

В качестве заключительного этапа проблемного исследования можно рекомендовать вариант сопоставления выделенной тематической структуры информации в

средствах массовой коммуникации со структурой информационных потребностей аудитории, избирателей, а также сопоставление тематической структуры информации (о выборах и др.) с фоном ее подачи.

Данный анализ может являться необходимым компонентом в предвыборный период для определения содержания информации, необходимой для подачи. Также метод проблемного исследования применим при принятии важных политических решений, ведь для демократического государства, которым стремится стать Украина, необходимо знать, как будет воспринята населением та или иная информация, дабы избежать противоречий как в процессе коммуникации, так и при принятии тех или иных политических решений.

Трехуровневый анализ политико-коммуникативной сферы

Канадским ученым Дж. Томсоном было предложено различать семантический, технический и инфлуентальный уровни информационно-коммуникативных связей². Данные уровни позволяют вычленить наиболее существенные и качественно отличающиеся компоненты информационно-коммуникативных процессов, которые, с одной стороны, обеспечивают само их существование, а с другой – определяют условия эффективного взаимодействия политических субъектов с их информационными партнерами. Однако следует отметить, что Томсоном в полной мере не были определены методологические основания, характерные для исследования каждого из этих уровней.

Итак, известно, что семантический уровень может раскрывать зависимость процессов передачи информации и возникновения коммуникации между субъектами от употребляемых знаково-языковых форм. Иными словами, с этой точки зрения во внимание принимаются используемые людьми языковые средства (знаки, символы, изображения), которые сохраняют или препятствуют сохранению смысла и значения передаваемых сигналов, сообщений, а также обеспечивают их адекватную интерпретацию реципиентами. В этом смысле принимаются в расчет как вербальные (словесные), так и невербальные (жесты, мимика, движения тела, диапазон речи, смех, язык и т.д.) средства передачи информации, которые используются разнообразными политическими (официальными и неофициальными, формальными и неформальными) субъектами. По сути дела, выделение семантических структур показывает значение тех языковых форм, при помощи которых может либо состояться, либо не состояться коммуникация при взаимном обмене информацией. Например, государственные органы нередко формируют политические тексты в излишне теоретизированном виде, что затрудняет их понимание рядовыми гражданами и снижает мобилизационные возможности власти. Отдельные политические газеты и журналы, а также телеканалы чрезмерно широко употребляют иностранные или специальные термины, которые существенно затрудняют смысловое прочтение информации обычными людьми. И, соответственно, на данном уровне как анализа, так и проектирования политико-коммуникативной сферы своеобразно применение таких методов, как *семантический и дискурсивный анализ*.

Следовательно, государственные структуры должны использовать такие языковые формы, которые сглаживали бы противоречия между специализированными и

неспециализированными потребителями правительственной информации. Эти формализованные тексты должны содержать в себе языковые формы, облегчающие точное освоение их смысла населением. Важную роль при осуществлении информационных отношений в политике играют и находящиеся в распоряжении субъектов технические средства, что заставляет говорить о техническом уровне информационно-коммуникационных процессов. С данной точки зрения, информационную деятельность политических субъектов предлагается рассматривать как функционирование специальных организационных структур, кадровых центров, банков данных, сетей и технологий хранения и передачи информации. Значение и роль всех этих технических инструментов коммуникации определяется тем, насколько они способны без каких-либо изменений, своевременно и в нужное место передать то или иное сообщение. Выделение такого организационно-технологического, несоциального пласта информационно-коммуникативных процессов помогает акцентировать внимание на устранении различных помех, которые препятствуют своевременной и бесперебойной информации в политической системе. К подобным помехам могут относиться различия в носителях информации, дефицит времени на получение субъектом нужной ему информации, маломощность и перегрузка проводящих каналов, низкая квалификация кадров, собирающих информацию.

На данном уровне исследования применим проблемно-сравнительный анализ, ставящий своей целью типологизацию современных информационных коммуникативных средств. В качестве основных критериев избираются:

- *формы собственности на СМИ,*
- *их статус в обществе,*
- *отношения с аудиторией,*
- *различные виды информационных систем,*
- *их атрибутика,*
- *программы,*
- *роль в культурных процессах³.*

Важность наличия технических каналов для организации информационных контактов показывает, что государство как важнейший институт власти должно обладать необходимым количеством каналов для распространения официальной информации, в частности, как *речевыми* (брифингов, интервью руководителей и др.) или связанными с *бумажными* (бюллетени правительства, публикации в газетах и журналах), так и *визуальными и электронными средствами* (каналы государственного телевидения, федеральные и региональные системы связи и т.д.), позволяющими осуществлять бесперебойную коммуникацию со своими гражданами. Государство должно иметь возможность выбирать каналы (центральные или местные органы печати, радио или телеканалы и т.д.), наиболее эффективные для установления прямых связей с населением для распространения важных сообщений. При этом каналы информации должны уверенно работать как в обычном режиме, так и в условиях перегрузки, специфические средства связи необходимо использовать максимально гибко. В то же время технические возможности государства должны обязательно соответствовать средствам приема сообщений, которыми обладает на-

селение. В противном случае технико-информационные стандарты могут исключить определенную часть населения из диалога с государством.

Слабая развитость технической инфраструктуры сказывается на низком уровне «обратной связи» между населением и органами власти, что приводит к низкой оценке последних. Так, в ходе социологического исследования респондентам был задан вопрос: «В какой мере Вы согласны со следующими суждениями?»:

Позиция	Согласны, %	Скорее согласны, %	Скорее не согласны, %	Не согласны, %	Затрудняюсь ответить, %
1. Я могу влиять на правительство страны	5,6	2,58	19,78	66,54	5,5
2. Я могу влиять на местную власть	7,94	3,56	21,75	62,23	4,52

Третий, *инфлуентальный* уровень информационно-коммуникативной деятельности государства раскрывает степень влияния информации на человеческое сознание. Именно компоненты данного уровня информационно-коммуникативных связей и отношений характеризуют те условия, от которых зависит сила духовного воздействия на граждан предлагаемых государством или партиями политических установок, ценностей и идей. По сути дела на этом структурном уровне определяются источники, предпосылки и факторы эффективности вращающихся на информационном рынке идей и представлений. Для повышения эффективности своей деятельности в этом направлении политические субъекты должны руководствоваться соображениями адресности подачи информации, учитывать особенности аудитории, которая имеет дело с теми или иными сообщениями, а также знать, каковы запросы аудитории по политическому, социально-экономическому развитию страны.

На один из вопросов: «Как Вы считаете, какими проблемами правительство нашей страны должно заниматься в первую очередь?» – были получены такие результаты (допускалось не более трех вариантов ответа):

№	Позиции	Результаты, %
1	Борьба с ростом цен, инфляцией	50
2	Укрепление национальной валюты	9,74
3	Повышение пенсий	34
4	Борьба с безработицей	57,7
5	Борьба с коррупцией	24,94
6	Защита окружающей среды	14,9
7	Борьба с преступностью	23,49
8	Улучшение системы здравоохранения	22,82
9	Повышение обороноспособности страны	1
10	Другое	7,76

Системно-кибернетический анализ

Применение системно-кибернетической методологии к исследованию процессов и явлений, происходящих в политической сфере, позволяет обнаружить у некоторых из них определенные признаки, свойственные как жизни или поведению отдельного индивида, так и функционированию созданных человеком сложных технических устройств. Однако системный анализ, в отличие от механистических концепций, не ставит задачу исчерпывающе объяснить или однозначно свести друг к другу разноплановые явления лишь на основании проявляющегося сходства отдельных их сторон. Напротив, как подчеркивал основоположник кибернетики Н. Винер, речь идет только о том, что “анализ одного процесса может привести к выводам, имеющим значение для исследования другого процесса”⁴.

В зарубежных работах, посвященных проблемам политической коммуникации, в последнее время часто стали употребляться термины и методы исследования из области общей теории систем и кибернетики. Однако, поскольку подобное заимствование далеко не всегда можно назвать корректным, представляется необходимым в известной степени упорядочить интересующий нас “системно-кибернетический” понятийный аппарат, используемый в политической коммуникативистике.

Принимая точку зрения, что взаимодействие любых действующих элементов, в том числе и субъектов политики, как друг с другом, так и с внешней средой, носит информационный характер, отметим, что в системно-кибернетическом контексте информация, по существу, выступает как некая категория идеального порядка, как категория мыслительная. *Информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств*⁵. Такое определение, конечно, трудно назвать исчерпывающим даже с точки зрения кибернетики, так как оно имеет выраженный антропологический оттенок и не охватывает, к примеру, область процессов информационного обмена между частями вычислительной машины. Однако данная дефиниция по своей сути близка к попыткам раскрыть категорию “информация” через взаимодействие некоего произвольно взятого действующего элемента с окружающей средой, или через *отражение*. В данном случае под отражением с позиций как кибернетики, так и общей теории систем можно понимать взятые в диалектическом единстве друг с другом процесс и результат взаимодействия элемента с внешним миром, которое приводит к изменению состояния элемента в соответствии с какими-либо сторонами отражаемого внешнего воздействия, определяемого на языке кибернетики как “*сообщение*”. Тогда процесс получения и отражения действующим элементом сообщения из внешней среды и результат этого процесса, взятые в диалектическом единстве друг с другом, определяют объем кибернетической категории “*коммуникация*” (“*communication*”, нередко переводится на русский язык как “связь”). Исходя из предлагаемого соотношения между понятиями, *информацию* можно было бы охарактеризовать как кибернетическую категорию, обозначающую *содержание коммуникации*. При этом поступающая к действующему элементу “входная” информация представляет собой содержание сообщения, а значимая информация, изменяющая состояние элемента, – содержание отражения этого сообщения, или, соответствен-

но, содержание отражения элементом “входной” информации.

Предположим, что если все или некоторые выходные сигналы элемента W_1 становятся входными сигналами элемента W_2 и, кроме того, все или некоторые выходные сигналы элемента W_2 становятся входными сигналами элемента W_1 , то говорят, что между элементами W_1 и W_2 существует *обратная связь* (рис. 1а, б). Это понятие может обозначать и более сложный вид коммуникации, когда, например, выходные сигналы элемента W_1 являются входными сигналами элемента W_2 , выходные сигналы W_2 – входными сигналами еще одного элемента W_3 , а уже в свою очередь выходные сигналы W_3 – входными сигналами W_1 (рис.2)⁶.

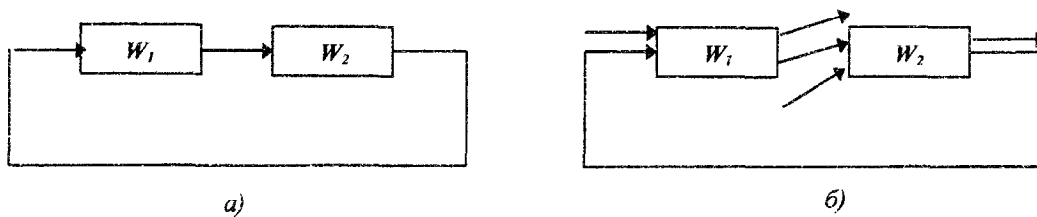

Рис. 1. (а, б) Модель «обратной связи»

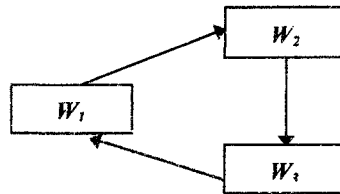

Рис. 2. Расширенная модель «обратной связи»

Обратная связь, или двусторонний информационный обмен, играет исключительно важную роль в процессах управления, в том числе и в области политики. “Устанавливая связь с другим лицом, – отмечал по этому поводу Н. Винер, – я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо, в свою очередь, устанавливает связь со мной, оно возвращает подобный сигнал, содержащий информацию, первоначально доступную для него, а не для меня. Управляя действиями другого лица, я сообщаю ему сигнал, и, хотя этот сигнал дан в императивной форме, техника коммуникации в данном случае не отличается от техники коммуникации при сообщении сигнала факта. Более того, чтобы управление было действенным, я должен следить за любыми поступающими от него сигналами, которые могут указывать, что приказ понят и выполняется”.⁷ Таким образом, с точки зрения системно-кибернетического подхода, управление представляет частный случай коммуникации, результатом которого является *целенаправленное* изменение состояния элемента или совокупности элементов. Следовательно, и политическое управление можно определить как частный случай политической коммуникации. *А знание и примене-*

ние вышеуказанных схем позволит правильным образом принимать и анализировать государственные решения.

Нередко какой-либо действующий элемент, в том числе и субъект политики, оказывается, связан более чем с одним действующим элементом. Точно так же более чем один элемент может быть связан с данным элементом. В таких случаях говорят, что имеет место *разветвление связей*, причем в первом случае происходит *разветвление выходов* (рис. 3а), а в другом – *разветвление входов* (рис. 3б). Одной из разновидностей данного типа коммуникации выступает *иерархическая связь*, или просто *иерархия*, которая характеризуется упорядоченностью, организованностью взаимодействий между отдельными уровнями элементов по вертикали (рис. 4)⁸. Подобные многоуровневые связи, объединяющие в качестве элементов “малые организации”, достаточно часто попадают в поле зрения политологии и других социальных наук. Свободные федерации древней Греции, Священная Римская империя и современные ей аналогичные феодальные государства, Швейцарская Конфедерация, Соединенные Нидерланды, Соединенные Штаты Америки и другие Соединенные Штаты, расположенные южнее, Союз Советских Социалистических Республик – все это примеры иерархий организаций в политической сфере. Левиафан Гоббса, Человек-Государство, составленный из меньших людей, есть иллюстрация той же идеи ступенью масштаба ниже.

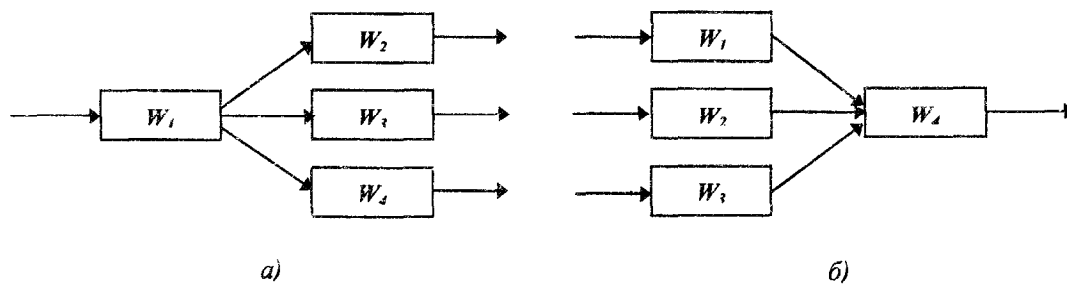

Рис. 3. Модели разветвления сетей (3-а- разветвление выходов; 3-б- разветвление входов)

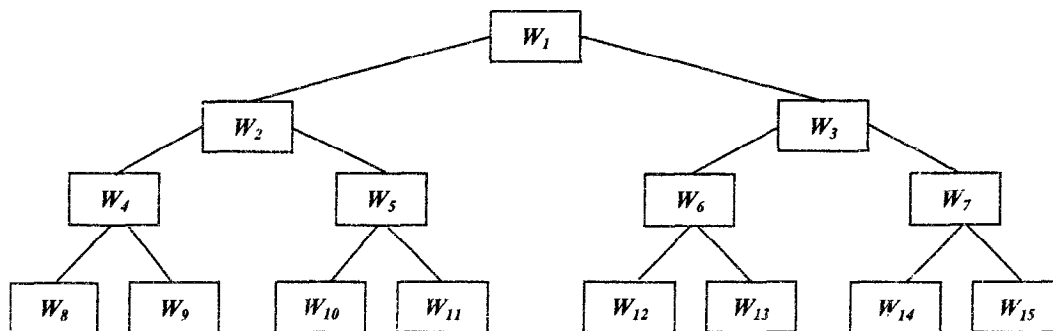

Рис. 4. Модель коммуникационной иерархии

Итак, в данной работе были систематизированы и представлены различные схемы анализа политической коммуникации. Рассмотренные выше модели могут позволить успешно осуществить очень широкий круг исследований. Естественно, что в статье автором была затронута лишь часть из возможно применимого арсенала способов сбора и анализа данных в политико-коммуникативной сфере. А каждый ученый в праве выбирать тот или иной аспект рассмотрения в зависимости от своих воззрений и исследовательских задач.

Примечания

- ¹Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы. – М.: Европейский регион, 1998. – С. 20.
²Буданова А.Б. Государство в структуре политических коммуникаций: каналы и уровни информационной деятельности // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства, Харків, 2001. – С. 136-138.
³Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. – М.: МГУ, 1999. – С. 176.
⁴Винер Н. Творец и робот. – М., 1966. С. 24.
⁵Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов, – 1999. – №1, – С. 26.
⁶Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М., 1983. – С. 28.
⁷Там же.
⁸Моргунов Е.Б. Человеческие факторы в компьютерных системах. – М., 1994. – С. 74.

Поступило в редакцию 14 марта 2004 г.

О. А. Габриелян
АМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Самая солидная по возрасту и весу в мировом политическом сообществе Американская ассоциация политической науки (American Political Science Association – APSA) празднует свой юбилей. 30 декабря 2003 г. исполняется 100 лет со дня её создания .

С 27 августа по 31 августа 2003 г. в Филадельфии (США) прошла очередная ежегодная конференция APSA – “Глядя в будущее и оглядываясь назад: демократия и справедливость в век изменений”. И хотя она была 99-й со времени создания организации, тем не менее она была проведена под знаком празднования столетнего юбилея. Конференция собрала около шести тысяч участников. Это почти половина членов APSA, которых к настоящему времени насчитывается более 13 тысяч из 70 стран. Несколько отелей города обслуживали конференцию. 100 лет – срок для американской истории огромный, и политологи США заслуженно гордятся юбилеем APSA. Основным местом ее проведения стал Conventional Center. Его залы, аудитории, кафе и рестораны вобрала в себя огромное сообщество политологов. Наблюдения и общение с коллегами позволили сделать некоторые выводы.

APSA преодолевает свой америкоцентризм как в исследованиях, так и в составе участников ежегодных конференций и членов. Нельзя сказать, что голос иностранцев громко слышен, но он интересен американским коллегам.

APSA не потеряла внутреннего единства. Нет ощущения вавилонского столпотворения и взаимного непонимания. Выход из грядущего коллапса огромности организации был найден в том, что области исследования начали структурироваться в направления. На конференции насчитывалось 46 секций. Их стоит перечислить хотя бы потому, что они обозначают главные направления и области исследования современной политической науки. (См. Приложение)

APSA провела свою юбилейную конференцию без праздничного ажиотажа. Состоявшаяся профессиональная ассоциация ведет свою работу изо дня в день, и юбилей не является рубежом перехода к чему-то качественно иному, т.е. работа ведется не от даты к дате, а направлена на решение актуальных проблем.

В этом смысле примечательно обращение сопредседателей ежегодной конференции 2003 года Генри Бреди и Маргарет Вейер из калифорнийского университета (Беркли) к ее участникам:

“Собрание 2003 года отмечает столетний юбилей APSA. Это век, в течение которого политическая наука развилась в академическую дисциплину, век, который был свидетелем важнейших трансформаций в технологиях, в способах ведения войн, в экономике, в национальных и международных формах управления. Распространение демократии, выработка и защита индивидуальных прав были на первом плане

политических изменений на национальном и международном уровнях. Основная тема конференции 2003 года - признание причин и важности этих трансформаций и принятие различных путей, которыми шла американская политическая наука при изучении демократии и справедливости за более чем столетнюю историю. Нами предлагаются к рассмотрению вопросы: Какие условия необходимы для продвижения демократической реформы? Как понимание и практика демократии изменились за сто лет истории? Как мы определяем справедливость в современном мире? Как взаимосвязаны демократия и справедливость? Как понимание демократии и справедливости влияют на процесс демократической трансформации? В какой степени концепции демократии и справедливости значимы на международном уровне? Мы приветствуем доклады и участников, которые исследуют эти вопросы через исторические сравнения различных стран или которые высвечивают критические периоды в понимании и практике демократии и справедливости. Мы реалисты и осознаем, что конференция APSA формируется в основном за счет текущих исследовательских программ и результатов интеллектуального любопытства, но мы надеемся, что в год столетнего юбилея возрастет внимание к теме конференции“.

Американские политологи остаются гражданами своей страны, и им не безразлична политика, проводимая их государством. Они обеспокоены современной международной политикой США и ее возможными последствиями для самой страны.

Ассоциация не раз высказывала свою позицию по тем или иным актуальным политическим вопросам, но сама политическая наука при этом не теряла свой академический характер. На конференции прозвучал призыв не только объяснять политику, но и исследовать, как она создается. В частности, задача не только в сборе и анализе данных об общественном мнении, но и в том, как оно формируется.

APSA и американские политологи пошли не по пути создания единой всеохватывающей теории со строгой методологией и инструментарием. Они подошли к решению проблемы диверсификации исследований крайне прагматично. Этот академический прагматизм явно проявляется себя на организационном уровне, а именно на ежегодных конференциях.

Сбор на ежегодной конференции многоцелевой.

1. Он позволяет презентовать результаты исследования (даже неопубликованные), представить их на критику коллег.
2. Демократичность организации и ежегодных конференций в том, что есть свободный доступ ко всем, даже к тем, кто уже стал живой классикой.
3. Коммуникативный аспект конференции трудно переоценить. Студенты и молодые преподаватели и исследователи проходят своеобразную профессиональную социализацию в научном сообществе.
4. Интеллектуальное разнообразие школ, подходов, направлений, областей исследования открывает широкий простор для междисциплинарных исследований. Как ни странно, именно это является существенным аспектом интеграционной составляющей APSA.
5. Конференция позволяет создавать различные группы по интересам, и некоторые из них уже трансформировались в отдельные профессиональные организации. Их

многообразии могло бы обозначить проблему распада APSA. Но этого не произошло и в обозримом будущем не предвидится. Став, в известной степени, площадкой построения новых политологических организаций, APSA по-прежнему привлекательна для политологов, сконцентрировавших свои организационные и политические интересы в новых профессиональных институтах. Не только они продолжают оставаться членами APSA, но и вновь возникающие организации становятся ее партнерами.

Единство в многообразии и многообразие взаимоподдерживающих усилий делают APSA и ее партнеров более сильными и стабильно функционирующими организациями.

Авторитет APSA настолько значителен, что участие в ее конференциях и публикации в ее изданиях являются серьезными критериями оценки политологов в США, особенно профессуры.

Было крайне интересно узнать, как сами американские политологи видят роль и значимость APSA. Поэтому были взяты интервью у исполнительного директора APSA Майкла Бринтайла и у американского профессора Говарда Г. Лейтнера, проработавшего более 40 лет в университетах США и состоявшего все это время членом организации. И хотя интервью были взяты по отдельности, но они настолько коррелируют между собой, что целесообразно привести ответы на одинаковые вопросы параллельно.

О.Г.: Каковы главные достижения американской политической науки и APSA?

М.Б.: Сегодня ассоциация насчитывает около четырнадцати тысяч человек, а на конференции присутствуют около шести тысяч. Это говорит об авторитете организации. Что касается достижений самой политической науки, то они связаны с той эволюцией, которую она претерпела за свою историю. Наиболее значимые вехи – это переход от юридических штудий к бихевиоризму. Это привело к исследованию не только политики, но и к тому, как ведут себя люди и группы интересов в политической борьбе. Изучение поведения политических институтов позволило понять причины войн и природу международных отношений.

Бихевиоризм поставил вопрос о методах исследования и ввел в изучение политики количественные методы.

В 40-50-х годах в отчетах APSA были поставлены вопросы о необходимости изучения и понимания функционирования двухпартийной системы. В 60-е годы интерес сместился к движению за гражданские права. Со всей очевидностью стало ясно, что государство является только одним из политических акторов. И особое внимание надо уделять не только отношениям между государствами, но и между акторами. Очевидно, что все эти изменения требовали, в свою очередь, изменений в мышлении.

Х.Л.: Американская политическая наука – сложное явление. Говорить о ней – значит говорить о политике, о науке и о ее методах. Американская политическая наука начиналась как подражание немецкой. Наши университеты до сих пор несут печать организации по немецкому образцу. Политическая наука в США шла от изу-

чения государства к анализу групп интересов, политических процессов. В 80-е годы прошлого столетия начинается новый виток интереса к деятельности государства. Возникает неоинституционализм.

Область моих интересов – международные отношения, и я наблюдаю, что американская политическая наука продолжает фокусироваться на Соединенных Штатах. Например, у нас все думают об изменении Китая Америкой, а не над тем, что делают сами китайцы.

Будучи членом APSA на протяжении четырех десятилетий, могу констатировать, что она стала массовой, профессиональной организацией. Некоторые достижения сегодня кажутся само собой разумеющимися, но в действительности это был сложный путь изменений. Когда я стал членом APSA, в ее составе не было женщин, а сегодня они широко представлены, принимают активное участие в деятельности организации и даже избираются ее президентами.

О.Г.: *В чем вы видите сильные и слабые стороны политической науки и APSA?*

М.Б.: Достижения политической науки впечатляют по охвату проблем, но методы исследования в известной степени стали самоцелью. Иногда за самим исследованием мы перестаем понимать реальную политику. Сильная сторона APSA – то, что в ее составе лучшие ученые и что она стала массовой, профессиональной организацией. Она отражает те процессы, которые происходят в американской политической науке, и отражает ее структуру и организацию. Она расширяет свою издательскую деятельность. Мы начинаем издавать под эгидой APSA уже третий журнал. APSA способствует профессиональной мобильности и развитию карьеры. Она оперативно информирует о рынке труда. Слабой стороной остается то, что в ней недостаточно полно представлены те, кто не работает в университетах, но интересуется и занимается политической наукой.

Х.Л.: Слабой стороной американской политической науки является зашоренность наших политологов. Мы не критичны по отношению к самим себе, мы сфокусированы на американской действительности, даем только американскую точку зрения. Мы смотрим на мир только с этой точки зрения, и такая односторонность является нашей слабой стороной.

Сильной стороной APSA являются ее издания и публикации. Они высокопрофессиональные и ориентируют политологов в перспективных направлениях политической науки и в ее современных достижениях. Осмысливая другие аспекты существования и деятельности APSA, я затрудняюсь оценить ее размеры. Насколько хорошо, что она стала такой большой?

О.Г.: *Каковы планы на будущее?*

М.Б.: Необходимо тех политологов, которые работают вне университетов, включить в различные советы APSA, более активно вовлекать их в работу нашей организации. Как я уже отметил, нужны новые издания, которые привлекли бы не только университетских и академических политологов, но и практиков.

Х.Л.: Я не верю, что будет создана общая теория политики. Скорее всего, политическая наука будет становиться все более дифференцированной, разнообразной.

Некоторая концентрация будет наблюдаться в пределах конкретных, уже сложившихся традиционных школ: американской, английской и др.

***

Представляется, что небольшой исторический экскурс откроет нам иные аспекты деятельности APSA, поэтому мы решили привести некоторые наиболее значимые даты ее истории.

30 декабря 1903 года в четыре часа по полудни 25 человек собрались в библиотеке (Tilton Memorial Library) университета Тюлейн (Tulane University) в Новом Орлеане. Это было совместное заседание Американской ассоциации историков и Американской ассоциации экономистов. Целью встречи было обсуждение создания Американской ассоциации политической. Во встрече приняли участие представители колумбийского, тexasского, иллинойского университетов, Корнел колледжа, университетов Джона Хопкинса, Тюлейна, Миннесоты, Миссури и Политехнического университета Воркестера. Некоторые из присутствовавших были президентами школ, другие заведовали кафедрами или были основателями факультетов политических наук в своих учреждениях, были и те, кто совмещал преподавание и политику. Шестеро из присутствовавших впоследствии стали президентами APSA, другие – играли ведущую роль в ее организации и работе. Президентом ассоциации был избран Фрэнк Дж. Гудноу. Только он и, позднее, в 1918-1919 году, Генри Джонс Форд избирались президентами ассоциации на два срока. Признанные историки, преподаватели, издатели и политики, работавшие в различных областях политологии, объединились вокруг идеи улучшить образование в области политической науки и придать импульс ее дальнейшему развитию в США.

Вехи истории APSA

1903 г. – Создана APSA.

1904 г. – Университет Чикаго и Северо-западный университет приняли первую ежегодную конференцию. Начали издаваться *Proceedings*.

1905 г. – Впервые женщина Мэри Л. Хайнсдейл (Hinsdale) представила на конференции свою работу “Правительство и Конгресс: исторический анализ”.

1906 г. – Издан первый том *American Political Science Review (APSR)*.

1910 г. – Вудро Вилсон был избран президентом APSA.

1912 г. – 20% членов ассоциации – преподаватели университетов, 31% – это бизнесмены и юристы.

1914 г. – В 38 университетах созданы отдельные факультеты политической науки, в остальных *Political Science* совмещена на кафедрах с другими дисциплинами.

1915 г. – В отчете комитета семи предлагается инструкция с рекомендациями того, что должно преподаваться в общеобразовательной школе и колледжах по *Political Science*.

В годы Первой мировой войны Ассоциация не собирается на свои ежегодные конференции.

1920 г. – Создано почетное общество политической науки – ПЭА. Первая статья женщины-политолога опубликована в *APSR*. Это статья бывшей студентки Чарльза Мерриама, Элен Эллис (Ellen D. Ellis) «Плюралистическое государство».

1921 г. – Подготовлен отчет *APSA* о преподавании политической науки в США.

1923 г. – По инициативе Чарльза Мерриама создан Совет по исследованиям в области социальных наук - *Social Science Research Council*.

1929 г. – Подготовлен отчет Комитета по *Policy surveys APSA*, рекомендации общеобразовательной школе о роли *APSA* в этом процессе.

1932-1937 гг. – *APSA* становится одним из спонсоров радиопрограммы «Ты и твое правительство».

1933 г. – Луиза Оверакер (*Loise Overacker*, Wellesley College) стала первой женщиной-председателем ежегодной конференции *APSA*.

1934 г. – Подготовлен отчет о преподавательском составе кафедры политических наук, направленный на выявление проблем, переподготовку кадров и их занятости.

1937 г. – Ежегодная конференция, проведенная в Филадельфии, собрала более 500 участников.

1940 г. – Подготовлены отчеты о роли политической науки в гражданском воспитании во время войны.

Общие ежегодные конференции в годы войны не проводились.

1945 г. – Впервые был опубликован список членов *APSA*.

1947 г. – *Американский университет* и *APSA* спонсируют Институт Учителей курса «Правительство и администрация».

1949 г. – Под эгидой ЮНЕСКО создана международная ассоциация политической науки. *APSA* был в числе основателей.

1950 г. – *APSA* открывает свой офис в Вашингтоне: Массачусетс авеню, 1785. Комитет по политическим партиям под руководством Штатсшнайдера (E. E. Schattschneider) готовит доклад «О более ответственной двухпартийной системе». Число кафедр политических наук возрастает до 50.

1951 г. – *APSA* печатает доклад «Цели политической науки».

1953 г. – *APSA* запускает программу практики и стажировок в Конгрессе.

1954 г. – Ральф Буше (Ralph Bunche) – первый афро-американец президент *APSA*

1955 г. – М. Эврон (Evron M.) – первый исполнительный директор *APSA*, работающий на постоянной основе.

1961 г. – *APSA* участвует в проекте «Континентальные классы» - серии телевизионных передач, транслируемых *NBC*, которые привлекли большую национальную аудиторию и предлагались в качестве зачета в 97 колледжах и университетах.

1961 г. – *APSA* запускает программу семинаров для новоизбранных членов Конгресса. В связи с этим выпускается серия публикаций и книг по организации и деятельности Конгресса.

1966 г. – *APSA* создает программу семинаров для преподавателей из регионов - *Small College*.

1967 г. – Организуется группа *Новой политической науки*. *APSA* покупает здание

на *New Hampshire Avenue 1527*, которое сейчас является ее штаб-квартирой.

1968 г. – *Национальный научный фонд* признает политическую науку. Выходят в свет первые номера *Political Science* и *Politics*. *Комитет по профессионализации стандартизации и ответственности (Committee on Professional Standards and Responsibilities)* выпускает рекомендации, известные как «Доклад Бернштейна».

1969 г. – Ежегодное собрание в Нью-Йорке собирает небывалое количество человек. Более четырех тысяч участников собрались, чтобы послушать около 300 выступлений и пленарную сессию в честь Губерта Хампфрей (Hubert Humphrey). Также стоит отметить встречу бизнесменов, которая состояла из трех сессий и привлекла около 700 членов ассоциации. Основным пунктом программы были дебаты о принятии нескольких поправок к уставу. Совет *APSA* создает комитеты для политологов афро-американцев и женщин; создает комитеты по профессионализации, этике, правам и свободам и принимает этический кодекс *APSA*.

1971 г. – Публикуется доклад *Комитета по среднему образованию (Pre-collegiate Education)* «Политическое образование в средней школе: вызов для политической науки».

1972 г. – *APSA* получает грант на организацию отделения по делам университетского образования. *APSA* выпускает и разрабатывает в последующие годы *SETUPS* - ежеквартальный бюллетень, *DEA News*, монографии и эссе по политической теории и политическому анализу.

1972 г. – Запускается программа помощи кафедрам (*Departmental Service Program*).

1976 г. – *APSA* работает в одной команде с американской исторической ассоциацией по *Проекту '87* - образовательной, учебной, общественной программе в честь двухсотлетия конституции. Программа поддерживает научные конференции, стипендии и гранты в области изучения конституции, конференции для учителей и издание сборников соответствующих уроков. Программа включает: публикации «*Эта конституция*», ежеквартального журнала, который выпускает 19 номеров за 1983-1989 годы; видеofilмы и выставку плакатов; создание «*Благословение свободы*».

1977 г. – Совет утверждает политику, согласно которой *APSA* не будет проводить ежегодные заседания в штатах, которые не приняли поправку о равных правах (*Equal Rights Amendment*).

1981 г. – Совет *APSA* утверждает создание организованных секций (*Organized Sections*); создается *Консорциум ассоциаций социальных наук*, в котором *APSA* выступает в роли соучредителя.

1983 г. – *APSA* выпускает первое монографическое издание «Политическая наука: состояние дисциплины».

1984 г. – *APSA* выпускает серию телекурсов «Конгресс: Мы народ»; ежегодная конференция привлекает около трех тысяч человек, самое большое количество участников с 1969 года.

1985 г. – *APSA* посылает первую делегацию на встречу с китайской ассоциацией политической науки. Вторая делегация едет в Китай в 1987 году.

1986 г. – Открывается Летний институт Ральфа Буше. Южный университет и университет штата Луизианы открывают первый летний институт для афро-

американских студентов. Программа поощряла молодых афро-американских студентов в продвижении академической карьеры в области политической науки путем ознакомления их с ведущими учеными в данной области и улучшения академических навыков.

1988 г. – *APSA* – соорганизатор XIV всемирного конгресса международной ассоциации политической науки, который впервые прошел в США.

1989 г. – *APSA* посылает делегацию на встречу с советской ассоциацией политической науки; начинает проект *Poliware* – программу по оценке и распространению программного обеспечения, содержащего инструкции; начинает проект по идентификации меньшинств (*Minority Identification Project*). Созданные секции впервые участвуют в организации ежегодной конференции.

1990 г. – Юдит Склар (*Judith Sklar*) – первая женщина, избранная Президентом *APSA*. *APSA* начинает проект учебного курса политической науки.

1991 г. – Публикуется доклад с рекомендациями по университетскому курсу политической науки, как профилирующему.

1992 г. – Совет *APSA* утверждает комитет по правам лесбиянок и геев. *APSA* и американский университет предлагают первые семинары по американской политике для иностранных преподавателей.

1994 г. – *APSA* предлагает дистанционное обучение для России. В сотрудничестве с американским информационным агентством *APSA* проводит месячный дистанционный обучающий телекурс для Москвы через спутник. Проект состоял из 6 программ, освещавших основные подразделы науки. Студенты и преподаватели из 13 московских институтов участвовали в этом проекте.

1995 г. – *APSA* запускает первый *Web-site*.

1996 г. – *APSA* публикует эссе ученых-политологов в “*Vote for Me*”, серия *WETA*. *APSA* приглашает преподавателей из СНГ и Центральной Европы по программе Международного обмена в области гражданского образования. Программа действовала до 2001 года. Совет утверждает создание специальной комиссии по гражданскому образованию.

1997 г. – *APSR* сделало возможным через *JSTOR* доступ к своим публикациям начиная с 1906 года.

1998 г. – *APSA* запускает программу столетнего юбилея для поддержки новых программ и развития Центра 100-летнего юбилея.

1999 г. – *APSA* запускает новый проект по изучению политической науки (*Service Learning in Political Science Project through Campus Compact*). Начинается проект подготовки будущих преподавателей в сотрудничестве с ассоциациями социологических и гуманитарных наук.

2000 г. – *Political Science* в серии *WETA* публикует эссе политологов: «Сила – более властная» (“*A Force More powerful*”).

2002 г. – Совет поддерживает проект публичных обсуждений рабочими группами основных вопросов.

2003 г. – *APSA* празднует столетний юбилей. Выходит первый номер «Перспективы политики». Ассоциация открывает Центр столетнего юбилея и общественных отношений.

*Приложение***Секции APSA:**

1. Политическая мысль и философия: исторические подходы
2. Основания политической теории
3. Нормативная политическая теория
4. Формальная политическая теория
5. Политическая психология
6. Политическая экономия
7. Политика и история
8. Политическая методология
9. Преподавание и обучение в политической науке
10. Университетское образование
11. Сравнительная политика
12. Сравнительная политика развивающихся стран
13. Политика коммунизма и бывших коммунистических стран
14. Сравнительная политика развитых индустриальных обществ
15. Европейская политика и общество
16. Международная политическая экономика
17. Международное сотрудничество
18. Международная безопасность
19. Международная безопасность и контроль над вооружением
20. Внешняя политика
21. Конфликтные процессы
22. Изучение законодательств
23. Исследования института президентства
24. Публичное управление
25. Публичная политика
26. Закон и суды
27. Конституционное право и юриспруденция
28. Федерализм и межправительственные отношения
29. Государственная политика
30. Урбанистическая политика
31. Женщины и политика
32. Раса, этничность и политика
33. Религия и политика
34. Представительство и избирательная система
35. Политические организации и партии
36. Выборы и поведение при голосовании
37. Общественное мнение и политическое участие
38. Политическая коммуникация
39. Наука, технологии и экологическая политика
40. Информационные технологии и политика
41. Политика и литература
42. Новая политическая наука
43. Экологическая и трансформационная политика
44. Международная история и политика
45. Сравнительная демократизация

46. Права человека.

Примечание

*При подготовке статьи использовались информационные материалы, опубликованные к столетнему юбилею APSA.

Поступило в редакцию 19 февраля 2004 г.

А. С. Филатов

«ПОЛІТИЧНИЙ МЕНЕДЖМЕНТ» – НОВЫЙ УКРАИНСКИЙ ЖУРНАЛ

В сентябре 2003 года вышел в свет первый номер журнала, в котором предполагается освещать проблемы политического управления социальными процессами с использованием данных, полученных в результате политологических, социологических, психологических исследований и исследований в области конфликтологии.

В состав редколлегии журнала входят известные украинские ученые-обществоведы – В. Бакиров, Н. Головатый, И. Курас, С. Макеев, Н. Михальченко, В. Полторац, А. Толстоухов, Ю. Шайгородский и др.

В редакционной статье журнала отмечается, что издатели «не будут ограничиваться проблемами только политического менеджмента». Предполагается печатать статьи по вопросам теории и методологии политических исследований, государственного управления и местного самоуправления, этнонациональной политики и конфликтологии, истории отечественной и зарубежной политической мысли, подготовки кадров политологов, повышения квалификации актива политических партий и общественных организаций. Столь широкий диапазон проблематики, связанной с функционированием современного общества, может заинтересовать многих специалистов из области общественных наук, но прежде всего ориентирован на политологов.

В рецензируемом первом номере журнала представлены рубрики, которые охватывают самые разнообразные сферы исследований не только политической науки, но и социологии. Одна из рубрик называется «Политический менеджмент». В этом случае возникает вопрос: может быть, целесообразно подумать о корректировке названия журнала, если оно совпадает с обозначением одной из четырнадцати рубрик?

Несмотря на такое чисто стилистическое замечание, тематическая направленность журнала, безусловно, привлекательна не только для ученых-политологов и преподавателей политических дисциплин, но и для тех людей, которых принято называть действующими политиками. Тематический спектр журнала выражен следующими рубриками:

- теория политической науки,
- проблемы методологии,
- уже упоминавшийся политический менеджмент,
- политические технологии,
- политика и экономика,
- *vox populi* (технология социологических исследований),
- гражданское общество, этнополитология, конфликтология,
- Украина и мир,
- аспекты глобализации,

- международный терроризм,
- на пересечениях цивилизаций.

Открывает журнал статья Ф. Рудича «Политическая наука в Украине: состояние и перспективы». В статье сделан акцент на направлениях научно-исследовательской деятельности Института политических и этнонациональных исследований, в котором работает сам автор в должности заведующего отделом теоретических и прикладных проблем политологии. К сожалению, вне анализа остались разработки как университетской политической науки, так и разработки независимых политологических центров. В частности, вне поля внимания Ф. Рудича осталась книга, изданная еще в 2002 году Центром по совершенствованию методов преподавания, обучения и исследований в области политической науки в Украине, созданным на базе кафедры политических наук Таврического национального университета им. В.И. Вернадского при поддержке Фонда «Возрождение». Примечательно, что эта книга имеет чуть ли не идентичное со статьей Рудича название – «Политическая наука в Украине: становление и перспективы». В этом издании, включающем работы авторов из Симферополя, Харькова, Житомира, Ужгорода, содержится, на наш взгляд, интересный анализ развития политической науки на Украине.

Кстати, сам Ф. Рудич в преамбуле своей статьи делает заявку на выдвижение проблемы: политическая наука или политология? К сожалению, этот вопрос в данной работе так и остался открытым.

Рассматривая проблему определения предмета политологии, Ф. Рудич совершенно справедливо отмечает, что стремление некоторых авторов «визначити її як окрему українську національну науку» выглядит совершенно необоснованно. В то же время, давая достаточно полное описание предмета политологических исследований, автор уходит от прямого определения самого объекта исследования – политики как сферы общественной жизни и формы социального бытия.

Идеологически связанными являются статьи, рассматривающие дискуссионные аспекты современной жизни украинского общества. Речь идет о статьях Н. Михальченко «Украинская региональная цивилизация» и А. Палий «Формирование украинской политической нации».

Основной проблемой, которая рассматривается в статье Н. Михальченко, является «необходимость цивилизационной идентификации Украины». Сама постановка этой проблемы выглядит достаточно актуальной в связи с реально существующей альтернативой в жизни украинского общества: официальной ориентацией на западноевропейскую цивилизацию (ЕС, НАТО) и стремлением значительной части народа остаться в рамках восточнославянского (русского) социокультурного пространства и цивилизации.

В статье А. Палий исследуется роль национальной идентичности в процессе формирования украинской политической нации. Эта проблема не менее актуальна, нежели цивилизационная идентификация, и очевидно, что она требует дальнейших исследований. Эта проблема надолго останется ведущей темой политологических исследований в Украине.

В журнале помещены статьи, в которых рассматриваются практические аспекты украинской политической жизни: «Государствосозидающий прагматизм в открытом

обществе» О. Горенко, «Искусство достижения власти» Н. Головатого, «Конструирование модели социального государства» Л. Юрженко и Ю. Шепило, «Отношения государства и церкви в контексте строительства гражданского общества» В. Перевезия, «Новые измерения сотрудничества с Европейским Союзом» Н. Оринчай.

Представляет значительный интерес и для теоретических изысканий в области политической науки, в т. ч. политического менеджмента, и для практических действий в социально-политической жизни статья Ю. Шайгородского «Мировоззренческие системы: необходимость синтеза». Автор проводит сравнительный анализ последних исследований и публикаций, связанных с поиском методологических оснований при создании моделей мировоззренческих систем, которые используются в политическом менеджменте. Здесь для украинского читателя презентованы некоторые результаты исследований российских политологов, выраженные в таблицах, представляющих культурологические критерии типологизации разных культур, передающих структурно-функциональные особенности системы демократического общества, демонстрирующих специфику различных типов общества – традиционного, современного и модели постсовременного.

Н. Василенко в статье «Менеджмент в контексте инновационной модели развития» обращается к проблеме внедрения современных технологий и инноваций в социально-экономическую сферу жизни украинского общества. Вполне уместные ссылки автора статьи на работы И. Пригожина, Дж. Николаса, Г. Хакена и др. предпринимаются, как мне видится, с целью доказать то, что доказывать уже и не требуется – необходимость создания нового информационно-технологического базиса и соответствующей ему системы координат, которые учитывали бы современные тенденции экономики в целом и ее организационные формы и структуры в частности. Хотя, если обратить взор на реалии экономической и особенно социальной жизни Украины, то, видимо, об этом следует говорить и говорить. Есть только одно сомнение. Восприимчива ли политическая элита Украины к оригинальным научным разработкам или даже к их популярному изложению во многих статьях отечественных авторов?

Анализ результатов социологических исследований и концептуальные построения, возникающие на его основе, всегда востребованы в системе политического менеджмента. Откровенно говоря, современное политическое управление, если оно желает быть эффективным, не в состоянии обойтись без социологических разработок. Один из авторов журнала, А. Вишняк, посвятил свою статью исследованию корреляционных связей между отношением (установками) населения и общественным мнением. В качестве модели была использована типологизация социологической информации Дж. Мангейма и Р. Рича. В результате возникли выводы, свидетельствующие о значительном «разбеге» между отношением (установками) населения и позицией «лидеров мнения» (общественным мнением).

При чтении этой статьи возникают сомнения по поводу обоснованности некоторых корреляций, например: общественное мнение и «лидеры мнения», «лидеры мнения» и отношение населения. Достаточно спорным может быть и тот факт, что автор определяет «лидеров мнения» с помощью тестового метода на основе критерия политической информированности. Такая фильтрация может свидетельствовать

лишь об уровне осведомленности, но не о влиянии на общественное сознание. Невольно возникает предположение о некоей политической ангажированности автора статьи, когда он стремится с использованием переменных-«фильтров» показать общественную поддержку решению Украины о вступлении в НАТО и высокую общественную оценку деятельности правительства Виктора Ющенко. В то же время эта статья тем и хороша, что «провоцирует», в хорошем смысле этого слова, читателя к дискуссии.

Статья А. Каргунова и О. Маруховской «И покой только снится!» может быть полезной для студентов-политологов, т. к. содержит конспективное изложение основных позиций современной конфликтологии. Однако в этой статье есть моменты, которые нуждаются в корректировке. Это относится к выводам о специфике украинской политической жизни. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «несколько поколений бывших советских людей было воспитано в атмосфере выдуманной бесконфликтности и конфликтофобии. В действительности все было несколько иначе. Сами авторы в следующем абзаце противоречат своему же предшествующему утверждению, когда отмечают, что «им (т. е. советским людям) навязывалась, по сути дела, антикультура разрешения конфликтов с ее антигуманными лозунгами типа «Кто не с нами – тот против нас» или «Если враг не сдается – его уничтожают» и ставкою на силу». Следовательно, конфликты прививались, и атмосфера конфликтогенности поддерживалась. Видимо проблема была в ином, но это тема уже самостоятельной статьи.

Завершая краткий обзор первого номера украинского журнала «Политический менеджмент», хотел бы высказать с позиции читателя несколько пожеланий, которые вызваны исключительно доброжелательным отношением к редакционной коллегии и издателям. Журнал только выиграет, если у него появится рубрика «Public Relations», потому что политическое управление, в теории и на практике, без исследований и реализации целевого взаимодействия с общественностью или ее секторами вряд ли будет успешным в условиях информационного общества. Еще одна возможная рубрика – «Политический маркетинг» – непосредственно связана с темой политического менеджмента и может привлечь внимание многих действующих политиков, стремящихся идти в ногу со временем.

И еще одно предложение. Мне представляется, что журнал может получить значительно большую аудиторию, если наряду с украинским также будет публиковать статьи на русском языке.

Поступило в редакцию 8 февраля 2004 г.

УДК 321.7 : 061.1/ 061.2

Н. А. Съедин

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВОМ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Общепринятой является формула, что демократическим государство может считаться при наличии гражданского общества. Исходящая снизу, независимая от власти общественная активность, опирающаяся на сеть автономных социальных институтов, является важнейшим условием упрочения демократических сил. Действенная демократия требует развитого духа гражданственности. Принимая решения, участвуя в политике, люди должны руководствоваться не просто собственными краткосрочными интересами, но иметь в виду также общее благо. По мнению Патнэма эту способность развивает в людях участие в работе добровольных ассоциаций. Он доказал, что этот фактор весомее традиционных социально-экономических показателей, объясняющих механизм действия демократии.[1]

Между тем, само понятие «гражданское общество» далеко не однозначно. Существует множество определений этого измерения человеческого сообщества. И все же большинство специалистов в области философии, политологии идентифицируют его с независимыми от государства общественными группами, так называемым «третьим сектором». В отличие от первого, который всегда и везде занимает государство, и второго, который возникает в странах с рыночной экономикой и представляет частный интерес, третий сектор аккумулирует в себе интересы различных общественных групп. Именно этот сектор, именуемый иногда как «некоммерческий» или «неправительственный», должен занимать заметное место в демократических сообществах в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, он создает пространство, на котором проявляется частный интерес, без которого не мыслима демократия.

Во-вторых, потому, что здесь естественным путем интегрируется частный интерес, который и призван, в конечном счете, защищать государство.

В-третьих, здесь формируются моральные ценности общества, конституируемые затем государством.

И, наконец, лишь этот сектор может осуществлять контроль граждан за исполнением государством своих обязанностей перед обществом.

Исходя из этого, проблема демократических трансформаций заключается именно в формировании этого сектора. Между тем, так называемый «демократический транзит», осуществляемый в нашей стране, во многом обходил это пространство. Большинство преобразований сводилось к ограничению влияния государства. Это вполне оправдано, учитывая роль, которую играло государство в прошлом. Вполне оправдано и то, что нужно было очистить поле для того, чтобы смог в полную силу

проявить себя частный интерес. Но, к сожалению, этому главным образом и сводился смысл всего, что происходило в нашей стране за последние годы. Государство теряло свои позиции во всех сферах и даже в тех, где его присутствие было вполне обоснованным.

Частный интерес стал доминировать во всем, даже в тех сферах, которые никогда ему всецело не принадлежали. Как результат, все, начиная от организации власти и заканчивая духовной жизнью, определялось зачастую не общественными интересами, а интересами отдельных лиц. Частный и государственный интересы сомкнулись, не оставив места для интересов общества.

Конечно, было бы неверным утверждать, что на политическом пространстве Украины нет места «третьему сектору». Более того, формально его границы все же расширяются, в пользу чего может свидетельствовать тот факт, что будущие выборы в представительные органы государства и местного самоуправления пройдут на пропорциональной основе. Но это отнюдь не означает, что реально возросло влияние «третьего сектора», ибо нельзя сводить его лишь только к политическим партиям хотя бы в силу двух причин.

Первое. Партии в их нынешнем виде зачастую не представляют общественный интерес. Это скорее тот же частный интерес, создающих их лиц, облекшийся в общественные одежды и использующий антураж общественных чаяний.

Второе. Государство лишь сделало вид, что уступает пространство, оставляя его гражданским институтам в виде партий. Но государственный характер многих партий очевиден как в порядке создания, так и в целях, которые преследует их появление на политической сцене.

Согласившись с этим, следует признать, что «третий сектор» если и существует, то во многом виртуально, ибо его реальное место фактически занимают государство и частный интерес, в силу своей природы не способные выполнить функции, осуществляемые в демократических странах неправительственными организациями. Государство если и находится под контролем, то, главным образом, опять же частных интересов. Частный интерес определяет характер моральных ценностей, их приоритет. Общество не способно сформулировать интересы всех составляющих его групп. Поэтому дальнейшие демократические трансформации, предполагают, на наш взгляд, в качестве первоочередных задач развитие именно «третьего сектора». При этом нужно понимать, что он включает в себя разные слои. Существует множество критериев для классификации всех субъектов, действующих на этой арене. Их можно классифицировать по целям, составу, содержанию деятельности, взаимодействию с государством, применяемым технологиям. И все же наиболее продуктивной представляется классификация по организационно – правовым признакам. Она включает следующие критерии:

1. Нормативно – правовой характер деятельности, определяющий место в политической системе.
2. Членство, закрепляющее устойчивость.
3. Учредительные документы, формализующие интересы.

С этой точки зрения «третий сектор» Украины можно было бы разделить на три большие группы:

- партии,
- легализованные общественные организации,
- неформализованные « группы интересов».

Каждая из этих групп требует индивидуальных подходов в определении своего места в демократическом процессе. Деятельность политических партий урегулирована законами. Партии сами формируют свои программные цели. Ими же определен порядок членства. Своеобразие ситуации заключается в том, что этот институт может поглотить другие составные гражданского общества. Есть большая опасность, что партии, не пользующиеся в обществе абсолютным доверием, попытаются представить себя единственным мандатарисом социума, в то время, когда общество всячески доказывает, что оно не нуждается в подобном посредничестве. Еще большая опасность заключается в том, что государство попытается увидеть в лице партий единственный канал связи с обществом, позволяющий ему отслеживать температуру общественных настроений.

Симптоматичным в этом плане выглядит то, что в изданном Национальным институтом стратегических исследований фундаментальном труде, “Стратегія розвитку України: теорія та практика”, где обстоятельно изложены все внутривластные аспекты развития, в том числе роль политических партий в системе властных отношений, очень мало говорится о роли других (за исключением религиозных) объединений граждан.

] Между тем об их влиянии на политический процесс свидетельствует тот факт, что в ряде европейских стран, а также США, Канаде на государственном уровне созданы Национальные советы некоммерческих организаций. В Англии, например он объединяет 650 неправительственных организаций.[5]

Даже в странах с развитой партийной системой и устойчивыми демократическими традициями многие ученые говорят, что политические партии переживают свой закат, унавозив ту почву, на которой должны взойти другие институты гражданского общества.[2] В нашем же случае, наоборот, партии активно экспроприруют то, что по праву принадлежит неполитическим организациям. Проблемы экологии, языка, культуры, веры стали беспощадно эксплуатироваться партиями, что, с одной стороны, привело к девальвации многих ценностей, а с другой обезоружило общественные некоммерческие организации. Классическим примером может стать экологическое движение в Украине, которое при сохранении всей остроты проблем уже не привлекает к себе прежнего интереса граждан. Как представляется, сегодня не партии нуждаются в защите от диктата государства, а общество в защите от диктата партий.

Вторая группа, на наш взгляд, требует определения четких задач и пределов своей компетенции. Сегодня ни государство, ни общественные организации не могут определить границы своих полномочий в своих взаимоотношениях и в равной мере страдают оттого, что каждый из них не может сказать друг другу, что они хотят и что могут. Религиозные организации требуют решения своих проблем. Национальные – своих. Профессиональные настаивают на том, что лишь они способны отражать интересы большей части населения. У государства же нет механизмов, способных учесть все эти мнения. Оно перегружено грузом социальных проблем и

под этим предлогом просто уходит от их решения. Большинство же создаваемых общественных организаций не разгружают государство от непосильного балласта социальных проблем, а ставят перед ним новые.

И все же самая большая проблема связана с существованием так называемых корпоративных «групп интересов». Их влияние на политический процесс сегодня весьма существенно. Но, вместе с тем, их деятельность законодательно практически никак не урегулирована. Членство в них является условным, но гораздо более весомым, чем, скажем, в партии. Их задачи определяются не декларативными, а вполне реальными целями, которые публично не обнародуются. На них практически не способно воздействовать ни государство, ни общество. Все это делает эти группы очень значимыми теневыми акторами в политическом процессе. Однако их деятельность, по сути, сегодня остается «terra incognita» и не подчинена законам. Лоббирование интересов тех или иных финансовых или региональных групп вполне естественно для демократии. Лоббизм можно рассматривать как компонент экономической и политической систем, их институциональную, нормативную, коммуникационную, культурную форму, важную составляющую политического процесса. Это постоянная корректировка деятельности органов власти в соответствии с динамикой интересов различных социальных групп и слоев гражданского общества, чем обеспечивается их гибкое взаимодействие, взаимоприспособление. [3] Но и общество, и государство должны иметь механизмы, обеспечивающие контроль, чтоб все имели равные возможности и всеми соблюдались определенные правила. В противном случае именно гражданское общество и порождает благоприятную почву, на которой может сформироваться диктат одной группы.

Безусловно, жизнь дает определенные основания для отказа от упрощенных представлений, романтических увлечений концепцией гражданского общества, как едва ли не олицетворения подлинной демократии и единственного механизма ее достижения. Наряду с бесспорным вкладом, нельзя не видеть и определенной напряженности, которую создает гражданское общество, если оно вытесняет государство из его традиционных сфер. Нередко объединяющей силой в формировании многих неформальных организаций, образующих структуру гражданского общества, является не столько желание граждан ограничить стремящуюся к бесконтрольности власть, сколько противопоставление одной части населения другой по каким-либо (в том числе национальным) признакам. Примером этого может стать возникновение казачества в Крыму. Развитие гражданских институтов нередко влечет за собой не столько структуризацию общества, сколько его фрагментацию.

Далеко не всегда интересы тех или иных общественных групп направлены на устранение пороков, изъянов демократии. Некоторые из них лишь используют слабость государственной власти для достижения своих узкоэгоистических целей, определенных выгод.

Но причина такого положения все же не столько в неэффективности этих институтов, сколько в правовой неопределенности их положения, в отсутствии четких правил взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Последние могут способствовать развитию демократии, если будут выработаны четкие принципы их взаимоотношений с государством. Они могли бы включать несколько

моментов:

- институты гражданского общества не должны подменять собой государственные институты;
- государство не должно перекладывать свои функции на общественные формирования;
- общественные формирования не должны пытаться выступать от лица всего общества, они являются лишь представителями отдельных, пусть даже весьма значительных, групп;
- от имени всего общества может выступать лишь государство;
- государство должно выработать механизм учета всех мнений и действовать в интересах всех граждан, не потакая эгоистичным интересам отдельных групп;
- во всем должна прослеживаться взаимозаинтересованность сторон в решении социальных проблем;
- все взаимоотношения гражданских и государственных институтов должны быть урегулированы правом;
- гражданские институты могут добиваться изменения тех или иных законов, но не переступать их.

Главное же заключается в том, что гражданское общество в своем стремлении к реальному решению своих проблем должно быть заинтересовано в сильном государстве, и равно в той же мере стремящееся стать действительно сильным государством должно иметь дело с сильными институтами гражданского общества.

Литература

1. Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 166
2. Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна : Феникс. 2001. – С. 462
3. Ильичева Л. Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000. – С. 98
4. Актуальные проблемы политики и политологии в России. – М., 2001. – С. 93
5. Стратегії розвитку України: теорія та практика. К., 2002. – с. 816
6. Україна: стратегічні пріоритети. Аналітичні оцінки. – К., 2003. – с. 253

Поступило в редакцию 20 сентября 2004 г.

УДК 323.174

В.П. Рогатин

РЕГИОН ГОСУДАРСТВА КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Конец XX века ознаменовался появлением относительно новой политической реальности – активными участниками политической жизни стали регионы, входящие в состав отдельных государств. Если для периода XIX–XX вв. характерно наращивание государством «мускул централизации», усиление властного потенциала центральной государственной власти, то конец XX века породил новые тенденции. Процессы автономизации, федерализации, расширения прав регионов весьма широко представлены среди современных политических процессов, и, скорее всего, представляют собой новый политический тренд. Более того, регионы государств активно выходят на арену международной жизни. Все это подчеркивает актуальность изучения тенденций изменения роли внутригосударственных, субнациональных региональных образований во внешнеполитических процессах, требует концептуализации понятия региона государства как участника международных отношений, анализа условий и возможностей его внешнеполитической активности.

Цель настоящего исследования – рассмотреть общие концептуальные основания участия региона государства во внешнеполитических процессах в свете, во-первых, изменений, происходящих в международных отношениях и роли, которую играют в них государства и, во-вторых, формирования эффективной модели регионального управления.

Международная жизнь на рубеже второго и третьего тысячелетий во многом характеризуется двумя процессами. Первый актуальный – это глобализация. Второй, его можно охарактеризовать как нарастающую тенденцию, это постепенный распад вестфальской системы международных отношений. Более трех столетий государство прочно удерживало монополию на статус основного актора международной жизни. Вторая половина прошлого столетия ознаменовалась ростом международного влияния иных политических субъектов [1]. Рост значимости международных отношений, увеличение их «удельного веса» в деятельности государства привели к тому, что данная сфера стала достоянием более широкого круга политических акторов. Еще в 90-е гг. В. Кремень и В. Ткаченко справедливо отметили, что повсеместно государство сдает свои позиции региональным и транснациональным силам [2, с.16].

Для современного мира характерна тенденция «размывания» суверенитета государства как бы размывается: ряд властных функций «уходит» вверх – к транснациональным субъектам. Рост значимости органов управления международных организаций очевиден и не требует дополнительного освещения. И. Валлерстайн справедливо подчеркивает, что одновременно с дезинтеграцией системы суверенитета и

межгосударственных отношений происходит утрата легитимности государственной власти [3, с.102-104]. В этих условиях актуальность приобретает поиск новых объектов легитимации, а, вместе с ним, и расширение числа акторов, претендующих на исполнение функций центральной государственной власти. В 90-е гг. XX века во многом окончательно был подорван монополизм государства на осуществление и управление международными отношениями. В Европе эти процессы начались еще раньше – сразу после второй мировой войны [4, с.136] и, в настоящее время, являются неотъемлемой частью политики Евросоюза.

В соответствии с трансформациями поля внешней политики, постмодернистская теория международных отношений постулирует плюрализм акторов международной жизни. Среди новых субъектов внешнеполитической активности, как правило, в первую очередь называют транснациональные корпорации, затем международные социальные и религиозные организации. Изучению проблемы участия субнациональных регионов в международной жизни уделяется значительно меньше внимания.

Деятельность Комитета регионов при Еврокомиссии, «Европа регионов» сформировали новую реальность, в рамках которой национальные государства теряют свои традиционные позиции. В прямом участии субнациональных регионов в работе структур Евросоюза видят один из путей легитимизации европейской интеграции [5, с.90]. В декларации Ассамблеи регионов Европы «О регионализме в Европе», принятой в 1996 г. прямо подчеркивается, что ее регионы являются неотъемлемым элементом строительства единой Европы. Активное участие регионов европейских государств в общеевропейских процессах подчеркивает «размывание» государства как основного актора внешней политики. Еще в 90-х гг. XX в. по данным социологических опросов три четверти европейцев высказывались за активное участие субнациональных регионов в общеевропейской политике [6, с.28]. По-видимому, данный феномен, как и иные интегративные процессы, найдут свое воплощение в общемировых тенденциях. Ярким примером самостоятельной внешнеполитической активности региона является Квебек, по отношению к его действиям на международной арене канадскими исследователями был даже разработан термин «парадипломатия», под которой понимается деятельность дополняющая, дублирующая или даже исправляющая общегосударственную дипломатию.

Если же обратиться к истории международных отношений, то обнаружится, что данные процессы не открывают нам ничего абсолютно нового. В средневековой Европе такая плюралистичность акторов международной жизни была в порядке вещей. Католическая церковь представляла собой транснациональную политическую и идеологическую организацию, способную регулировать и направлять внешнеполитическую активность суверенов (крестовые походы – наиболее яркий пример). Рыцарские монашеские ордена нередко являлись могущественной финансовой и политической силой. Ганзейский союз включал в себя как «вольные» города, так и подчиненные власти государств. Обычным явлением были самостоятельные внешнеполитические акции могущественных вассалов. На заре нового времени конкуренцию государствам составляли торговые колониальные кампании (например, Остиндийская кампания в Англии), которые будучи акционерными обществами обла-

дали значительной самостоятельностью во внешнеэкономической и колониальной политике.

Выход на арену международных отношений «субнациональных» акторов справедливо связывают с процессами глобализации и интеграции, поскольку одним из аспектов глобализации являются процессы трансграничной регионализации [7, с.81-82]. Священные ранее границы государства, «рубежи державы» становятся все более и более транспарентными, что привносит новые смыслы в соотношение внутренней и внешней политики. Если регион государства является приграничным, то это стимулирует его внешнеполитическую активность. Хотя, конечно, данное положение нельзя считать общеобязательным. Так в Российской Федерации самыми открытыми с точки зрения внешнеполитической деятельности считаются Республика Татарстан, Саха-Якутия, Нижегородская область [там же, с.78]. Тем не менее, необходимо признать, что именно приграничное сотрудничество в настоящее время является для регионов государств наиболее развитой формой международных отношений.

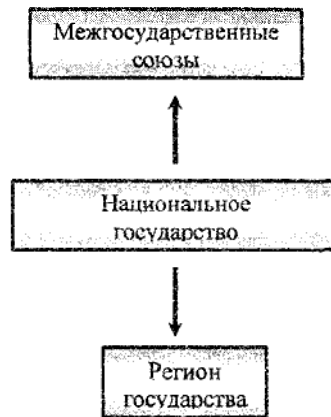
В глобализированной экономике зачастую возникают проблемы, решение которых требует практической реализации элиминативных тенденций по отношению к существующим государственным границам. Интеграционные межгосударственные процессы нередко продвигаются за счет регионов, выполняющих роль своеобразных «мостов». Украина, которая, прямо скажем, не входит в число лидеров как в сфере внешнеполитической активности, так и в области развития региональной политики, в лице своих приграничных областей является участником многих межрегиональных европейских организаций: Карпатский Еврорегион, Еврорегион «Бут», Еврорегион «Верхний Прут», Еврорегион «Нижний Дунай» [8]. Широко представлено межрегиональное сотрудничество приграничных областей Украины и России.

Возможность более активного участия субнациональных регионов в международных отношениях обусловлена во многом тем, что в современной внешней политике все большую роль начинают играть культурные факторы. Утверждение, что международные отношения все больше структурируются в плоскости культурных и цивилизационных различий стало общим местом анализа специфики современности. Если, начиная с XIX века, национальное государство было наиболее ярким политическим воплощением культурной специфики, то конец XX века стал началом нового этапа структурирования международной культурной реальности. С. Хантингтон показал, что интегративные процессы, как правило, протекают в сфере общей культурно-цивилизационной принадлежности, политические конфликты, наоборот, концентрируются в области цивилизационного пограничья. Какова же роль регионов в данной тенденции? Культурная специфика концентрируется на уровне, максимально приближенном к социальным действиям и, поэтому, субнациональный регион выступает более четко выраженным носителем культурных качеств, чем национальное государство. С другой стороны, интегрированные государственные объединения более четко выражают качества цивилизационной принадлежности. Таким образом, на уровнях субнациональном и межгосударственной интеграции концентрируется культурно-цивилизационный креатив, национальное государство в данном контексте превращается в менеджера, роль которого сводится уже не к фор-

мированию международных отношений, а к их регулированию.

Изменения, происшедшие в данной сфере можно выразить в схемах:

XIX – XX вв. – классическая схема

Конец XX – начало XXI вв. -- новое соотношение

В классический период модерного национального государства именно оно выступало основным агентом международных отношений, было своеобразным центром тяжести, формируя межгосударственные союзы и определяя параметры активности регионов (если таковая вообще имела место). Нынешняя эпоха даст нам гораздо более динамичную систему, обнаруживающую тенденции более разнообразного взаимодействия субъектов международных отношений. Фактов, когда субнациональный регион становится причиной внешнеполитических действий, не являясь при этом объектом территориальных притязаний, когда регионы напрямую апеллируют к международным организациям в последние десятилетия более чем достаточно.

Первоначальные трансформации системы международных отношений во второй половине XX века придавали ей более иерархичный характер: над системой «национальное государство – субнациональные регионы» надстраивался еще один этаж в виде наднациональных военно-политических и экономических союзов. Изменения, произошедшие в конце XX века трансформировали характер системы международных отношений с иерархического на сетевой, тем самым попав в русло общемировых тенденций формирования систем управления.

При этом, поскольку субнациональный регион ограничен в средствах внешнеполитического воздействия, он вступает в особые отношения с центром: с одной стороны, требует учета собственных приоритетов в общегосударственной внешней политике, с другой, может сам выступать выразителем общегосударственных интересов. Такая диалектическая система отношений естественно представляет собой во многом идеализированную модель. На практике внешнеполитическая активность региона – это нередко потенциальное поле конфликта с центром. Но понимание тенденций роста значимости субнациональных регионов в международных отношениях способно не только снижать уровень конфликтности в отношениях регионов и центра, а и наращивать внешнеполитический потенциал государства в целом. Другими словами, снижение значимости международной роли государства может быть компенсировано субнациональными регионами в интересах всей нации, но это требует, в свою очередь, взвешенной региональной политики центра.

В результате конституирования регионов государств как активных субъектов международных отношений, они нередко становятся объектами влияния государств, претендующих на гегемонию. То есть, регион может быть не только субъектом международной политики, но и объектом приложения внешнеполитических усилий влиятельных акторов международных отношений. Но, став объектом, регион, если он является достаточно самостоятельным политическим актором, должен формировать собственные усилия в данном направлении, то есть стать субъектом международных отношений.

Таким образом, условиями и причинами роста влияния регионов в международной жизни являются, во-первых, увеличение значимости международных отношений и разнообразия участвующих в них акторов, во-вторых, «размывание» суверенитета государства и границ между внутренней и внешней политикой, в-третьих, усиление во внешней политике культурно-цивилизационных факторов.

Но данные причины не только трансформируют сферу международных отношений, они требуют формирования новых подходов во внутренней политике, выстраивания иной системы отношений центральной государственной власти и территорий. Отсутствие изменений в данной области неизбежно приведет к конфликтам центра и регионов. Поскольку государство пока все же остается основным агентом политической жизни, оно призвано формировать внутривнутриполитические условия, позволяющие наиболее успешно реализовывать описанные выше тенденции.

Властная, как и любая другая организационная деятельность, может осуществляться на трех уровнях, имеющих иерархический характер. Первый – инструментальный уровень, на котором происходит решение текущих проблем, реализация конкретными методами наличных целей. Второй – уровень концептуального целе-

полагания. На данном уровне формулируются отдельные цели, отвечающие общей целевой концепции. Третий уровень – смысловой. Здесь имеющиеся цели связываются в единый смысловой континуум, определяющий их сочетание, иерархию и значимость. Очевидно, что третий уровень является важнейшим. Очевидно и другое – далеко не всегда государственной власти удается работать на данном уровне. Впрочем, бывают ситуации, когда не удается подняться и на второй уровень. Судьба такого государства плачевна.

Сохранение единства государства требует, чтобы распределение властных полномочий между регионами и центром происходило таким образом, чтобы центр находился на один уровень выше. Поэтому центральная власть находящаяся на первом уровне в принципе не может ничего дать регионам и способна только использовать их как подсобные инструменты. Поэтому то и плачевна судьба такой власти. Если власть достигла второго уровня, то она предоставляет регионам инструментальную власть, выделяя им некоторую самостоятельность и ресурсы (региональная политика осуществляется по принципу: «на местах виднее, как решать местные проблемы»). Лишь центральная власть достигшая третьего уровня способна позволить регионам собственное целеполагание и самостоятельную активность по реализации поставленных целей. Она принимает регионы как ценность, способную увеличить ценность самого государства и признает за ними право на саморазвитие. Успешность и эффективность такого государства определяется способностью власти видеть на шаг вперед, связывать в единое смысловое целое цели и интересы отдельных регионов.

Таким образом, внутренними условиями реализации субнациональными регионами собственной внешнеполитической активности в первую очередь являются наличные параметры государственного строительства и региональной политики. Навивно было бы предполагать серьезную внешнеполитическую активность областей Беларуси или Узбекистана. Что бы мы не говорили о возрастающей роли регионов, пока это лишь тенденция. Государство, центральная власть еще достаточно долго будет обладать достаточными ресурсами, способными держать активность ее территорий под контролем, определять параметры и направленность такой активности.

С другой стороны, иницилирующая международная деятельность регионов должна базироваться не только на определенной региональной политике государства, но и на собственных характеристиках субнационального региона. Исследования международных аспектов российского регионализма раскрыли его основные причины:

- неэффективная региональная политика центра, особенно асимметрия в сфере бюджетно-финансовых отношений;
- идеологическая ориентация региональных, как правило этнонациональных лидеров;
- специфика экономики – экспортная ориентация отдельных регионов [7, с.83-84].

Думается, что данную концептуальную схему можно применять (с известной долей корректировки) не только к российской реальности.

Анализ, предложенного набора детерминирующих факторов показывает, что

лишь один из них (последний) можно полностью оценить как чисто экономический, при этом, в исследованиях региональной специфики первенство зачастую отдается именно экономическим факторам. Первая причина указывает главным образом не на экономику, а на политику и региональное самосознание, она носит скорее репрезентативный характер: подразумевает наличие представлений о том, что «нас объединяют». Вторая причина в наибольшей степени поддается корректировке в зависимости от специфических условий конкретного субнационального региона. Идеологическая ориентация может основываться не только на этнических факторах, но и на религиозных, исторических, цивилизационных. Кроме того, удивление вызывает то, что российские исследователи учитывают только идеологические ориентации региональных лидеров. Думается это достаточно характерный факт, указывающий на специфику современной российской политической культуры. Нам кажется, что более решающим фактором в условиях демократического общества являются преобладающие идеологические ориентации не регионального лидера, а всего населения региона и репрезентирующей его элиты, в широком смысле этого слова.

Поскольку первая причина, как указывалось выше, подразумевает определенное самосознание, то можно в качестве еще одного фактора, способного определять параметры и направленность активности субнационального региона, в том числе и внешнеполитической, указать региональное самосознание. Реальное участие региона в международных отношениях (а не «побратимские», парадно-банкетные мероприятия на уровне региональной знати) требует наличия представлений, подразумевающих признания права региона на такую рода деятельность, отражающих уровень приоритетности различных внешнеполитических задач, а самое главное, представлений о регионе как самостоятельном субъекте политических процессов. Именно опора на такое самосознание может стать главным источником самостоятельной активности субнационального региона. Репрезентативные основы собственной региональной политики не могут ограничиваться только самосознанием. Конкретизация внешнеполитической деятельности любого субъекта международных отношений, помимо соответствующего самосознания, требует и наличия определенной картины мира, специфизированной в данном контексте. Именно наличие такой картины сделает международную активность субнационального региона последовательной и согласованной с внешней политикой государства. Поскольку самостоятельное участие в международной жизни отдельных регионов с традиционной точки зрения дело новое и, поэтому, еще не вполне легитимное, то оно требует гораздо большей взвешенности и последовательности. Этого требует и то, что у субнациональных регионов пока весьма ограничен набор инструментов реализации внешней политики.

Таким образом, условиями участия субнационального региона в международной жизни в качестве относительно самостоятельного субъекта является, во-первых, наличие у государства соответствующей региональной политики, во-вторых, обладание населением и региональной элитой соответствующим и картиной мира, включающей в себя, в том числе, и идеологические, в широком смысле этого слова, приоритеты, в-третьих, экономическая целесообразность внешнеполитической активности (экспортная направленность региона, включенность его в глобальные эконо-

мические процессы и т.п.).

На основе проделанного анализа можно спрогнозировать, что в XXI веке самостоятельность субнациональных регионов в международных отношениях получит свое дальнейшее развитие. Регионы будут все больше вращаться в международное сообщество в качестве его активных субъектов. Вполне реалистичным видится прогноз о том, что будет возрастать количество международных актов с участием регионов, как правило в виде партнерских соглашений между регионами различных стран [9, с.108]. С другой стороны, эти процессы потребуют от международного сообщества усилий, направленных на выработку специфических норм, принципов и механизмов, которые позволят максимально эффективно использовать потенциал регионов в создании новой системы международных отношений.

Литература.

1. Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы. – М.: Гардарики, 1998. – С. 222 – 239.
2. Кремень В., Ткаченко В. Україна в контексті глобалізму. – К.: ДрУк, 1998. – 61 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века: пер. с англ. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
4. Ватульян Ф.В. Регион в процессе становления современной системы международных отношений // Глобализация и регионализм: Черномор. регион. Балканы / РАН. Ин-т Европы, Кубан. гос. ун-т. Совет средиземномор. и черномор. пробл.; Ред. совет: В.В. Журкин (пред.) и др. - М.: Интердиалект+, 2001. – С.136-141.
5. Кононов И.Ф. Глобализация и регионализация в современном мире // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2001. – С. 87- 91.
6. Семенов И. Группы интересов в Европейском союзе: региональный аспект // Мировая экономика и международные интересы, 1998, №4. - с.26-34.
7. Марен А. В поисках европейской идентичности: парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Ин-т сравн. политологии, Рос. ассоц. полит. науки. - М., 2002. - 2002, N 1: Современное состояние. Тенденции и перспективы. – С. 78-100.
8. Ткач Д.И. Трансграничное сотрудничество: украинское измерение // Діалог цивілізацій: нові принципи організації світу: Матеріали всесвітньої конференції. Київ, 24 травня 2002 р. – К.: МАУП, 2002. – С. 175-179.
9. Ковальский Н.А. О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм: Черномор. регион. Балканы / РАН. Ин-т Европы, Кубан. гос. ун-т. Совет средиземномор. и черномор. пробл.; Ред. совет: В.В. Журкин (пред.) и др. - М.: Интердиалект+, 2001. – С.99-112.

АННОТАЦИИ

Чемшит А. А. Культурно-цивилизационный кризис Запада // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 3-19

В статье рассматривается современное западное общество сквозь призму системообразующих факторов. Анализируя весь спектр проблем, с которыми в последнее время сталкивается Запад, автор приходит к выводу, что сегодня в американском обществе существует серьезная угроза культурно-цивилизационного кризиса.

Ключевые слова: политическая система, христианские ценности, социальные группы.

Кузьмин П. В. Политическая деятельность: сущность и характерные признаки // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 20-25

Статья направлена на выявление сущности политической деятельности, ее структуры, целей и признаков. Автор анализирует отечественные подходы к определению политической деятельности с целью детального изучения этого вопроса.

Ключевые слова: политическая деятельность, социальная группа.

Арудое М. С. Социокультурные параметры гражданского общества // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 26-32

Рассмотрению социума в единстве и взаимосвязи трех подсистем: личности, культуры и институтов социальной организации посвящена статья М.С. Арудоева. Такой подход, с точки зрения автора, позволяет изучать гражданское общество как идеальный конструкт и как реальный феномен.

Ключевые слова: гражданское общество, личность, культура, социальная организация.

Лысюк А. И. Социокультурная детерминация политического лидерства // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 33-42

Статья посвящена исследованию социокультурных детерминант политического лидерства с точки зрения целостного феномена, имеющего универсально-исторический характер. При этом особое внимание уделяется понятию «культура», которое пронизывает все структурные компоненты феномена политического лидерства.

Ключевые слова: политическое лидерство, культура, политическая культура

Филатов А. С. Public Relations в избирательной кампании: теоретические обоснования практической деятельности // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 43-50

Анализу установления взаимодействия двух сторон – политического актора и избирателя в ходе выборной кампании посвящена статья А.С. Филатова. Именно эффективное использование Public Relations в избирательной кампании способствует установлению обратной связи с избирателем, и, что самое главное, вовлечению в процесс социально-политического взаимодействия. Особое внимание в статье уделяется описанию критериев информационного обеспечения выборной кампании, а также техники позиционирования.

Ключевые слова: Public Relations, выборная кампания, социальные отношения, позиционирование.

Хан Е. А. Моделирование политического пространства: возможности практического применения теоретических подходов // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 51-62

Е. А. Хан анализирует существующие подходы к типологии политических сил, уделяя особое внимание реалиям украинского и крымского политического пространства. Посредством методов статистического анализа автор рассматривает возможность создания динамичных моделей, способствующих выявлению основных мотивов, определяющих политический выбор избирателей.

Ключевые слова: типология политических сил, модель, политическое пространство, партия.

Дрёмов А. А. Особенности региональных печатных СМИ Крыма: вопросы методологии и анализа // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 63-74

Крымские печатные СМИ играют важную роль в современной политической, экономической и социальной жизни полуострова. В статье автор представляет метод анализа печатных СМИ и исследует основные показатели печатных СМИ в Крыму. Автор исследует экономические, технические и содержательные особенности крымских газет. Исследование охватывает период 1993 – 2003 гг.

Ключевые слова: политическая коммуникация, печатные СМИ.

Стулов И. В. Коммуникация Верховной Рады АРК во II квартале 2003 года // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 75-82

В статье анализируется структура коммуникации ВР АРК. Автор предлагает новую методику описания модели коммуникации политических акторов. Аналитически глобальное социальное пространство можно представить в виде нескольких институциональных уровней: уровень международных и транснациональных организаций; уровень суверенных государств; уровень регионов суверенных государств; уровень субрегионов суверенных государств. При анализе коммуникации политических акторов, фиксируется локализация их партнеров в рамках социального пространства. В результате использования такой методики стало возможным количественное описание параметров взаимодействия акторов различных уровней глобального социального пространства с представительным органом власти АРК.

Подобная исследовательская техника позволила операционализировать степень и параметры «открытости» регионального парламента в рамках национального государства и в рамках глобального социального пространства.

Ключевые слова: ВР АРК; политическая система АРК; политическая коммуникация; теория глобализации.

Горенкин В. А. Этнополитический конфликт: методология анализа // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 83-89.

Проблемное поле статьи охватывает широкий круг вопросов: проблема определения этнополитического конфликта, власть и этнополитика, международно-правовое толкование этнических конфликтов. В работе дается четкое структурирование различных конфликтов (социальные, этнические, этнополитические), уровни их реализации и измерения. Больше внимание уделяется практическим примерам этнополитических конфликтов, приводится анализ конфликтной ситуации, возникшей в Советском Союзе, дается четкий анализ ее развития и протекания конфликта, не оставлен в стороне и западноевропейский опыт.

Номимо теоретического и практического описания статья содержит методологические рекомендации по изучению этнополитических конфликтов. Автор подчеркивает необходимость использовать более глубоко системный анализ и «политический подход».

Ключевые слова: политическая конфликтология, этнополитический конфликт, конфликт, этнический конфликт, сепаратизм, этнополитика, нация, этнос.

Гаспарян М. В. Сравнительный анализ мониторинговых систем социально-политических процессов // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 90-100.

В статье рассматриваются все более приобретающие популярность системы мониторинга социально-политических процессов. Приводятся результаты проведенного автором сравнительного анализ некоторых из них.

Ключевые слова: мониторинг, предупреждение, прогноз, индикатор, конфликт.

Муратова Э. С. Возрождение ислама в контексте государственной политики Украины // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 101-106.

В статье затрагивается ряд проблем государственно-исламских взаимоотношений в Украине и Крыму, связанных с отсутствием целостной концепции данных отношений. Предлагается ряд положений, которые могли бы стать составными компонентами данной концепции.

Ключевые слова: ислам, государство.

Сомов М. В. Методы исследования политической коммуникации // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 107-116.

Статья посвящена методам исследования политической коммуникации. Рассматриваются проблемный, трехуровневый и системно-кибернетические метода анализа политико-коммуникативной сферы. Также приводятся данные исследования, проведенного автором.

Ключевые слова: метод, методология, политическая коммуникация.

Сьедин Н. А. Проблемы развития институтов гражданского общества и их взаимодействия с государством в условиях демократических трансформаций // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 131-135.

Статья посвящена формированию гражданского общества и его взаимодействию с государством. Рассмотрены основные принципы взаимодействия гражданских и государственных институтов. Показано, что нарушение этих принципов как с одной, так и с другой стороны отрицательно сказывается на становлении демократии.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, демократия, политические институты, партии, группы интересов, лоббизм.

Рогатин В. П. Регион государства как субъект внешнеполитических процессов // Ученые записки ТНУ. Серия: Политические науки. 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 136-143.

В статье проведен анализ условий и возможностей реализации регионом государства активной международной политики. Рассматриваются как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы, влияющие на участие региона в системе международных отношений. Данными условиями являются: рост разнообразия акторов международной жизни, усиление во внешней политике культурно-цивилизационных факторов, снижение степени суверенности государства, формирование региона как самостоятельного субъекта политических процессов.

АНОТАЦІЇ

Чемшиш О. О. Культурно-цивілізаційна криза Заходу // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 3-19

В статті розглядається сучасне західне суспільство крізь призму системо-складових факторів. Аналізуючи весь спектр проблем, з якими останнім часом стикається Захід, автор приходить до висновку, що сьогодні в американському суспільстві існує серйозна загроза культурно-цивілізаційної кризи.

Ключові слова: політична система, християнські цінності, соціальні групи.

Кузьмин П. В. Політична діяльність: сутність і характерні ознаки // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 20-25

Стаття спрямована на вияв сутності політичної діяльності, її структури, мети і ознак. Автор аналізує вітчизняні теорії до визначення політичної діяльності з метою детального вивчення цього питання.

Ключові слова: політична діяльність, соціальна група.

Арудов М. С. Соціокультурні параметри громадянського суспільства // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 26-32

Розгляду соціуму в єдності та взаємозв'язку трьох підсистем: особистості, культури та інститутів соціальної організації присвячена стаття М.С. Арудова. Цей підхід, з точки зору автора, надає змогу вивчати громадянське суспільство як ідеальний конструкт і як реальний феномен.

Ключові слова: громадянське суспільство, особистість, культура, соціальна організація.

Лисюк А. І. Соціокультурна детермінація політичного лідерства // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 33-42

Стаття присвячена дослідженню соціокультурних детермінант політичного лідерства з точки зору цілісного феномену, що має універсально-історичний характер. При цьому особливу увагу приділяється поняттю “культура”, що пронизує всі структурні компоненти феномену політичного лідерства.

Ключові слова: політичне лідерство, культура, політична культура.

Філатов А. С. Public Relations у виборчій кампанії: теоретичне обґрунтування практичної діяльності // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 43-50

Аналізу встановлення взаємодії двох сторін – політичного актора та виборця під час виборчої кампанії присвячена стаття А.С. Філатова. Саме ефективне використання *Public Relations* в виборчій кампанії сприяє встановленню зворотнього зв'язку з виборцем, і найголовніше залученню до процесу соціально-політичної взаємодії. Особлива увага в статті надається опису критеріїв інформаційного забезпечення виборчої кампанії, а також техніці позиціонування.

Ключові слова: Public Relations, виборча кампанія, соціальні відносини, позиціонування.

Хан. Є. А. Моделювання політичного простору: можливості практичного застосування теоретичних підходів // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 51-62

Автор аналізує істотні підходи до типології політичних сил, надаючи особливу увагу реаліям українського і кримського політичного простору. Засобами статистичного аналізу автор розглядає можливість створення динамічних моделей, що сприяють виявленню основних мотивів, що визначають політичний вибір електорату.

Ключевые слова: типологія політичних сил, модель, політичний простір, партія.

Дрьомов О. А. Особливості регіональних друкованих ЗМІ Криму: питання методології й аналізу // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 63-74

Кримські друковані ЗМІ грають важливу роль у сучасному політичному, економічному та соціальному житті. У статті автор презентує метод аналізу друкованих ЗМІ та досліджує основні показники друкованих ЗМІ в Криму. Автор досліджує економічні, технічні та змістовні особливості кримських газет. Дослідження охоплює період 1993 – 2003рр.

Ключові слова: політична комунікація, друковані ЗМІ.

Стулов І. В. Комунікація Верховної Ради АРК в II кварталі 2003 року // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 75-82

У статті аналізується структура комунікації кримського парламенту. Автор пропонує новий підхід до вивчення моделі комунікації політичних акторів. Аналітично глобальний соціальний простір може бути уявлений як кілька інституційних рівнів: рівень міжнародних та транснаціональних організацій, рівень суверенних держав, рівень регіонів суверенних держав та рівень субрегіонів суверенних держав. Під час аналізу комунікації політичних акторів, фіксується локалізація їх партнерів у межах соціального простору. В результаті використання цієї методики стало можливим кількісне описання параметрів взаємодії акторів різних рівнів глобального соціального простору з представницьким органом влади АРК.

Ця техніка дослідження дозволила операціоналізувати ступінь і параметри «відкритості» регіонального парламенту в рамках національної держави і в межах глобального соціального простору.

Ключові слова: ВР АРК; кримська політична система; політична комунікація; теорія глобалізації.

Горенкин В. А. Етнополітичний конфлікт: методологія аналізу // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 83-89

Проблемне поле статті охоплює широке коло питань: проблема визначення етнополітичного конфлікту, влада та етнополітика, міжнародне-правове тлумачення етнічних конфліктів. У праці подається чітке структурування різноманітних конфліктів (соціальні, етнічні, етнополітичні), рівні їх реалізації та виміру. Велика увага приділяється практичним прикладам етнополітичних конфліктів, подається аналіз конфліктної ситуації, що виникла в Радянському Союзі, дається чіткий аналіз її розвитку та течії конфлікту, не залишений осторонь також і західно-європейський досвід.

Крім теоретичного та практичного опису стаття містить у собі методологічні рекомендації по вивченню етнополітичних конфліктів. Автор підкреслює необхідність використовувати більш глибого системний аналіз і “політичний підхід”.

Ключові слова: політична конфліктологія, етнополітичний конфлікт, конфлікт, етнічний конфлікт, сепаратизм, етнополітика, нація, етнос.

Гаспарян М. В. Порівняльний аналіз моніторингових систем соціально-політичних процесів // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 90-100

В статті розглянуті системи моніторингу соціально-політичних процесів, що стають все більш популярними. Наводяться результати дослідження, що було проведено автором.

Ключові слова: моніторинг, попередження, прогноз, індикатор, конфлікт.

Муратова Е. С. Відродження ісламу в контексті державної політики України // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 101-106

В статті окреслюється низка проблем державно-ісламських взаємовідносин в Україні та Криму, пов'язаних з відсутністю загальної концепції цих відносин. Пропонується низка положень, які можуть стати складовими частками цієї концепції.

Ключові слова: іслам, держава.

Сомов М. В. Методи дослідження політичної комунікації // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 107-116

Стаття присвячена методам дослідження політичної комунікації. Розглядаються проблемний, трьохрівневий та системно-кібернетичні методи аналізу політико – комунікативної сфери. Також надаються данні дослідження, що були проведені автором.

Ключові слова: метод, методологія, політична комунікація.

С'єдін М. О. Проблеми розвитку інститутів громадянського суспільства і їх взаємодія з державою в умовах демократичних трансформацій // Вчені записки ТНУ. Серія: Політичні науки, 2004. – Т. 17 (56). №1. – С. 131-135

Стаття присвячена формуванню громадянського суспільства і його взаємодії з державою. Розглянуто основні принципи взаємодії громадянських і державних інститутів. Продемонстровано, що порушення цих принципів як з одного, так і з іншого боку негативно впливають на становлення демократії.

Ключові слова: громадянське суспільство, держава, демократія, політичні інститути, партії, групи інтересів, лобізм.

SUMMARY

Chemshit A. A. Culture and Civilization Crises of the West // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 3-19

Modern Western society has been described in the light of system-composed factors. Analysing all range of problems, which the West is faced with, author came to a conclusion that there is a serious threat of culture-civilization crises in contemporary American society.

Key words: Political System, Christian Valuable, Social Group.

Kuzmin P. V. Political Activity: Essence and Ground Features // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 20-25

The article aimed to exposure meaning of political activity, its structure, goal and features. Author analysed Home theories on the problem to research it deeper.

Key words: Political Activity, Social Group.

Arudov M. S. Socio-cultural Operation Factors of Civil Society // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 26-32

Examination of *socium* in unity and correlation of three sub-systems: person, culture and social institutions M. Arudov's article is dedicated. This concept as the author said gives opportunity to study *Civil Society* as both an ideal construct and a real phenomenon.

Key words: Civil Society, Person, Culture, Social Organisation.

Lisuk A. I. Socio-cultural Determinacy of Political Leadership // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 33-42

The article is based on research of political leadership's socio-cultural determinants. This phenomenon is seen as integral with universal historic character. Same talking the author places high emphasis on notion of culture. Which in tern permeated all structure components of political leadership phenomenon.

Key words: Political Leadership, Culture, Political Culture.

Filatov A. S. Public Relations During Election Campaign: Theorizing on Basis of Practical Activity // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 43-50

Analysis of two sides interaction – political actor and voter during election campaign is main point of this article. Only effective use of Public Relations during election campaign caused establishing of feedback from voter. At the same time it is the way to enter by voter to socio-political interactivity. Special emphasis has been devoted to description of election campaign's information ensuring and positioning technique.

Key words: Public Relations, Election Campaign, Social Interaction, Positioning.

Khan E. A. Political Space's Modeling: Possibility of Practical Usage of Theorizing Concepts // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 51-62

The author analysed important approaches to political actor's typology, with principal concern on Ukrainian and Crimean political space reality. By statistic analysis the author examined an opportunity to form dynamic models, which in tern will help displaying of basic motives in electorate's political choice.

Key words: Political Actor's Typology, Model, Political Space, Party.

Dryomov O. A. Crimea Regional Printed Mass-Media's Features: To the Question of Methodology and Analysis // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 63-74

Crimean printed media plays an important role in contemporary political, economic and social life of peninsular. In this article the author provides method of analyzing printed media and researches basic indexes of printed media in Crimea. The author discovers economical, technical and content (sapid) peculiarities of the Crimean newspapers. The research covers the period since 1993 till 2003.

Keywords: Political Communication, Printed Media.

Stulov I. V. Verkhovna Rada of Autonomous Republic of Crimea Communication in Second Quarter of 2003 // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 75-82

In this article the structure of communication of the Crimean parliament has been analyzed. The author proposes a new approach in analysis of the pattern of political actors' communication. Analytically global social space can be described as several different institutional levels: the level of international and transnational organizations; the level of sovereign states; the level of regions of sovereign states; and the level of subregions of sovereign states. Fixing communication of political actors, the localization of their partners in global social space should be presented. The use of this approach makes possible to describe the parameters of "openness" of Crimean parliament in the structure of the national polity and in the global politics.

Key words: Crimean Parliament; Crimean Politics; Political Communication; Theory of Globalization.

Gorenkin V. A. Ethnopolitical Conflict: Methodology of Analysis // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 83-89

The problematic field of the article covers a wide range of questions: the problem of the ethnopolitical conflict definition, power and ethnopolitics, international legal interpretation of ethnic conflicts. There is a clear structuration of different conflicts (social, ethnic, ethnopolitical), levels of their realization and measuring. More attention is given to the practical examples of ethnopolitical conflicts, analysis of the disputed situation which sprang up in the Soviet Union are cited, the precise analysis of its development and the conflict proceeding are given, the west European experience is not left aside.

Besides the theoretical and practical description the article has methodological recommendations on the ethnopolitical conflicts study. The author emphasizes on the necessity to use deeper the systems analysis and "political approach".

Key words: Political Conflictology, Ethnopolitical Conflict, Conflict, Ethnic Conflict, Separatism, Ethnopolitics, Nation, Ethnos.

Gasparyan M. V. Comparative Analysis of Monitoring Systems of Socio-Political Processes // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 90-100

In the article monitoring systems of socio-political processes have been described. These problem become more and more popular in region. Results of analysis done by author have been presented

Key words: Monitoring, Prevention, Prediction, Indicator, Conflict

Muratova E. S. Renaissance of Islam In Context of State Policy of Ukraine // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 101-106

In this article author analyses some problems of state-Islamic relations in Ukraine and Crimea,

connected with absence of whole conception of this relations. There are proposing some propositions, which may become components of this conception.

Key words: Islam, State.

Somov M. V. Methods of Research In the Field of Political Communication // Uchenye zapiski TNU, Series: Political Science, 2004. – Vol. 17 (56). #1. – P. 107-116

The article is dedicated to method of research of political communication. The problem, three level and system of cybernetic method of analysis to political communication are considered. The facts of research that carry out to author are adduced.

Key words: Method, Methodology, Political Communication.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арудов М. С. – соискатель кафедры политических наук ТНУ.

Габриелян О. А. – доктор философских наук, заведующий кафедрой политических наук ТНУ. E-mail: gabroleg@mail.ru.

Гаспарян М. В. – аспирант кафедры политических наук ТНУ. E-mail: mgasp@mail.ru.

Горенкин В. А. – ассистент кафедры политических наук ТНУ.

Дрёмов А. А. – аспирант кафедры политических наук ТНУ. E-mail: alexdryomov@mail.ru.

Кузьмин П. В. – кандидат философских наук, доцент Таврического экологического института.

Лысюк А. И. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Брестского госуниверситета им. А. С. Пушкина.

Муратова Э. С. – аспирант кафедры политических наук ТНУ.

Стулов И. В. – аспирант кафедры политических наук ТНУ. E-mail: ivstulov@yandex.ru.

Сомов М. В. – аспирант кафедры политических наук ТНУ. E-mail: msomov@mail.ru.

Филатов А. С. – руководитель центра этносоциальных исследований при кафедре политических наук ТНУ. E-mail: asfilatov@mail.ru.

Хан Е. А. – старший преподаватель кафедры политических наук ТНУ.

E-mail: rruare@rainbow.ua.

Чемшит А. А. – кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских и социальных наук Севастопольского национального технического университета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чемшиит А. А.</i> Культурно-Цивилизационный кризис Запада.....	3
<i>Кузьмин П. В.</i> Политическая деятельность: сущность и характерные признаки	20
<i>Арудов М. С.</i> Социокультурные параметры гражданского общества.....	26
<i>Лысюк А. И.</i> Социокультурная детерминация политического лидерства.....	33
<i>Филатов А. С.</i> Public Relations в избирательной кампании: теоретические основания практической деятельности.....	43
<i>Хан Е. А.</i> Моделирование политического пространства: возможности практического применения теоретических подходов.....	51
<i>Дрёмов А. А.</i> Особенности региональных печатных СМИ Крыма: вопросы методологии и анализа	63
<i>Стулов И. В.</i> Коммуникации Верховной Рады АРК во II квартале 2003 года (по данным контент-анализа «Крымских Известий»).....	75
<i>Горенкин В. А.</i> Этнополитический конфликт: методология анализа.....	83
<i>Гаспарян М. В.</i> Сравнительный анализ мониторинговых систем социально-политических процессов.....	90
<i>Муратова Э. С.</i> Возрождение ислама в контексте государственной политики Украины.....	101
<i>Сомов М. В.</i> Методы исследования политической коммуникации.....	107
<i>Габриелян О. А.</i> Американская ассоциация политической науки.....	117
<i>Филатов А. С.</i> «Політичний Менеджмент» – новый украинский журнал.....	127
<i>Съедин Н. А.</i> Проблемы развития институтов гражданского общества и их взаимодействия с государством в условиях демократических трансформаций	
<i>Розатин В. П.</i> Регион государства как субъект внешнеполитических процессов	
Аннотации.....	144
Анотації.....	147
Summary.....	150
Сведение об авторах.....	153